

Александра Шмик

ЗЕРКАЛО КОЛОДЦА

Александра Шмик

Зеркало колодца

<https://litres.ru/74112673>

SelfPub; 2026

Аннотация

Всё в руках Творца.

У Мироздания свои дороги. Пройденные теряются в дымке прошлого, грядущие простираются временем, бегущим к вечно недостигаемым горизонтам. Таково время. Оно неостановимо, как и Первородная Душа, никому и ничему не обязанная своим появлением, ни перед кем и ни перед чем не держащая ответа. Ей, Первородной, надо лишь пройти своими дорогами, через лишения, горести и потери, вопреки, казалось бы, всему, и обрести веру, ту самую, какую завещала людям.

Содержание

Предисловие	4
Пролог	8
Глава 1. Начало рюина. Знакомство с дневником	46
Глава 2. Шестой день месяца рюина. Прогулка на берегу	73
Глава 3. Седьмой день месяца рюина. Бриг	99
Глава 4. Девятый день месяца рюина. Прогулка с Антуаном	136
Глава 5. Одиннадцатый день месяца рюина. История с бычком	167
Глава 6. Двадцатый день месяца рюина. Зарядка и незнакомец	194
Глава 7. Двадцать второй день месяца рюина. Урок космоведения и открытие дара	218
Конец ознакомительного фрагмента.	219

Александра Шмик

Зеркало колодца

Предисловие

История о короткой жизни удивительной девочки.

В потоке времени несутся одна за другой эпохи, и нет им конца, а начало скрыто во мгле. Тысячи, а то и миллионы лет отмеряно каждой эпохе, и каждая эпоха – это шанс человечеству. Но всякий раз человечество, каким бы оно ни было, теми или иными деяниями изводит себя, словно чьей-то невидимой рукой смахивая с лица Земли недостойных, опасных как для себя, так и для прекрасной голубой планеты. Так, между эпохами, разочаровавшись в своих созданиях, Творец даёт Земле прийти в себя, и тогда, в тиши шелеста лесов и морских прибоев, планета предоставлена себе. Такие периоды Творец называет Периодами Тишины.

Именно Творец создал Землю. Она – его второе творение. Первым была Белая планета. На ней и по сей день, спустя миллиарды лет, живут первые Творцовы дети – Белые Люди. И на Земле есть они. Когда-то именно Белые Люди помогли Творцу отыскать потерявшуюся Землю. Именно они, немногим количеством, с санями и оленями отправились с Творцом в то памятное путешествие по Мирозданию. Найдя

Землю Белые Люди установили на ней колодец. (Зачем? Это отдельная и длинная история, требующая своего времени.) А после они захотели остаться на понравившейся им Земле. И остались, и по сей день живут среди снегов севера. А Творец в благодарность за оказанную услугу оградил своих первых детей от людского глаза и будущих несчастий.

Сам же Творец, до того не имея облика своего, но глядя на первых детей своих, возжелал для себя их облик. Так, образом и подобием стал он одним из них, выбрав женское начало, как творящее новую жизнь. И тогда Белые Люди устами своими нарекли Творца Страницей, потому как странствовал Творец по Мирозданию в обличии девы, плодя его мирами новыми, обустроивая их и бросая в их почвы семена жизнью.

С первых эпох любила Страница в образе прекрасной девы жить среди землян. И многие эпохи наслаждалась она природою любимого мира и участвовала в делах детей своих. Вот только не знала она ни добра, ни зла, тогда как люди знали и то и другое, обладая голосом совести, своим вторым Я. Таковыми их создал Творец, посчитав, что борьбой добра и зла души человеческие уравниваются и обогащаются, как через радости, так и через страдания.

Обращаясь памятью в то давнее своё сотворение, Творец узрел, как часть его самого, малой, но яркой звездой отделившись, устремилась в бескрайнюю темноту, где и скрылась с его глаз. Та звезда и была внутренним голосом, той сущно-

стью, что делает всякую душу сложной и противоречивой. В дальнейшем Творец создаст себе подобие недостающей части. То подобие и станет его совестью.

А эпохи шли за эпохами. Души, созданные Творцом и обретшие его милостью тела людские, росли, взрослея и обогащаясь. И вот уже они пожелали устраивать свои жизни без пригляда свыше. И тогда Странница спряталась за личиной обычного тела, полагая, что и далее, пусть и исподволь, станет жить среди детей своих. Но природу свою, а тем паче природу Творца, не так-то и просто спрятать. И тогда Странница решила избавлять себя от сущности Творцовой и проживать земные жизни человеком. Так и появился Камень. И всякий раз приходя на Землю, Странница прятала в него всю свою мощь Создателя Мироздания.

Было у Странницы и милое её сердцу место. Его она и обустроивала, дабы жить от самых первых дней в любви и заботе. А ещё призывала она, начиная с Эпохи Колдунов, людей из числа тех, к коим питала уважение и симпатию. И стали они Охранителями её.

Тогда же захотела Странница дать человечеству шанс возрасти духом своим до мощи Творца. Видела она устремлённые в даль, за грани возможного, взгляды иных людей и понимала их порывы и томление. В каждом таком человеке жила сила духовная, более силы любого другого, сила неистребимая, дерзкая. Такой человек осознанно, или ещё нет, верил в безграничность своих возможностей, верил в себя,

как в Творца. Вот тогда и зародилась у Странницы мысль – дать таким людям шанс занять её место.

Скольким рисковала Странница? Казалось, она рисковала всем. Но такова её натура. Она искала новое и находила. Но и ошибалась тоже. Но что если Творец Мироздания ошибается намеренно? Не являются ли его ошибки желанием самому пройти дальними дорогами Мироздания и полной мерой испить чашу горестей и обретений, что дано испить человеку достойному созидать?

Пролог

Начало эпохи Колдунов.

Третье число месяца рюина.

Всё в руках Творца.

Там, где на краю мира плескало свои воды Ледяное море, чайки резали воздух – то штрихами крыльев, то свербящими криками; нерпы грелись на песчаных берегах под лучами солнца, что, словно волчок, взбегало по краю стылого, просоленного небосвода, всякий раз тепло укутываясь в облачную шаль, стоял вросший в земную твердь маленький, но упрямый в своём желании быть остров. Посреди острова, повторяя его, обращённую с юга на север продолговатость, тянулась к небу приметная, откуда не глянь, гора. На северной её оконечности, к слову сказать самой высокой, красовалась белоснежная башня маяка, увенчанная стеклянным куполом, да стояло несколько изб с десятком хозяйственных построек.

В одной из изб – самой обычной для этих мест (небольшая горница в два окна, кухонька с охочей до доброго жара печью, просторные сени да маленькое крылечко в три ступеньки с резными перильцами и двумя столбиками, подпирающими двускатный навес) – жили женщина с дочерью. Жили

они без крепкой руки. Такова была воля морской стихии, что много зим назад, не спросясь, утянула к себе кормильца – крепкого, как мореный дуб, помора, на коем держался весь этот малый мир.

Суровое, неподвластное, казалось бы, никому и ничему море – щедрое и в жизни, и в смерти – слыло скорым на расправу. Вмиг оно скручивало в тугие нити и комья до того неосязаемый воздух, швыряло ими налево и направо и в этой горячности расходилось само, всякий раз тяжёлой рукой зло лаская упрямый клочок земли – так некстати вросший в самое его нутро. И как любил говаривать один из немногих островитян, старик Карпуха: «День черязь день, глаз отворишь поутру, а ить снову штормá всхлопучилася. Тяперича днёв с дюжину шаловать будёт. Окаянник этакий». И что удивительно – прогнозы старика сбывались.

Вот и вчера, во второй половине дня с северных окраин погнало по морю тяжёлую штормовую волну. За ночь оно не на шутку освирепело, вздыбилось кипящей пеленой до небес – солёной, густо приправленной терпким духом морской травы и йодистой свежестью потаённых глубин. Морское нутро начало выворачиваться наружу, напрочь стирая из памяти ещё недавнюю ленивую зыбь. А уже под утро, вслед за морем всхлопучились небеса и понесли дождём, то скудливо берендящим, то стервенеющим до непрогляди. Море продолжало истошно штормить, казалось, чья-то рука злоумышленно болтает и болтает воду в огромной, не знаю-

щей краёв чаше, желая сорвать с земного пьедестала маленький островок, а затем нещадно швырять его от одного предела до другого. Бесперывное, ставшее нудным грохотание волн, разбивающихся о берег, было слышно даже сквозь вой ветра.

Избушка, о коей пойдёт речь, стояла у самого края обрыва – стояла твёрдо, как и сам остров, будто выросла в него стопами древних, выдавших всякое каменей фундамента. Кухонное окошко её глядело на запад: туда, где простиралось бескрайнее море, где чернел крутой каменистый обрыв со скупым кустарником, где раскинулось широкое нижнее плато – то мховатое, то песчаное с бегущими, как волны валами, то поросшее рошицами невысоких танцующих берёзок.

И словно в плату за небесную музыку моря, изба испытывала на себе тяжёлый нрав, как и полагается – враз всех стихий.

Этим утром в окно маленькой кухоньки беспрестанно били тугие струи дождя. Мария Васильевна, поднявшись со скамьи, сильнее запахла отворот толстого халата и потёрла руки. В доме было тепло, но от непогоды за окном казалось, что всё тело застыло.

За круглым столом, что одной крепкой ногой по-хозяйски стоял в центре кухни, сидели двое детей: Галя, и её сверстник – мальчик с необычным для этих мест именем Польш.

– Пишите, – глядя на детей сквозь пенсне, скомандовала женщина и по слогам произнесла. – Ка-ра-да-ш.

– А что это такое, Мария Васильевна? – поинтересовался Польш, старательно выведя слово пером на листе бумаги.

– Я вам позже расскажу о них. Но сначала мы запишем ещё несколько слов, – строго проговорила женщина и уже другим тоном продолжила медленно проговаривать по слогам следующие слова. – Ма-на-скри-п-т, йо-ве-ли-р, дви-жател, ние-три-но, ми-ро-воз-да-ние, йа-дер-ной.

– Фуф! – девочка тяжело вздохнула и потёрла лоб рукой.
– Мама, а зачем мы пишем это?

– Затем, – начала Мария Васильевна, обращаясь к обоим, – что, быть может, вам доведётся узнать значения этих слов.

– А сейчас? Разве вы, взрослые, не знаете? – с сомнением в голосе спросил Польш.

– Не знаем, Польш, – покачала головой Мария Васильевна.
– У нас есть только некоторые плохо сохранившиеся написания самих слов, но не их значения.

– Они были написаны очень давно, да, мама?

Женщина кивнула.

– Очень давно. Возможно, даже раньше, чем первые люди появились на Земле.

– А мы? Разве мы не первые люди?

– Я вам не рассказывала? – спросила Мария Васильевна, глядя на мальчика.

Польш отрицательно мотнул головой.

– Ещё мои прабабушки и прадедушки рассказывали о временах тысячелетней давности, – Мария Васильевна тихо

вздохнула, – когда во всей тайге, сколько не иди, хоть вдоль, хоть поперёк, человека не встретишь. А им об этом рассказывали их прабабушки и прадедушки.

– Ох! – воскликнула Галя. – Как же давно это было!

– Слишком давно, – утвердительно ответила её мама, поднимаясь со своего места. Она начала медленно ходить вокруг стола широкими, неспешными шагами, словно размышляя над каждым своим движением. Мария Васильевна обратила свой взгляд в окно, всматриваясь в полоскавшую дождём тягучую тёмную ткань, и продолжила. – Люди объявлялись как бы ненароком, где в одиночку, где по двое, в дубравах, среди кричащих птицами холмов, по побережью рек и морей. Никто в те времена не задавался вопросами – по чьей воле и как. Они появлялись, словно пробудившись ото сна, и, не думая о памяти вчерашнего прожитого, жили сегодняшним. Разными они были – эти люди. Кто за землю брался, возделывая поля; кто снасти правил, покоряя моря; кто пускался в странствия, познавая мир, а кто-то дар в себе обнаруживал изменять этот мир в самых основах его. Тех колдунами прозывать стали. Одни светлыми были, другие тёмными. Среди колдунов и ведьмам место нашлось. Особенные люди, ведьмы эти. В них светлое с тёмным щедро пересыпаны. Так, во всяком случае, утверждают учёные умы.

– А где они, эти учёные умы? – спросил мальчик.

– Есть за морем одно городище. Далекотсюда. Я один раз побывала там...

– Городище? Что это? Расскажите, Мария Васильевна, – Поль подался вперёд, глядя снизу вверх на стоящую перед ним женщину. Его короткий вздёрнутый носик, густо обсыпанный веснушками, и живой любопытствующий взгляд делали мальчика похожим на иного зверька, по утру выглядывающего из своей норки.

Мария Васильевна улыбнулась. Ей искренне нравился этот мальчик. В отличие от непоседливого, беспокойного, вечно ищущего чего-то Антуана, Поль отличался примерной усидчивостью и вдумчивостью, хоть оба и были безмерно любопытными. И сейчас, например, Поль сидел на уроке, а Антоша в такую-то непогоду, что носа не сунешь по воле доброй, шастал незнамо где.

Из-за шума ветра сидящие за столом не услышали, как открылась и закрылась дверь сеней, а потому все разом вздрогнули, когда в предбаннике, за порогом кухни раздался надрывный шёпот:

– Мария! Гляньте-ка!

То и дело, суетно заглядывая в кухню сквозь дверной проём, топтался в нетерпении и одновременно боязливо невысокий мужчина в просторном плаще военного образца с огромным капюшоном и низом волочащимся по земле. Широкие рукава были чрезмерно длинными. Оттого нельзя было рассмотреть ношу, с которой пришёл в дом этот человек. Звали его Егором.

С утра и до вечера, изо дня в день проводил Егор в лёгком

охмелении, чего не скрывал и не стыдился. Но, несмотря на свою неприметность, слыл он человеком рукастым: маяк, за которым он был приставлен смотрителем, всегда содержался в исправности. Живя в одиночестве, он тем не менее оставался лёгким в общении и простоватым в суждениях, отчего и располагал к себе других островитян.

– Силы небесные! Егор! Напугал-то как!

Мария Васильевна, до того неторопливо расхаживающая возле стола, внезапно остановилась. От испуга и неожиданности она, было, рассердилась, но заставила себя успокоиться. Внутреннее чутье подсказывало ей: Егор не просто так спьяну ввалился в дом, чтобы напугать её.

– Что стряслось?

– Мария. Вот. Смотрите, – Егор громко шмыгнул длинным от годов иссохшим носом. Путааясь в плаще, он торопливо прошёл на кухню, приблизился к столу и зашуршал рукавами. Из недр одежды он достал корзинку и поставил её на стол, несмотря на всю свою предыдущую суетливость – мягко, почти бережно, можно подумать, это был хрустальный сосуд. Не успев задержаться ни на миг, тут же вернулся к двери.

– Смотрите, родимая! – старик указал дрожащим, может, от продрогши, может, от волнения пальцем на корзинку. – Диво какое! По берегу мы шли, и вот...

– Что это? Спьяну ты, Егор? – проворчала женщина, бросив взгляд на корзинку. – И что же в ней дивного?

– Мария... – голос Егора дрогнул, он говорил шёпотом, словно боясь разбудить кого-то, и походил на коня, в нетерпении переступающего ногами – Там... дитя. Младенец. В одеяльце. Спит.

Мария Васильевна внимательно посмотрела в его глаза, вытерла руки подолом халата и дотронулась до корзинки.

– Осторожно! Бога ради! Тяжёлая она... – подавшись всем телом вперёд, маячник, повинувшись некоему инстинкту, а потому безотчётно вскинул руки, готовый в сей же момент подхватить и спасти хрупкую и столь ценную для него жизнь.

– Ладно тебе причитать, – оборвала Егора женщина. – Дура я, по-твоему, что ли? Дочку, вон, вырастила – не чета тебе, бобылю.

Несмотря на свои уверенные слова, Мария Васильевна не могла скрыть волнения. Возможно, это было от неожиданности момента, или, быть может, с шепотом ей передались страх и трепет маячника. Затаив дыхание, с великой осторожностью, она и подняла из корзинки неё кулёк. Опустив его на стол, подняла уголок одеяла.

Смотря во все глаза на открывшееся личико мирно спящего младенца, женщина тихо проговорила, возможно, сама себе задавая вопрос:

– Это как же, а? Дитя... Грудное...

Повернувшись к Егору, стоящему возле двери, и нервно мнущему шапку большими узловатыми, покрытыми старческой рябью веснушек руками, Мария Васильевна строго, но

тем же тихим голосом, почти шёпотом спросила:

– Егор, расскажи мне, где ты взял ребёнка. Ну?!

Маячник занервничал. Дрожащей рукой повёл в сторону окна и, заикаясь, начал свой рассказ:

– На берег мы... – старик икнул, облизал губы, – пошли, с Антошей, водоросли проверить, не унесло ли волной. Я же, вы знаете, Мария... – он снова икнул, засмутился, – долго собирал, а Антоша, так он всегда...

– Короче, Егор! – прервала его, женщина. – Ребёнка где взял?

– Так я чего и говорю вам! Там и взял, – разволновался мужичонка, утирая шапкой кончик носа. – Как мы с Антошкой к берегу спустились, пошли вдоль, а тут волна, а на гребне корзинка, значит, эта. У пацанёнка глаз зорче моего – он на просветлу, со стороны глядя, и призаметил, корзинку-то эту самую, – проговорил Егор, указывая кивком головы на корзинку. – На песок её, значит, кинуло. И следом волна... Я так смекнул – Антошке она ни к чему, а мне пригодится. Ну, я и побёг, чтоб не успело её в море унести. Хвать, а она тяжёлая. Ни зги ж не видать, так я рукой пошарил и определил – кулёк лежит в ней. Отогнул краешек, какой нащупал, тронул, а тама... – маячник судорожно выдохнул, и пристально, умоляюще смотрел в глаза Марии Васильевне, без сомнения полагая, что только она одна способна разрешить столь невиданное упущение и спасти только народившуюся, ещё молочную жизнь, так и его самого, пусть и уже старого

душой, но светлого в самом её стержне. – А что делать теперь и не знаю. С Антошкой вокруг посмотрели – нет никого. К вам так сразу и заторопились. А как не спешить, коли дитя совсем раннее? Шутить нельзя. Не до шуток здесь. М-да. Вот ведь дело-то какое, значить. Это ж мы возле избыны твоей, в свету окна разглядели и удостоверились, для надёжности, так сказать, а то ж темень, а вдруг обшиблись, вдруг не ребёночек вовсе? – сказал Егор и замолк, всё также продолжая мять свою шапку.

– Мама, а мы оставим себе ребёночка? Интересно, это братик или сестрёнка? – девочка встала со скамьи и теперь крутилась возле матери, сгорая от любопытства и восторга. То и дело она пыталась дотронуться до спящего младенца.

– Не трожь, Галюня! Что ты делаешь?! Разбудишь ещё! – перепугано зашептала Мария Васильевна, схватив дочь за руку. – Что делать-то будем? Кормить чем?

– Так что, мам? Мы себе ребёночка оставим? – с непонятно откуда взявшейся и в тот же миг разгоревшейся надеждой спросила Галя, затаённо вглядываясь в глаза матери.

– Нет, конечно. Он чужой. Его ищут. Представить не могу, какое горе у матери, потерявшей дитя, – женщина вновь повернулась к Егору. – Милый, раз ты всё ещё здесь, сходи за Леонидом Фёдоровичем. Попроси его, чтоб пришёл. И чемоданчик свой пусть прихватит. И ещё... – Мария Васильевна на секунду задумалась, – вы с Антоном точно никого не видели на берегу? Внимательно смотрели? Обломков не бы-

ло? Может, они на карбасе шли да разбился он? Шторм-то какой, – но, чуть помедлив и не дождавшись ответа на свои вопросы, махнула рукой. – Ну, иди же.

– Мам, а как зовут ребёночка? – девочка всё ещё стояла рядом в надежде потрогать малыша.

– Да как мне знать-то? – женщина аккуратно, не поднимая со стола, повертела корзинку. – Записки нет вроде. Может, и не успели ещё имя дать...

– А Леонид Фёдорович придёт и узнает имя?

– Ну что ты! Как же он узнает? Он врач, а не волшебник...

– Её Александрой зовут, – неожиданно подал голос Поль. Сказал он эти три слова тихо, по-особенному кратко, но с такой уверенностью, от которой у Марии Васильевны ёкнуло в груди.

– Поль, ты чего это? – женщина строго посмотрела на мальчика. – Откуда тебе знать это?! И почему ты решил, что её зовут Александра? Это вообще девочка?

– Предполагаю, что да, – ответил Поль, явно отвечая на последний вопрос, и ухмыльнулся.

– Но почём тебе знать-то? Говори, коли ведаешь, а то нет веры твоим словам! – Мария Васильевна села на стул напротив мальчишки, сложив руки перед собой, и пристально посмотрела на него. – Ну, ясно. Сказал бы просто: имя нравится. Эх, Поль! Кабы знать наверняка, так пусть хоть Александрой будет. Я-то не против. А вот сейчас придёт Леонид Фёдорович, осмотрит малышку. После уж разберемся, кого

да как... Может, и родителей сыщем, тогда всё и узнаем. Да проверим твою догадку.

– Только не догадка это. Я же правду говорю. Я знаю. У неё уже есть имя, – мальчик опустил голову, словно был повинен в своей убеждённости.

Женщина строго посмотрела на мальчика. Уже хотела было резко ответить на такое невиданное заявление, да и самодовольное упрямство ребёнка её порядком задело.

– Ладно тебе, понимаю я, – она вздохнула, внутренне смиряясь с детской причудой, и машинально опустила руку на его голову – то ли чтобы погладить и успокоить, то ли, может, сама искала успокоения в этом жесте.

Поль слегка дёрнул головой, стряхивая с себя руку Марии Васильевны, и всё с тем же упрямством и с твёрдой уверенностью в своих словах пробубнил:

– И родителей её вы не найдёте.

Женщина взмахнула руками, выражая этим своё возмущение нелепым словам ребёнка, а следом, спохватившись, заставила себя успокоиться, потому как непедагогично это – так реагировать.

В сенях грохнула сердитым ветряным порывом уличная дверь, застучали сапоги, и открылась, шурша войлочным подолом, дверь предбанника, впуская двух мужчин. Первым был Егор: невысокий, щуплый, что угадывалось даже сквозь длинный и просторный, а иными словами – не по плечу плащ. Вторым мужчиной был рослый, наголову выше Егора,

Леонид Фёдорович— фельдшер, возрастом вровень с маячником.

Вошедшие молча разделись. Егор остался бестолково топтаться у порога кухни, шумно шмыгал носом, то и дело подтирая надоедливые сопли рукавом. А Леонид Фёдорович, подхватив с пола принесённый им сильно истёртый пузатый саквояж, по-хозяйски, походкой, как увидавшего виды моряка, прошёл на кухню. Обведя её взглядом, направился к раковине, где помыл руки, обтёр их висящим рядом полотенцем и подошёл к столу.

Мужчина был высоким, ещё крепким, с небольшим животиком, с окрашенными серебром, коротко-стриженными волосами, с глубоко посаженными, всё подмечающими тёмными глазами и острым носом. На его плечи был накинут простенький суконный пиджачок. Этот пиджачок, сколько помнила Мария Васильевна, видел свет уже лет десять, а то и больше, и была тому причина – умелые, старательные руки супруги Леонида Фёдоровича – Марфы Ивановны.

Холила и лелеяла супруга фельдшера не только этот пиджак, но обшивала и обвязывала всех островитян: одни за другими вязала Гале-сорванке рейтузы, не успевающие прожить зиму на крутых ледовых горках, латая и подшивая тулупчики, тулупы, шубки и полушубки, строча на дивном аппарате, которую называла швейной машинкой рубахи, юбки и сарафаны. Весь остров был ею одет и обут, и далеко ходить не надо – скатерти, что на кухонном столе, что на столе в

комнате были вязаны ею.

Справедливости ради стоит отметить: вязала и шила и Мария Васильевна. Мужа у неё не было, но на своё счастье имела от него дочь, за пригляд и воспитание которой уходила добрая часть времени.

Или вот, взять, к примеру, умершую от страшных колик в том году Татьяну Алексеевну, на пятнадцать лет пережившую своего мужа Сергея Леонидовича. Так вот, она той ещё слыла рукодельницей, и такие вещи выдавала из-под игл, крючков и спиц, что все диву давались. Или супруга Карпухи, бабка Параскевна. Сварливой она слыла женщиной, и муженька своего нещадно гоняла, тогда ещё резвого, энергичного, охочего до всякого «сумнительного» (как говаривал он сам) мероприятия. Но было у Параскевны свойство одно, особо ценимое в суровых краях поморов – хоть бубликом гнутый гвоздь возьмёт, но вгонит его обухом топора, словно безупречно прямую иглу в вату – гладенько, в три удара. Так же и по шитью у неё ладно выходило, да только давно то было, потому и поросло былъём.

– Утро доброе, Мария, – глянув на хозяйку избы, в задумчивости уставившуюся в окно, Леонид Фёдорович, хоть и понимая, что та его сейчас не видит, по привычке, вслед за словами кивнул. – Ну? Показывай. Кто тут у тебя больной?

Мария Васильевна, медленно отвела от окна взгляд. Можно подумать, за ним сейчас висела не серая морось, за завесой которой хоть глаз выколи, а синела залитая солнцем

даль. Обернулась и молча, кивком указала на корзинку.

Так уж получилось, что фельдшер пришёл не вовремя, не сейчас, когда мысли её взбунтовались: «Да что же это такое-то?! Ну что за мальчишка?! Глупость сказал. И ты веришь? Ну, уж нет! Это же смешно! И не глуп он совсем. Да, ребёнок, а потому не придаёт значения своим словам. Мелет чепуху – без умысла, конечно. Грех сердиться. Мальчик хороший. Дочка у меня умница, а про него плохого не скажет. Это что-то да значит. Но зачем он сказал это? Да ещё так уверенно? Быть не может! Поговорить с ним? Надо, конечно. Мальчишка понятливый. Обязательно поговорю. Успокойся, а вдруг он знает что? Не смейся! Нет! Успокойся. Это же ребёнок, уютный к тому же. Здесь педагогика нужна. Ты педагог, Маша! Не забывай. Ладно, Лёня пришёл. Посмотрим, что он скажет».

– Вот дьявол, Леонид! – нелёгкие, с тревогой размышления тут же выпорхнули из головы, и только сейчас Мария Васильевна вдруг испугалась, что фельдшер с недостаточной осторожностью подошёл к столу, на котором стояла корзинка. – Осторожнее! Бога ради!

– Ты о чём? – спросил он обескураженно.

– О младенце я. В корзинке. Вот.

– Вот так новость. Ребёнок, говоришь? – и бросив на женщину строгий взгляд, добавил со свойственным всякому медицинскому работнику, всё тем же спокойным и неторопливым тоном. – Обязательно осмотреть. Но потом, Маша, рас-

скажешь мне всё.

– Леонид, расскажу всё, всё, что знаю, – заверила его женщина.

Постелив на стол одеяло, фельдшер аккуратно распеленал найдёныша, ощупал крохотные ножки и ручки, после чего приложил фонендоскоп к груди малыша, чтобы послушать сердцебиение.

– Девочка совершенно здорова, – заключил мужчина, бережно заворачивая малютку в одеяло.

– Это хорошо, – задумчиво проговорила Мария Васильевна. Но затем, взглянув на врача с подозрением, спросила. – Ты уверен?

Леонид Фёдорович опешил.

– Ты о чём, Маша?

– О девочке я. Ты уверен, что это девочка?

– Ты удивляешь меня, – фельдшер обернулся, бросил обескураженный взгляд на корзинку, словно только сейчас её заметил. Затем повернул голову и с недоумением посмотрел на женщину. – Ты же сама видела. Девочка это.

– Ну да, ну да. Девочка, – задумчиво повторила Мария Васильевна. Она снова качала на руках вновь запелёнатого, ребёнка, как-то растерянно глядя на Леонида Фёдоровича. Молчало и дитя, не мигая рассматривая женщину своими пасмурного неба глазками.

– Мария... – Егор, стоя у двери, переступал с ноги на ногу. И все так же, по привычке, мял шапку. По всему – го-

рел нетерпением уйти, если бы не его болезненная застенчивость. – Я уж пойду на берег, поискать бы надо родителей-то, а?

– Да, да, Егор, – с трудом возвращаясь из нелёгких размышлений, ответила женщина. – Конечно. Хотя, постой, – и она обернулась к фельдшеру. – Леонид, тебе бы сходить с Егором. Мало ли отыщете кого, да помощь твоя потребуется.

– Я непременно иду. Егор, жди. Вместе пойдём, – фельдшер торопливо оделся, и схватив саквояж, открыл дверь.

– Да брось ты портфель свой, – почти шёпотом «прикрикнула» на него женщина. – На кой ладан тяжесть этакую с собой таскать по берегу? Возвернёшься ещё.

– Ты права, Маша, – согласился фельдшер, недоумевая, от чего сам до того не додумался. Он поставил саквояж и стал рыться в нём, что-то перекладывая оттуда себе в карман. Посчитав, что взял всё, что может потребоваться, если море смилостивится и решит не оставлять младенца сиротой, Леонид Фёдорович открыл дверь и вышел в сени.

Егор поспешил за ним. Даже сквозь закрытую дверь предбанника слышно было, как резко, наотмашь хлопнула от ветра уличная дверь – так иной раз человек от неожиданности или обиды резко захлопывает рот.

Мария Васильевна подошла к столу, бережно положила в корзину младенца и устало присела на стул.

– Покормить бы надо, ребёнка-то. Молоко нужно. Галуш!

– Ну что, мам?

– За молоком к Карпухе сбегай, ребёнку нужно покушать. Да Поля возьми с собой. Негоже одной по такой погоде под гору ходить.

– Ребёнку... Ребёнку, – эхом повторила девочка. – А имя дать ему не хотите?

– Дадим. И вообще: что ты такое говоришь? Найдём родителей. Они же где-то есть? Ну не может ребёнок, да ещё такая кроха, без родителей! – женщина тяжело вздохнула.

– Всё, давайте, бегите к Карпухе. И бидон не забудьте. Вон, за печкой, справа. Скажите ему: рассчитаюсь с ним позже. Некогда мне сейчас.

– Мама! – воскликнула было Галя и тут же спохватилась, переходя на шёпот. – А поди, дед Карпуха отлучился куда?

– Знаю я его. В такую-то непогоду он носу за порог не высунет.

– А нам, значит, можно в такую погоду, да? – продолжала недовольствовать девочка.

– Кому-то надо за молоком сходить, Галуша, – Мария Васильевна хотела ещё что-то сказать, но махнула рукой, указывая детям на дверь. – Всё. Бегите.

Девочка, всем недовольная, бурча, проклиная неудобные ей обстоятельства, обмоталась шарфом, накинула фуфайку и, одновременно борясь с пуговицами, вставила ноги в резиновые сапоги на пару размеров больше требуемого. Гремя бидоном и на ходу нахлобучив на голову шапку, выскочила из дома, хлопнув дверью. Следом безропотно, всегда во всём

послушный, вышел и Поль, аккуратно закрыв за собой дверь.

«Ну что за ребёнок...» – подумав о дочери, Мария Васильевна вздохнула, аккуратно взяла младенца из корзинки и, сидя, принялась качать, хотя тот и без укачивания безмятежно спал.

Думалось о надобности колыбельки, о том, что рукам и другие дела есть. Думалось много ещё чего, но всё больше тревожного, сродни ненастью за окном. Наконец, снова вернув куль с младенцем в корзинку, женщина положила на стол руки, опустила на них голову и незаметно для себя забылась сном.

Что Леонид Фёдорович с Егором, что немногим позже Галля с Полем, привычные к лихим замашкам морской вольницы, стойко сопротивляясь ударам ветра и придерживая руками капюшоны плащей, смотря в ноги, шли по осклизившейся верхней дороге.

Дорога эта пологими, неторопливыми волнами вилась поверху, не рискуя скатываться по крутому осыпчатому склону, и только немногим дальше, покинув самую макушку горы, решалась наискось, с хитрецей съехать вниз.

Здесь, на просторе нижнего плато двое мужчин направились к причалу, задумав идти от него вдоль берега в разные стороны, пока не встретятся на противоположной его стороне. Могло подуматься, стихия вняла чаяниям островитян и перевела свой гнев с островка на небеса, рвя в клочки, а затем и расшвыривая по сторонам тёмную облачную ткань.

Засветлелось. Однако осторожное солнце предпочитало поглядывать на этот крайне чумной край мира сквозь один глаз, и тот щурый. Море ещё гомонило, но всё больше набегавшими издали волнами. Те, рождённые в ярости дальних просторов, подобно загнанным лошадям, несли на своих гребнях пенистые шапки, а вкатываясь в берега острова, оставляли их, обтирая свои воды о береговой песок, а если обнаруживали камень – охотно отдавали ему причудливой формы и рыжины пенное украшение.

Галя и Поль, в отличие от мужчин, сбежав по дороге, свернули влево и подгоняемые бегущим с юга ветром шли к одиноко стоящей избёнке старика Карпухи. Тот пребывал в благодной безмятежности, лёжа на кровати и почитывая очередную книгу. Молока у старика не оказалось, и выслушав детей, дивясь, и охая, он засобирился в хлев, резонно рассчитывая, что уж на младенца, пусть и человеческого, мать-корова молока всяк сыщёт в своих «утробях». Карпуха слыл любителем переиначивать даже самые обыкновенные слова.

Первыми к Марии Васильевне вернулись мужчины. Аккуратно затворили дверь, стараясь не шуметь, сняли плащи, стянули с ног сапоги. И хоть делали они всё тихо, хозяйка проснулась, подняла уже склонившуюся к столу голову, первым делом схватилась за корзинку, и достав из неё тихо пищущего младенца, принялась укачивать, ожидающе глядя на мужчин.

– Не нашли мы никого. Хоть и засветлелось на берегу,

да видать несильно. Мы с Егором разделились: я по берегу вправо пошёл, а он влево. Да не заметили никого. Поди, угляди всё, особенно если меж валунов, – отчитался Леонид Фёдорович.

Егор молчал.

– Ну а ты Егор? Молчишь-то что?

– Да что говорить? Леонид уж сказал всё – нет никого. А ежели намерение у тебя есть, так мы позже, как вконец разъяснится, снова сходим. Только вот, Мария, скажу тебе, как вижу: никого мы не найдём. Один он, ну, то бишь девчушка эта, одна она, – подумав чуть, смущаясь кажущейся своей бестолковости или вины не совершённой, кашлянул и, глядя в пол, сказал. – Имя бы дали какое. Негоже... – замолк.

– Не спеши, Егор, имя давать ребёнку чужому. Отыщутся родители его. Дитя, как ты себе представляешь, одно по морю? Нет! Не могло так быть... – интонации последних слов женщины были нетвёрдыми. Она стала понимать это немного раньше. Надежда ещё была, но всё больше призрачная.

– Попрошу я тебя, Егор: лучше придумай люльку какую. Не разумно это – младенца беспрестанно на руках качать. А как сделать мне что потребуется, а то и отлучиться?

– Это я завсегда! – живо обрадовался Егор. – Мигом сооружу! А то как не соорудить то? Эка невидаль, – руки его, жадные до дела, беспокойные, уже горели в лихорадочном предвкушении. Мужчина принялся нервно потирать и без того покрасневшиеся от тепла щеки, зачем-то ушипнул се-

бя за мочку правого уха, скривил болезненную гримасу, потёр снизу вверх нос, взбучивая мягкий, подвижный как у ежа кончик, и засуетился, торопясь успеть – не опередил бы кто, не отнял бы праздника его рукам.

– Инструмент в сенях, под лестницей на чердак. Там и до-
сочки разные есть, – увидев реакцию маячника, обрадовано
уточнила Мария Васильевна.

– Знаю уж я, – махнул рукой тот. – Мне не впервой ремонт
у тебя ладить. А уж коли не найду чего, так и к себе сбегать
– не семь вёрст.

Хлопнула уличная дверь. Слышно было, как вздохнули
сени, следом распахнулась дверь предбанника, и теперь под-
талкивала в спины продрогших детей.

– Держи, мам, – девочка, увидев на руках матери мла-
денца, поставила бидон на пол. Что она, что Поль фыркали,
без всякого толка утирая мокрыми рукавами плащей лица.
– Ветрюга-то! А? Как дунул кто и забыл перестать...

– Тише ты! Угомонись! Дитя спит, – женщина тихим го-
лосом осадила дочку, а затем, глядя на смешно утирающихся
детей, кивнула в сторону печи, одним своим боком греющей
предбанник, и добавила уже с улыбкой. – Снимайте плащи
и возьмите полотенца вытереться по-человечески, – дождав-
шись, когда дети разденутся и вытрут сырые от мороси лица,
распорядилась. – Галуша, пошуруди уголья да ковш достань
– ставь молоко кипятить.

– Я уж пойду, Мария, – фельдшер накиннул капюшон пла-

ща. – Да только... – он обернулся и виновато посмотрел на хозяйку, – боюсь я, Мария: сколько нам не ходи – не найдём мы никого. Как бы не случилось, что потонули родители. Шторм ведь.

– Да что ты такое говоришь-то, Лёня?! – сердито шикнула женщина. – Типун тебе на язык за слова твои! – и махнула рукой. – Иди уж. Да, и вот ещё что: подумала я тут, шторм как стихнет, на землю сходить надо, народ поспрашивать. Это уж ежели не найдём никого.

– Это правильно. Да, так и сделаем.

Егор тем временем усердно работал, явно испытывая радость от того, что нашлось занятие его беспокойным рукам.

Вскипячённое молоко остывало. Ушедший в горницу Поль тихонько показался на пороге кухни.

Девочка, сделав всё, что ей велела мать, не покидала кухни, любопытничала. Глядя то на мать, укачивающую младенца, то привставая со стула, на котором сидела, и заглядывая в личико укутанного ребёнка, то с интересом наблюдая за работой Егора, она, тем не менее, заметила друга и, усмехнувшись, подмигнула.

– Умеешь ты людей озадачивать. Мама моя, вон, так и думает о том, что ты сказал.

Поль в ответ пожал плечами и стал с интересом глядеть за плечо Гали. Стараясь не путаться под ногами, он, всегда тихий и спокойный, часто погружённый в свои думы, сидел в горнице и листал так любимый им атлас, каждая страница

которого, помимо красочного рисунка, повествовала о дивных морях и землях, что где-то, за невидимой стеной, лежали бескрайними просторами. Погрузившись в удивительный мир атласа, мальчик не слышал происходящего в избе.

– Чего там?

– Да Егор... Мама применение нашла рукам его.

– Никак люльку Саше делает? – догадался мальчик.

– Кому? А, ну да. Саше... – загадочно закончила Галя.

– Я просто знаю, – голос Поля был твёрдым, взрослым. –

Понимаешь? Её зовут Сашей. Просто поверь.

Девочка обеспокоенно глянула на друга. Неожиданно улыбнулась и подмигнула ему.

– Мама как раз имя выдумывает. Напомнить не хочешь?

– Иди ты! – рассердился Польш.

– Тихо вам! – шёпотом осадила детей женщина. Бережно держа в руках кулёк, она, как заведённая, продолжала его покачивать. – Шепчетесь громче, чем если бы кричали! Брысь из дому! До Леонида Фёдоровича сбегайте. Может, помощь какая нужна ему.

– Мам, – подавляя смешок, хмыкнула Саша, – помощь-то ему какая от нас может быть?

– Не перечь, – всё тем же шёпотом продолжала Мария Васильевна, – а коль охоты нет, всё равно сидеть вам тут нечего.

– Ладно, ладно, – вздохнула девочка. – Пошли, Польш, может, и вправду помочь чем сможем.

Дети засобирались.

– Эта... Мария... Испытывай, давай, готова уж, – прервал её размышления Егор, срываясь на развязный тон в попытках скрыть свою застенчивость.

Женщина давно уже привыкла к этой особенности маячника и потому не осуждала его, но задело иное:

– Уж ты, Егор, говори да не заговаривайся! Где ж это возможно, чтоб я на ребёнке грудном испытания всяческие проводила? Ууу, чёрт старый...

– Не сердчай, родимая. Не об том я, что сломается. Но клади уж да скажи по совести: нравится зыбка али как?

– Ладно тебе, Егор, не всерьёз я, – Мария Васильевна почувствовала укор совести, видя огорчение мастера. – За ребёночка волнуюсь, потому и сорвалась, – и с усмешкой повторила. – Зыбка. Это ж надо слово такое выдумать.

Егор виновато улыбался:

– Подумалось мне так.

Подойдя к колыбели, женщина уложила в неё младенца и аккуратно, с некоторой опаской качнула.

– Ох! Ну, молодец! – улыбнулась она маячнику. – Изъясья иной раз коряво, но руки у тебя золотые, – и сказав это, качнула ещё и ещё. – А как качается зыбка твоя эта! Ни звука. И не скрипит совсем. Спасибо тебе, Егорушка.

– Ну, так пойду уж я, эта, до маяка пойду. Может, и к Леониду загляну. Глядишь, сподоблюсь ему в чём.

– Нет. Стой. Покормить мне тебя надо, а потом и пойдёшь. Стой же ты, шельмец! Говорят тебе! – Мария Васи-

льевна шёпотом прикрикнула на Егора, глядя, как тот пытается второпях покинуть её дом. – Оставь ты сапоги свои уже! Да за стол садись. Не евши-то со вчерашнего дня небось?

В поставленном на стол чугушке оказались грибы с картофелем. Кусок хлеба и спинка сёмги дополняли горячее.

Егор, поборов застенчивость, ел, резкими движениями погружая ложку в миску, и торопливо, пошмыгивая носом, чавкал. Подобрал последние крошки, обтёр рот ладонью и, крикнув, сказал:

– Ну, хозяйюшка, благодарствую! И дело мне нашла, и накормила. Я, вот, что понимаю: снаряжать нам карбас пора. В ближние дни распогодится. Идти надо на землю. Разузнать...

– Откуда знаешь, что погода хорошая будет? – оборвала его на полуслове женщина.

– Да как не знать? Вчерась облака дивно ходили по горизонту, вот и знаю.

– Это кто ж надоумил тебя облака разглядывать? Карпуха небось? – Мария Васильевна усмехнулась и, наклонив голову вправо, посмотрела на Егора.

Тот покраснел:

– Ну, он... – и чуть помолчав, продолжил, – он верно говóрит. Не ошибается. Уж сколько раз вера была словам его. И всяк раз учит меня, мол: «Смотри, так-то и так-то – к шторму это, завтрава к вечеру волна подыметя», или: «Ишь как белуха идёт! За косяком сельди, к берегу, значит,

и сельдь к берегу, а это значит то-то и то-то...»

– Ну, про то, – перебила его женщина, имея в виду последнюю, – мы и без старика знаем. А про облака впервые слышу.

– А зря, что впервые. Не ошибся ни разу он. Знает дело, – защищал своего старого приятеля маячник. Он уже оделся и топтался возле двери, желая поскорее уйти, но не решался о том сказать. – Я это... Пора и честь знать. Благодарствую. Пойду я.

– Да иди уж, – с усмешкой сказала хозяйка.

Егор ушёл. Дитя чуть слышно посапывало в колыбельке. Марии пора было собираться в дорогу.

Вернулись дети, теперь с Антошей, и все трое шумно шептались.

– Тише вы, окаянные! – охладила их Мария Васильевна и, сев на скамью, строго глянула на притихших детей. Убедившись, что те смотрят на неё, продолжила. – Хоть и немного мне на вас сорванцов надежды, но выбирать не приходится, я завтра с утра раннего отлучусь, на день-другой. На землю мне надо по делам неотлучным, а потому слушайте внимательно: будьте дома, не проказничайте, и на берег одни не ходите.

– Хм... А вдруг ребёночек проснётся, что делать-то? – спросила Галя.

– Ребёночка я Марфе Ивановне оставлю. Там ему пригляд хороший будет, да и Леонид Фёдорович под рукой всегда, – и уже встав со скамьи, добавила. – Мигом за стол садитесь,

изголодались, небось, а затем по домам, и никаких шатаний по острову, – последние слова Мария Васильевна обращала к двум мальчикам.

Те, переглянувшись, кивнули.

Жили оба – и Польш, и Антон – в приёмных семьях. Много лет назад две семьи, тогда полные, с детьми, переселились с таёжного берега на остров, разом поставили две крепкие избы и занялись промыслом морской травы. Впоследствии дети выросли и пожелали вернуться в тайгу, а родители, ещё не вступившие в возраст старческой немощи и хворей, продолжали добывать траву да ставили сети на сельдь.

Тогда-то, по зимней поре и пришла на остров Лизавета, да не одна – с охотником, которого повсеместно именовали Медведем, и принесли они с собой два куля, один из которых недовольно пищал. Зайдя в первую из нижних изб, положил Медведь по указке Лизаветы оба куля на стол, и старуха, указав на принесённое своим костлявым перстом, заявила хозяевам, что вручает им под совесть и сострадание две нарождённые души и настоятельно просит вскормить и взрастить их, как в тепле домашних очагов, так и тепле семейного внимания и любви.

На вопросы обеих семей, собравшихся по случаю столь интересного визита, что за младенцы да откуда взялись – старуха отвечать не посчитала нужным, в чём оставалась верной себе. Не присев даже за стол, удалилась, а с нею и её верный друг – охотник.

С тех пор и росли мальчишки в тех семьях. И даже строгая в вопросах воспитания Мария Васильевна ни слова укора сказать не могла – ни про семьи эти, ни про мальчиков.

В день заявления на остров Лизавета показала на кулёк тихий и сказала назвать младенца Подем – имя, что звучало в краях поморских диковинно. А показав, с явным неудовольствием на лице, на исходившего писклявым криком младенца, сказала, чтобы сами придумали имя, потому как от крика такого у неё ломит голову, а через это ничего на ум не приходит.

Солнце свинцовым шаром вкатывалось на небосвод. Карбас шёл, против обыкновения, тяжело. Как и обещал до того Егор, свято веря словам своего приятеля Карпухи, до того расшалившееся штормом море угомонилось и теперь лишь лениво знобило. Ветер гнал к острову пологую, широкими дюнами волну, против хода, отчего до ближайшего берега тайги шли в два раза дольше обычного.

Идти дальней дорогой по морю до самой деревушки по ещё шаловливой, бурунящей после шторма воде островитяне не рискнули. А потому пошли прямой дорогой через салму до ближнего таёжного берега, где и оставили лодку. Теперь Марии Васильевне с корзинкой черники для старой Лизаветы, Леониду Фёдоровичу со своим саквояжем да Егору с заплечным мешком, вспотевшему и уставшему больше дру-

гих, предстояло пройти долгий путь по петляющей миль двадцать вдоль берега, раскисшей от частых дождей дороге.

Уже в закатных сумерках все трое вышли на редколесье, скоро сменившееся пустошью. Поговаривали, мол, в незапамятные времена служила эта пустошь взлётным полем для самолётов, а теперь, ненужная и заброшенная, поросла высокой травой да редким кустарником. Пройдя чуть стороной селение, путники направились к порожистой, затаённой крутыми изворотами речке Нерпе. Начиналась речка в заповедных глубинах тайги, и долго странствуя по чащобам, вырывалась на простор. Игриво, с ласковым щебетанием она пробегала вдоль селения, затем вдоль пустоши, и отдавалась морю.

На берегу, в стороне от селения, уже у самого устья, в зарослях вереска стояла привязанной к шесту лодка. На противоположном берегу одиноко ютилась изба, с виду ветхая, лачуга-лачугой, однако добротная, с тёплым нутром, и вызывающая опаску не только у селян, но и у таёжного зверя. В избе этой и проживала свою долгую жизнь интересующая путников Лизавета – ведьма знатная по всей тайге, в какой конец не зайти. Остановившись за шаг до крыльца старухиного жилища, путники замешкались.

– Свеча горит в окне, – прервала долгое молчание Мария Васильевна, затем со вздохом добавила. – Хорошо бы, чтоб в настроении была, – и первой поднялась на крыльцо, занеся руку. Постучать женщина не успела. Дверь открылась ти-

хо, и, как сказал бы в таком случае Карпуха, «без сучка, без задоринки». Ступив одной ногой из тёмных сеней, хозяйка избы угрюмо посмотрела на гостей.

– Лизавета, мы к тебе пришли,пустишь?

– Как не пустить, коль ждала я вас, – недовольно проворчала старуха и махнула рукой, мол – проходите, и шаркая ногами, удалилась в темноту сеней. Отворив дверь в предбанник, взяла свечу там стоящую, и озаряя светом её пламени, с неудовольствием посматривала на входящих. – Ну, чё стоите? Проходите. Не топчитесь попусту, – голос старухи был скрипучим, медленным.

– Это тебе, Лизавета, – Мария Васильевна, держа перед собой корзинку с черникой, приподняла её, – гостинец.

– Гостинец они мне принесли, – передразнивая женщину, старуха неожиданно резко выхватила из её рук корзинку и живо исчезла в избе.

Мария Васильевна обернулась к своим путникам и пожала плечами, показывая этим жестом, своё ставшее уже привычным восприятие столь непростого характера Лизаветы.

– Вот и пойми её, – негромко усмехнулся Леонид Фёдорович, – то скрипит похлеще телеги старой, то летит стрелой.

– И нас поджидала. Не иначе как. Откель бы ей только знать? – вставил Егор и следом усмехнулся, проведя пальцем по низу носа.

– Пойдёмте уже. Негоже расстраивать её, – Мария Васильевна открыла дверь и вошла в предбанник, следом за ней

вошли и мужчины.

Не успели приехавшие раздеться, как из горницы показались Лизавета. Держась одной рукой за спину, она всем видом показывала старческую немощность. Буркнув пару слов благодарности за гостинец, провела островитян на кухню и усадила за стол. Села и сама, благо стол был уже накрыт. Когда успела и что знала о их визите – ни слова не сказала.

– Лиза, – видя, как та держалась за спину, участливо заговорил Леонид Фёдорович, – я мази принёс от ревматических болей. Да и глянуть надо общее твоё самочувствие...

Но договорить ему Лизавета не дала.

– Вот ещё, – она презрительно скривила рот, – мазилки свои принёс. Ты, думаешь, у меня такого добра нет? Я, как-никак, в снадобьях посильнее тебя буду. Ты, Лёня, лучше за своими присматривай. Вот где твои умения нужны.

– Как знаешь, – вздохнул мужчина.

Сидя за столом, Леонид Фёдорович в который уже раз задумался о невероятной живучести Лизаветы. Сколько он помнил себя – старуха всегда – что во времена его детства, что, вот, сейчас – была одной и той же. И всегда она: то скрипела, с трудом переставляя ноги, а то вдруг выказывала молодецкую прыть, и не через силу, а с этакой лёгкостью, с удачью. И эти её руки – быстрые, покрытые старческими пятнами, сухие. И хваткие пальцы. А лицо? Всегда одно лицо – живое, морщинистое. И глаза – уже выцветшие, но всё ещё зоркие. Да и почему – всё ещё? И зубы все свои. Такое ни-

каким колдовством не сделать. Да и нет такого, чтобы ведьма, пусть даже самая сильная, сама на себя наколдовывала. У этого племени табу на применение своих сил к себе же.

Угощала своих гостей Лизавета картошкой, запечённой с мясом, и пирожками с зелёным луком и яйцом, видно, что прямо из печи. И так как сама она не ела, пришлось гостям выслушивать слёзные старческие причитания о всём, в особенности сетования на память плохую свою, да что навещают её, больную, редко.

К чему она весь этот спектакль разыгрывала? Может, от общения малого, может, прикидывалась немощной, может, цену набивала какую.

– Вот и вы по нужде пришли, а чтоб просто навестить – и не кажется, – наполняя миску Егора горячим, бубнила хозяйка. – А ведь я ждала вас. Вчерась ещё ждала.

– Баба Лиза, так чай, море беспокойно через день, а то и неделями, – оправдывалась Мария Васильевна. – Трудно добраться до тебя. Вот и вправду что нужда заставила.

– Ну, раз и впрямь нужда, – бабка усмехнулась, – докладывай, не держи время.

– Да ты, Лизавета, небось, и сама всё знаешь? – вопросом или утвердительно, предполагая правоту догадки, проговорила женщина.

– Может, и знаю чяво, да об том ли речь? – хитро шурилась Лизавета.

Мария Васильевна вздохнула, удивляясь чудачествам ста-

рухи.

– Ты, Лизавета, скажи без прелюдий: был ли здесь у кого ребёнок, младенец? Рожал ли кто? Аль из другого места откуда, а здесь мимоходом? Девочку мы нашли, крохотную совсем, штормом прибило, в корзинке...

– Ну, а дальше то что? Приняли девчущку? Обогрели? Молока дали? Рассказывай дальше.

– Больше сказать мне нечего. По самому началу берег обошли. Как угомонилось ненастье – обошли ещё. Нет никого на острове. В корзинке одеяльце, и нет никакой записки. Имени не знаем.

– А как назвать думаете? – снова прервала разговор старуха.

– Странная ты, баб Лиз. Родителей найти надо. Мать! А имя они и так знают своему ребёнку.

И снова старуха прервала женщину:

– Не знают они имени. Да и нет у ребёнка родителей никаких. Я сама, руками своими корзинку ту сплела да морю отдала, а уж после, вне моих глаз, обрела в корзинке душа, блуждающая естество своё, человеческое, и пожеланием своим у берега островка вашего оказалась. А что касается имени, так я лишь гадать могу, а вот кто точно знает, так это мальчонка. Его и спроси.

Леонид Фёдорович и Егор крякнули от удивления.

– Странные вещи говоришь ты, Лизавета. Странные. Словно знаешь что да скрываешь от нас.

– Скрываю. Что врать-то? Рано знать кому об том, о чём известно мне. Ну? – неожиданно и напористо произнесла старуха. – Уж есть имя то? Звучало? И странно тебе было, сердилась, отмела как ненужное, не ко времени? Ну? – наседала она.

Мария Васильевна опустила голову. Было видно, что испытывает она вину и понимает неодобрение со стороны Лизаветы.

– Звучало имя. Но, как-то странно всё это. Чудно как-то.

– Из странных вещей выстраивается чудный мир. Море пресное – не море, а так – водица. Запомни это, дорогая, – учительским тоном произнесла бабка.

Женщина кивнула в ответ на эти слова, показывая своё согласие.

– Поль, ну, ты, баб Лиз, знаешь мальчика того. Сама нам его подбросила на воспитание...

– Отчего не знаю? Знаю, – вновь прервала она собеседницу.

– Так вот, он сказал – Александрой ту девочку зовут.

– Ну а ты не поверила... – то ли спросила, то ли утвердила старуха.

– Нет, не поверила. Посчитала баловством, но... уж очень уверенно он говорил. Встревожилась я за него. Показалось – им овладела навязчивая идея. Но... баба Лиза! – Мария Васильевна развела руками. – То, что говоришь ты, пугает меня ещё больше!

Лизавета обвела взглядом сидящих за столом, резко поднялась со скамьи и посмотрела на всех снова.

– А где ж они, троица эта неразлучная?

– О ком ты, баба Лиза? – растерянно спросила женщина.

– Так о детишках. О дочери твоей да подкидышах.

– Так дома они остались. Не было нужды брать их с собой.

– Ну, то ладно, что дома, – спокойно проговорила старуха и тут же погрозила Марии Васильевне пальцем. – Ты, Маруся, девчущку эту схорони. Негоже, чтоб кто вне острова прознал о её появлении. Людишки не готовы к странностям. Пушай всё чередом своим идёт. Пушай сиротою будет. Неминуемо день настанет, когда она сама решит, что да как. Мы с вами всяко лишь смотреть можем. Таково предназначение наше. И детям своим в их привязанностях препятствий не чините. Они лучше знают, что быть им всем вместе. У них впереди дорога общая да дальняя, конца и края дороги той не видать.

Лизавета замолчала и, глядя в никуда, жевала нижнюю губу. Трое её гостей сидели тихо, все как один глядели в свои чашки, лишь изредка поднимая глаза на старуху. Мария Васильевна тихонько отстукивала пальцем по чашке. Шмыгнул Егор и в ответ на какие-то свои размышления качнул головой. Леонид Фёдорович, в очередной раз глянув на Лизавету, с досадой подумал о зря взятом в дорогу тяжёлом саквояже.

– И вот ещё, – наконец заговорила старуха, одновремен-

но грозя пальцем в сторону гостей, – всем вам знать надо: нет у неё опасностей, кроме её самой, потому берегите её пуще всякого. Вот и всё. Больше мне сказать нечего. Спать вам застелено. Завтра с восходом вставать, – бабка умолкла, пренебрежительно махнула рукой вслед сказанному, кряхтя, встала со скамейки и, шаркая ногами, направилась в комнату спать.

Направились спать и гости.

А утром более нелюдима, может, от плохого сна, Лизавета накормила гостей и вместо слов прощания бросила:

– Лодку мою на том берегу чтоб по-людски привязали, а то знаю я вас.

Мария Васильевна лишь молча кивнула, а Егор, уже в сенях, без старухи, которая не вышла их провожать, тихонько всхрикнул, не преминув шмыгнуть:

– Ох ты ж! Цельный век к ней не навещал её, и дай мне терпению ещё век не навещать. Ну, что за баба? А?

– Ладно тебе, Егор, – укорила маячника Мария Васильевна, – без лодки этой Лизе никуда.

А Лизавета, наблюдая в окно, как её гости спустились к реке, вышла из дома и села на скамейку.

– Эвона как, – проговорила она сама себе и задумалась, – значить, получилось у меня. Впервой раз и получилось, и имя красивое, по всем статьям-сюжетам ладное, – бабка причмокнула, махнула рукой чему-то виденному только ей одной, встала со скамьи и пошла в дом.

Дорога до острова сложилась быстро.

Подгоняя карбас к дому, море снова взыгрывалось штормом. Осень, рано наступающая в этих краях, всё настойчивее давала о себе знать: шквальными ветрами, ледяными дождями, и, подобно тяжёлым вдохам и выдохам огромного небесного существа – затяжными штормами, следующими один за другим.

Начинался новый день.

Глава 1. Начало рюина.

Знакомство с дневником

Эпоха Хранителей Памяти

Можно было смело и без всякого преувеличения сказать – весь остров праздновал девятый день рождения сразу двоих детей: девочки и её лучшего друга.

Почему без преувеличения? Да потому, что на маленьком – несколько миль в длину и в половину от этих миль в ширину – островке проживало хорошо если полторы дюжины людей. Ещё с издревле прозвали они себя островитянами. Так называли их и поморы тайги.

Остров свой жители любили, уважали себя и с глубочайшим почтением относились друг к другу. С тем же почтением они относились как к ледяному, часто злому, штормовому морю, так и к бескрайней тайге, тёмно-зелёную кайму которой можно было видеть за салмой в погожую погоду.

Большой праздник для маленького острова проходил в атмосфере радости, восторгов от подарков – как самих именинников и их дарителей, так и остальных, а также в разноголосом шуме не богатого изысками, но вкусного застолья.

По такому случаю Сергей Леонидович, мужчина в расцвете сил, и два парня – Степан и Сеня – даже запусти-

ли необыкновенно красивую огненную шутиху, кем-то из парней названную фейерверком. Запущенная из небольшой, толстого картона трубы, яростно шипя, и разбрасывая снопы искр, шутиха устремилась вверх, где расцвела чудным цветом, а затем несколькими огнями летела по небу, и падала, угасая в море. Карпуха же, впечатлившись диковинкой, по присущей ему привычке называть то или иное на свой лад обозвал шутиху «огнищею нябесною», затем восторженно выругался, долго качал головой и с чувством причмокивал. Сам же Сергей Леонидович, отвечающий на острове за маяк, назвал шутиху ракетницей. Запустили эту диковину уже вечером, в сгущающейся темноте, после чего все разошлись по своим домам отдыхать.

А чуть позже, всё тем же вечером, любой, кто встал бы на горе, мог наблюдать, как в свете неспешных лучей маяка один за другим гаснут окна немногих домов этого островка.

Но дольше других светилось окошко на втором этаже небольшого дома, окружённого кустами боярышника. В какой-то момент в том окошке появилась фигурка. Будь глаз наблюдателя острым, он увидел бы девочку в пижаме её любимого ярко-жёлтого цвета. И, конечно, любой из островитян знал ту девочку, знал комнатку, знал, что возле окна стоит письменный стол с одной тумбой из трёх вместительных ящиков. За этот стол девочка и села. Она посмотрела в тёмное окно, открыла толстую тетрадку, взяла перо, макнула его в чернильницу и начала писать.

«Одна тысяча пятьсот пятьдесят девятый год третьего Большого круга¹. Третий день месяца рюина².

Сегодня мне и моему лучшему другу Полю исполнилось по девять лет. Как странно, не правда ли? Почему странно? Разве у других не так? И всё равно какая-то странность мне чудится во всём таком.»

Девочка придирчиво посмотрела на первые строки, лёгшие от волнения кривой бороздой. Вздохнула, размышляя над тем, что следует написать дальше, макнула еще раз перо в чернильницу и продолжила – ещё не зная, как далеко они с дневником зайдут, какими дорогами им предстоит пройти, и к чему эти дороги приведут.

Итак, всё по порядку.

«Тебя, дневничок, мне подарила Галина Александровна. Она сказала, что теперь у меня есть ты, и что я могу тебе доверять и записывать на твоих страничках о разных происшествиях, и даже о самых тайных. Так прям и сказала.

Я, конечно, сделала большие глаза. Пойди ж пойми этих взрослых.

Ну и, конечно, Галина Александровна долгим, прям-таки

¹ Речь идёт о 201559 годе эпохи Хранителей Памяти. Большой круг – это 100 тысяч лет по принятому на то время правилу.

² «Рюин» – название сентября в старославянском календаре.

пристальным взглядом смотрела на меня, ждала. Неужели она наперёд знала, что я не до конца пойму её? Нередко со мной такое случается, а затем я иду и переспрашиваю, и мне снова говорят то, что уже говорили. Но переспрашивать Галину Александровну – то ещё «удовольствие». Она глазами может съест и не поморщиться.

А день рождения мне понравился. Все такие славные, так радовались за меня и за Поля тоже – будто за себя радуются. Я жутко счастливая. И подарков много надали. А девочки и даже Поль, хоть он и именинник, сюрпризы устраивали. Догадываюсь – некоторые сюрпризы Наташечкина сама придумывала. Она в таких делах большая мастерица. Но обо всём я завтра расскажу. Сейчас уже поздно, и хочется спать. А ещё чернила заканчиваются».

Девочка закрыла дневник, несколько минут думала, куда его положить. Затем принялась один за другим выдвигать и задвигать ящики стола и, наконец, остановилась на нижнем, посчитав его самым надёжным. Положив дневник в ящик, она проговорила:

– Надеюсь, здесь тебе понравится, и тогда этот ящичек станет тебе домом.

Задвинув ящик, девочка встала из-за стола и забралась в постель.

«Четвёртый день месяца рюина.»

Сегодня я хочу рассказать тебе о вчерашнем дне. Но сначала о том, как сегодня утром сходила к Галине Александровне.

Ты ещё не знаешь: Галина Александровна – наша директриса. Она славная и очень добрая, но строгая-престрогая. Иногда у меня насморк начинается, стоит попасться ей на глаза. Особенно если я провинилась, а ведь иногда я и не ведаю о своей провинности.

Но о об этом как-нибудь позже. Особенно тебе понравятся некоторые мои самые эпичные (это Галины Александровны словцо) провинности.

Вот, но сначала немного о тебе.

Ты самая-самая, до безумства красивая тетрадка и ты, по разумению Гасандровны (так мы между собой зовём Галину Александровну), для того и есть, чтобы служить мне дневником, и ты всю ночь не давал мне покоя!

Ты видел себя со стороны? Знаешь, как выглядишь? Нет? Так вот: у тебя сочно-жёлтого цвета кожаная обложка, прошитая синей ниткой, сам ты пухленький. Я даже хотела было посчитать твои листы, но довольно быстро поняла, что листов в тебе шибко много. Большие ста, даже совсем большие, может, даже двести, а то и триста. Прямо мечта обжоры. Это я о себе так сказала. Если мне что-то нравится, я прям хочу этого много-много. От того я и

обжора.

А сейчас – о сегодняшнем утре.

Утром, чуть открыв глаза, я первым делом достала тебя из ящичка и прижала к груди. Ты, наверное, почувствовал это. А после того, как умылась, я то и дело подходила к столу и трогала тебя, будто мне каждую минуту требовалось убеждаться, что ты на месте, что из толстенького и вполне себе увесистого ты не превратился в худоню и вообще не исчез.

А ещё мне очень хочется верить тебе так, как я могу верить самой себе и рассказывать всё, вообще всё. Я очень хочу, чтобы ты мне стал по-особенному дорог.

Я долго (впрочем, как и всегда) приводила себя в порядок. Наташка с Марусей терпеливо ждали меня на улице, бросая печально-жалобливые взгляды на окно моей комнаты. Им приспичило идти на завтрак непременно со мной. И они дождались (бедолаги мои), и я даже пошла с ними. Как вдруг, какого-то лешего, на полпути к обеденному домику я заявила, что мне срочно надо к Гасандровне, и свернула на тропинку, ведущую к двухэтажному домику, где на втором этаже целыми днями обитала директриса. Представляю их лица после такой моей выходки.

Невероятно, но мне показалось, будто это ты сам тянул меня туда, куда надо было именно тебе, а моё желание, так совпадающее с твоим желанием, – это лишь внушение. Наверняка твои проделки. Я почти уверена.

А дальше, в этом моём повествовании (такое слово на уроке чтения Мария Васильевна заставила нас заучить) будет много разговора, и он почти весь о тебе. Так что слушай внимательно всё, что я о тебе здесь пишу!

В окне кабинета Гасандровны горел свет.

Я забежала по скрипучей лестнице, спевшей тремя верхними ступенями весёлые «До», «Ре», «Ми», на второй этаж, остановилась перед дверью директорского кабинета и собиралась постучаться. И тут слышу: Гасандровна громко так говорит, чтобы я входила. Как она всегда знает о моём приходе? А вдруг это не я пришла? Но она точно знает, что это я!

А я и не медлила, и уж тем более не трусила. Только перевела дух от бега по лестнице. И всё равно перед тем, как войти, я постучалась, хоть директриса уже знала, что за дверью я, и даже сказала входить. И зачем я стучусь? Я же никогда не жду разрешения, а вхожу сразу. За что потом выслушиваю от Гасандровны внушения о никчемности стучания.

Ну вот. Я поздоровалась и закрыла за собой дверь, которая, как назло, громко сама собой хлопнула. Со стороны двери это было некультурно. В общем, пока я злилась на дверь, даже чего-то там раздумывая (сейчас и не вспомнить, о чём таком я думала), Гасандровна, сидя за столом, смотрела на меня и хитренько так улыбалась. Долго она так молчала. Я даже подумала о мёде, которым дядя Мед-

ведь угощает меня, когда я гощу в селении. Мёд этот всегда медленно-медленно стекает с ложки – ждешь, ждешь, и всё никак дожидаться не можешь, когда же, наконец, эта струйка мёда достигнет чашки, а потом ещё ждешь, когда медовый хвостик отлипнет от ложки. А если не дожидаться – обязательно перепачкаешься, вся липкая будешь, особенно подбородку достается. Неудобная штука – мёд. И такой взгляд Гасандровны – тоже неудобный. От него я заикаться начинаю.

Вот и тут я заикнулась. С первого раза не смогла поздороваться. Но всё же сказала, что я к ней пришла, к Гасандровне.

А она снова улыбается. Оказывается – я уже второй раз с ней здороваюсь и, вообще, повторяюсь. А как не повторяться, если позабыла, что хотела сказать? Сплошное смущение получилось. Наверное, от спешки и несобранности. В несобранности я непревзойдённая дока. Так дедушка Карпуха говорит.

Хорошо хоть я вспомнила, что принесла с собой дневник. Тебя, значит. Вспомнила и протягиваю Гасандровне. А она смотрит на тебя и хмурится.

Тёмный ангел, ну почему с ней иногда такие катавасии?! Пока я об этом думала, Гасандровна указала рукой на диван позади меня и сказала, чтобы я садилась. А ещё укорила за то, что я не пошла на завтрак, а вместо этого пришла сюда, и пригрозила: мол, таскание кусков с кухни обо-

рачивается ношением дров на эту самую кухню.

У неё, знаешь, какой укор? Она, бывает, так укорит, что коленки трясутся. Может одним взглядом всё своё недовольство сказать.

Я-то знаю про непопозволительность таскать с кухни куски и даже кивнула, что знаю об этом. И тут вспомнила про тебя. Ведь из-за тебя я и пришла.

А Гасандровна не удивилась. Она вообще знала об этом. А вот я не подумала, что она знает.

Ты, дневничок, не подумай. У нас с Гасандровной не всегда так выходит. Она очень хорошая. Даже совсем хорошая. Вот только строгая до жути, а ещё любит порядок во всём. А у меня порядок не всегда получается. Иногда и в мыслях путаница. Вот прям как в этот раз приключилось.

Про строгость эту мне дедушка Карпуха давеча разъяснял. Мол, у Гасандровны со Старушкой (мы так по секрету Марию Васильевну называем) особливая «пендагогическая» закваска – это значит воспитание. Так вот, из-за этой самой закваски у нас на острове «атмосферность наиприятнейшая во всех смыслах, и нам, детишкам, предоставлена всяческая благость в росту и правильная умеренность в наказаниях». Я даже согласна с дедушкой, хоть он многие слова и выговаривает неправильно. Я их даже хорошо знаю и так и написала, чтобы ты их тоже узнал.

А вот в селении не так. Я в селении знаю некоторых взрослых, так они детей своих ремнём, а то и дрыном бьют за

проказы. Но у нас так вообще не случается. Значит, там закваски этой самой нет.

Так вот, Гасандровна укорила меня, будто я думаю, что она не догадалась, по какому случаю я пришла к ней. И даже усмехнулась. Ну, хоть по-доброму усмехнулась. И спросила – за кого я её принимаю. Она иногда задаёт каверзные вопросы.

Я поначалу даже оправдываться стала. А это тоже плохо. А ведь оправдываться как-то и не за что. А затем сказала, что, мол, ни за кого её не принимаю. И получилось очень даже глупо. А Гасандровна нахмурилась, но я видела – хмурится она показно, не взаправду. И вот она нахмурилась, прямо что тот бурундук, которого я на речке в тайге заприметила, и спрашивает: как это я её ни за кого не принимаю.

Я даже поначалу не поняла. А после поняла. И, конечно, разъяснила, что она наш директор и никем быть ну никак не может.

А Гасандровна смотрит на меня рассеянно. А может, мне так показалось. И вот смотрит и спрашивает: мол, как это я не знаю, для чего ты мне нужен?

Я, конечно, кивнула. И ответила, что уже написала тебе разного про вчерашний день, но только немножко, ведь уже поздно было.

Гасандровна улыбнулась и сказала, чтобы я так и продолжала писать. А ещё, что важно доверять тебе, потому

как ты мой друг. И даже что я могу делиться с тобой тайнами своими. А потом...! Ой, дневничок, я так испугалась... Галина Александровна спросила меня: доверила ли я тебе о том, как мы, девочки, промеж себя её называем? И даже сказала, как называем – Гасандровной. Она ещё и улыбалась и потолок рассматривала. Такая вот она у нас.

А у меня самой аж щёки жаром запылали. Откуда она узнала, как мы её называем?! И я от испуга даже спросила её об этом. А потом рот захлопнула, чуть язык не прикусила. Да уже поздно было. Лучше бы я его раньше прикусила! Чтоб меня все ветра разом унесли!

Но Гасандровна не сердилась, и это шибко удивительно. Она даже рассмеялась. Такая вот она разная и замечательная. А потом сказала, что мы у неё далеко не в первый раз. А потому она много чего такого знает о детях.

Странность за странностью!

Я даже переспросила, мол, как это, мы у неё не первые? В общем, я её не очень поняла. Она немножко про другое говорила, но объяснять не стала. Заместо этого Гасандровна показала мне глазами на тебя и спросила, как я тебе представлялась.

А я и не представлялась, и даже воскликнула, испугавшись такой своей оплошности. Да и можно ли это назвать оплошностью? Я же и не знала, что надо представляться своему же дневнику. И хоть ты мне сразу понравился, особенно своей ярко-жёлтой кожаной обложкой, но ведь ты

всего лишь тетрадка.

А ещё Гасандровна сказала, что, назвав себя, я как бы налаживаю с тобой некую особенную связь, глубоко доверительную. Доверие. Твоё ко мне и моё к тебе.

И я поняла и тут же задумалась: я же уже начала писать тебе, а представиться надо было в самом начале.

Но Гасандровна меня успокоила. Она рассказала, как иной раз люди знакомятся. Вряд ли два незнакомых человека сразу, например, встретившись в тайге или на острове, называют друг другу свои имена. Один может задать вопрос другому, а другой ответить.

А я и не знала. Я же ещё не встречала незнакомцев. А может, и встречала да запомнила. Ах нет! Вспомнила. Я встречала старушку с необычным именем, очень похожую на бабушку Лизу. А никого другого у нас и не видела за всю жизнь. Про неё я и сказала Гасандровне. Оказывается, она ту старушку тоже знает и даже имя мне напомнила – Кулика. Красивое, прям очень имя, но непривычное. И вот с бабушкой Куликой я познакомилась и теперь рассказала Гасандровне, как это было.

Мы с Полем в то лето гостили у бабушки Лизы. Нас каждое лето туда отправляют, в селение. Там живут бабушка Лиза и дядя Медведь. И мы больше гостим у дяди Медведя, но и у бабушки тоже гостим.

И вот как-то раз пришла к бабушке другая, тоже старенькая старушка, а мы сидели на кухне и пили чай. Та ста-

рушика интересная. У неё и говор непривычный. Очень на говор дедушки Карпухи похож. Сначала обе бабушки меж собой разговаривали. Оказывается, гостья сначала на остров наш заявила, а перед этим к дедушке Фёдору зашла. Это другой дедушка. О нём я тебе позже расскажу.

Так вот, затем эта старушка со мной заговорила. Она спрашивала меня о всяком, а потом я осмелела и тоже стала её спрашивать. И старушка отвечала. Она хоть и строгая, как бабушка Лиза, но умеет улыбаться и «шуточку пропустить» (так дедушка Карпуха говорит). И так мне эта старушка понравилась, что я прямо захотела ей имя своё назвать. И назвала. А она в ответ своё назвала, а ещё поклонилась. Очень мне это понравилось. Прямо царственно получилось.

Про эту встречу и знакомство я Гасандровне и рассказала. А директриса мне ответила, что, оказывается, эта бабушка Кулика по мою душу заявила. Она меня увидеть хотела. А потом ещё говорила всем, как я ей понравилась. А ещё, оказывается, они – бабушка Лиза и бабушка Кулика – чуть ли не сёстры. Но бабушка Кулика живёт за большим морем, в даях дальних и шибко студёных.

А ещё Гасандровна сказала, что это хороший пример, показывающий, как люди, если они друг другу понравились, начинают хотеть рассказать о своих именах. Прямо как у нас с бабушкой Куликой получилось.

И я всё поняла и пообещала, что тут же представляюсь

дневничку, тебе, значит. А затем решила – лучше будет, если сделаю это завтра, прям с утра. Со мной такое случается. Не обижайся только. Как говорит дедушка Карпуха: я люблю оттягивать момент. Это он про меня, если ты не понял.

На это Гасандровна махнула рукой и сказала, что спешить с представлением никогда не стоит. Что представление – это глубоко личное действо. А потому хорошо, когда оно получается по наитию.

Вот как всё просто оказалось! Как же здорово Гасандровна объяснила.

Ну и вот. А в животе у меня бурчать принялось, да так, что слышно было отовсюду. Даже Гасандровна услышала и велела идти на кухню. Всё же завтрак ещё не закончился. И я ушла.

Маша с Наташкой ещё завтракали, и когда я, счастливая и запыхавшаяся, хлопнув одной, а затем второй дверью, влетела на кухню (именно что влетела, как птица в гнездо), обе круглыми от удивления глазами уставились на меня, бессловесно требуя разъяснений. Как это всегда со мной бывает, я с некоторой утайкой и изворотливостью рассказала о том, зачем ходила к директорисе.

Ну вот. Уже поздно, а я так и не рассказала тебе о дне рождения. А ведь хотела.

На самом деле и сегодня много всякого произошло. Но кроме разговора с Гасандровной, о другом я не успеваю сказать.

А если бы и успела, то наверняка исписала бы кучу твоих страничек. А мне немного жалко тебя. Не хочу, чтобы ты быстро закончился.

Всё. Спокойной тебе ночи».

Девочка закрыла дневник и, бережно взяв со стола, положила в нижний ящик. Ей хотелось заскочить к Маше, пока та не заснула, и поболтать. Тем более, Маша намекала ей о каких-то секретах «на двоих».

«Пятый день месяца рюина, где речь пойдёт о третьем дне.

Прости, дневничок, вчера я снова не рассказала тебе о своём дне рождения. А всё потому, что писать о нём сил уже не было. Ты и сам видел, сколько я тебе написала. Зато вчера Галина Александровна объяснила мне, что ты тоже как человек. А ещё я точно знаю, что ты мне нравишься, и я хочу стать тебе другом, а друзья друг от друга имён не скрывают.

Здравствуй, дневник! Меня зовут Саша».

Отложив перо, девочка подняла руки, сцепила пальцы замком и потянулась. И хорошо, что эти две кулёмы, Маша с Наташкой, побежали на причал встречать рыбаков. Те якобы выловили зубатку, которая так и осталась с куском черенка от граблей в зубах. Саша на все сто процентов была увере-

на, что они, каждая, раз по пять расскажут ей об этой рыбине. И наверняка ещё и притащат её с собой. А сейчас Саше не стоило тянуть и, воспользовавшись свободным временем, рассказать дневнику много всего интересного.

«Вчера я долго не засыпала. Я ждала, когда ты назовёшь мне своё имя. И я дождалась. Теперь я знаю – тебя зовут Польш. Если хочешь знать, я сильно удивилась, услышав это имя. Так зовут моего друга. Ему, Польшу, как и мне, девять лет. И, как и у меня, его день рождения – третьего июня. Не правда ли, удивительное совпадение? Это именно совпадение. Мы с Польшу ни в коем разе не близнецы. Дело в том, что его, Польшу, нам на остров «сплывила» (именно так, если послушать Гасандровну, которая частенько костерит бедную старушку) баба Лиза, что живёт на берегу большой тайги, в стороне от поселения поморов. Она – этакая отшельница. И, кстати, в этом поселении её тоже не шибко-то любят, но это пока спину не прихватит или какая иная хворь не проймёт. А уж тогда всякая нелюбовь вмиг забывается, и несчастный спешит к бабе Лизавете и чуть ли на колени не встаёт, только бы она смилостивилась и вылечила. И ведь всегда вылечивает. По секрету тебе скажу – она ведьма.

Вот с её-то руки Польшу и оказался здесь. Давно это было, в моём младенчестве. Нас вдвоём ещё долго в зыбках укачивали. Бок о бок, так сказать.

Ну а я как здесь оказалась? Мне не известно доподлинно. Если верить Гасандровне и Марии Васильевне, меня передали из того самого поселения поморов. Якобы родители мои погибли, утонули в море. А если прислушаться к «шороху ветра» (я это так называю), меня якобы выбросило на берег этого островка, и даже якобы в корзинке. Не могу представить себе младенца в корзинке, плывущей по морю. Мне думается, мы бы враз утонули. Но, повторюсь: это смутные слухи, так мне напоминающие, как я люблю говорить, «шорох ветра».

И вот, мой милый дневник, я, наконец, приблизилась к пересказу своего дня рождения, случившегося позавчера. И заодно дня рождения моего друга, твоего тёзки, Поля. Хотя ты и сам всё знаешь, потому что Гасандровна накануне моего дня рождения положила тебя в буфет кухни. Но всё же...

Ты, конечно, не пробовал морковный пирог, испечённый Татьяной Алексеевной. Она жена нашего маячника Сергея Леонидовича. Они оба чудесные люди. Они тебе понравятся. Я уверена. Так вот – пирог обалденный. Жаль только ты не смог бы его попробовать, но поверь мне на слово. А ещё была тушёная с мясом картошка. И то и другое – великая редкость у нас. Продукты привёз дедушка Карпуха с большой земли, из тайги.

Есть там, в селении, замечательный человек. Его Медведом зовут. Не смейся. Он вовсе не медведь, не зверь. Он чело-

век. И хороший охотник. Следующим летом я обязательно тебя с ним познакомлю.

А вот про дедушку Карпуху хочу рассказать тебе особо. Он необычный и самый мой любимый на всём острове человек. Он старенький уже, но крепенький, что его бычок, и ещё лет сто точно никуда не денется. Живёт он в стороне от всех, под горой, здесь на острове. Это чтобы ты понимал. Мы все на острове живём. И по большому счёту все на горе. Ах, позабыла, под горой ещё метеорологи живут и немного бичей. О них всех я позже расскажу.

Дедушка Карпуха, между нами, слывет человеком странноватым. Этаким фантазёром. И не сказать чтобы всех сторонящимся. Больно уж как-то неправильно называть его отшельником. Например, мне он всегда рад. Мы с ним вообще первейшие друзья. Он любит рассказывать обо всём на свете, особенно мне, и жутко охоч визнавать о моих делах. А вот перед другими взрослыми, даже теми, кто младше его, тушуетя, двух слов порой связать не может, и вид у него при этом, как будто он напроказничал. Вообще дедушка Карпуха застенчивый. И любит выпить, а это плохо. И я немного слукавила. Дело в том, что трезвым он бывает редко. Чаще «под мухой», как говорит Мария Васильевна. Но сильно пьяным, тем более буянистым я его ни разу не заставала. А вот во хмелю весёлости у него – хоть отливай лишку. Интересно, что между ним и Гасандровной особые отношения. И хоть дедушка сильно старше её, но

перед ней ведёт себя, как нашкодивший ребёнок, а она реагирует на старика подобно строгой матери.

В его же отсутствие Гасандровна, если разговор заходит о Карпухе, частенько фыркает, от чего может показаться, что она его недолюбливает, но это не так. Гасандровна по-своему любит Карпуху, отчего, по всей видимости, и не может спокойно воспринимать его проделки. Именно так и говорит: «проделки».

Вот и в день моего рождения дедушка, но только по предосудительному мнению Гасандровны и ни по чьему более, выкинул «фортель» (это тоже её словечко) – подарил мне лук, который сам же и смастерил.

Ты, вероятно, мог видеть, сколь рада я была такому подарку! Ведь я помнила, как давненько спрашивала его, может ли он помочь мне сделать лук, после того как несколько дней до того провозилась и порядком измучалась, сама мастера его, а в результате у меня так ничего путёвого и не вышло.

Как мне потом объяснял дедушка (частенько я именно так его зову, потому как он в самом деле мне почти как дедушка, прямо как родной, наверно), так вот, как он мне объяснял: на острове не растут те кусты, ветки которых годятся для лука. Значит, дедушка помнил о моём желании. Он даже побывал на том берегу, что за салмой, нашёл правильные, по его разумению, кусты и привёз ветки от них. Какой же он замечательный человек!

И ты, конечно же, видел, как Гасандровна на него посмотрела, на Карпуху. Я подумала тогда, что она его расстреляет взглядом, и ей даже лук для этого не понадобится, а он, бедненький... он и без взгляда того всегда смущённый, неуверенный, стоит, шапку мнёт, как перед боярыней на взбучке.

И всё же Гасандровна не посмела отобрать у меня подарок. А я, чтобы не мозолить ей глаза, тихонечко смылась и спрятала лук. Я тебе позже покажу, куда его спрятала. Это в кочегарке, за котлами. Там всегда сухо, и тетива не отсыреет и не растянется. Так мне дедушка Карпуха сказал.

А ты видел, что мне подарил дядя Серёжа? Это который маячник, Сергей Леонидович. Конечно же, ты видел этого милого дракончика. Дядя Серёжа сказал, что эта фигурка моя. Мол, кто-то, он не помнит, кто (как можно не помнить?), сделал её, когда я была ещё совсем малышкой. И вот он отыскал её, ошкурил, чем-то там покрыл (не помню, он говорил, но слово незнакомое и вылетело из головы). Теперь фигурка как новенькая. Такой милый подарок. И ты, конечно же, видел, куда я её поставила. Охраняй дракончика. Хорошо?

Мне и Степан с Сеней подарок сделали. Они отремонтировали старое кресло. Оно в столовой обеденного домика стоит. Уже и не помню, как так получилось, но это кресло давно стало моим. Не по моему велению. Ты ничего такого

обо мне не думай. Так решили девчонки, и Поль заодно с ними. Так вот, кресло это старое, как мои прожитые жизни. Старое и большое. Я люблю сидеть в нём забравшись с ногами и укрывшись пледом.

Так вот. Ты ещё этого кресла не видел. Представь, что перед тобой на полу сидит медведь. Обычный бурый мишка. Его спина прямая, задние лапы он протянул вперёд, а передние положил на задние. Получилось этакое кресло. А теперь представь, что я забралась к нему на лапы, опёрлась спиной о его живот, а руки положила на его передние лапы. Представил? Так вот, как-нибудь я возьму тебя на кухню, сяду в кресло, а ты будешь лежать у меня на коленях. Только вот чернильницу придётся поставить на подлокотник и сильно не ёрзать, чтобы её не уронить. Тебе там понравится. А ещё тебе понравятся мои истории. Я их все-все запишу, для тебя и себе на память. Ты умеешь хранить память? Думаю – умеешь.

Ах да! Забыла тебе рассказать о подарке девчонок! Но для начала поделюсь с тобой своим наблюдением: мне думается, Машуня и Ната стоят друг друга. В общем, эти две кумушки поволокли меня под горку, к старому колодцу. Там они самым обыкновенным образом напали на меня, надрали мне уши и потребовали, чтобы я при них ходила вокруг колодца. Вообще-то, я в каждый свой день рождения прихожу туда и хожу вокруг. Просто мне так нравится. Для меня это такой ритуал, не имеющий прям никакой нужности. И

я никогда это не проделывала при посторонних. Ну да ладно. Я сделала то, что они хотели. Кстати, Польш тоже был там, и он, как всегда, стоял в стороне и улыбался. Тихоня.

А после, как подруги удовлетворили своё желание лицезреть меня ходящей вокруг колодца, вдруг разом (прямо, не сговариваясь, что ли? Не поверю я в это) захотели пить и потребовали у меня (напомнив мне о моей же именинности, будто я о том сама не знаю) поднять из колодца ведро. И почему я тогда не задумалась, какого такого таёжного лешего ведро оказалось в колодце? Ну, да ладно. Я его для них подняла. А эти кулёмы вдруг разом перехотели пить! Ты представляешь?! И смотрят на меня. А я на них. А они давай бровями водить вверх-вниз, тыкая взглядами в ведро. И молчат, как две рыбины. Ну, я и глянула. И вижу, лежит на его дне что-то блестящее. Сунула в ведро руку и вытянула оттуда... ты ни за что не догадаешься – свой камушек с цепочкой! Я, конечно же, сразу давай проверять, сунула руку за отворот кофты. А там нет камушка! Если ты, мой дорогой дневник, не знаешь – этот камушек у меня всегда со мной, сколько себя помню, и именно на этой вот цепочке. Я посмотрела на Поля. Я ожидала в его взгляде объяснений, но он, счастливый, лишь глупо улыбался. Похоже, они все немного того – тю-тю.

Дневничок, скажу тебе по большому секрету, и никому, никому не говори того, что я тебе сейчас скажу. У меня иногда создаётся впечатление, что Польш знает мои мысли.

Знаешь, ты только не ревнуй, пожалуйста, но у меня с самого моего детства, как я стала рисовать, всегда с собой маленькая тетрабочка (я её ещё блокнотиком называю иногда), в которой я рисую или пишу мысли. Эта тетрадка мне нужна.

Когда-то Гасандровна объяснила, мол, у меня отсутствует какой-то шибко нужный мне голос внутри (совершенно в голову не лезет, как внутри меня может быть какой-то голос). У всех он, мол, есть, а у меня отсутствует. Хотелось бы знать, ради какого такого тумана мне он нужен. Из-за этого я не могу размышлять молча, как это делают другие.

Ага! Мне кажется, я на свою беду прекрасно слышу, как Наташечкина молчит и думает себе всякое, иногда часами. Уши вянут от её «молчаливых рассуждений».

Ну, в общем, если я напишу или нарисую мысль в тетрадке (мысль нарисовать – ты только вдумайся в это), в которой спустя время кто-то напишет то, что у других людей им говорит их тот самый голос, который внутри. Ты понимаешь? Конечно, не понимаешь. Даже я не понимаю.

Гасандровна (семь пядей во лбу) говорила мне, что написанное в этой тетради никому нельзя показывать. Но иногда по взгляду Поля мне кажется, что он знает, ну или догадывается о содержимости (смешное слово) этого блокнотика. Надеюсь, я ошибаюсь.

Некоторые мысли Полю знать нельзя. Это было бы

неприлично с его стороны. Тем более в ней есть записи о чувствах к нему. Вот был бы конфуз, прочти он такое.

Ну вот. Теперь ты уже знаешь много всего обо мне. Ну, почти много всего. Об остальном расскажу позже, потихоньку. Я тебе и о секретах своих буду рассказывать. Как самому, самому другу. Только, пожалуйста, не обижаться из-за тетрадки. Она мне, как сказала Гасандровна, нужна по медицинским показаниям (уж как что скажет, так прям хоть в колокола бей). Да. Директриса любит щегольнуть умными формулировочками. Кстати, слово «формулировка» я у неё и подцепила. А слово «щегольнуть» я услышала от дедушки.

В общем, я отвлеклась и не рассказала тебе до конца о сюрпризе девчонок. Оказывается, они, пока я спала (как всегда, как убитая), сняли с моей шеи цепочку с кулончиком. Ты спросишь, зачем? Они уже давно хотели начистить цепочку до блеска. Если уж по правде, она, сколько я помню, – тёмная. А как оказалось, должна быть блестящей. Об этом я не знала, как не знала и того, что она, оказывается, – серебряная. Ты представляешь? Она серебряная! Это ж целое богатство! Так вот, эти мартышки стянули цепочку с кулончиком и каким-то химическим образом сделали так, что цепочка засияла не хуже искорок самого камушка. Ну, ты видел мой кулончик. Правда, он красивый?

Ах да! Чуть не забыла! Леонид Фёдорович (ты, может, ещё не видел его, он у нас врач, фельдшер, если уж точно),

так вот, он отремонтировал мою корзинку. Ну, ту, я тебе о ней говорила (или не успела сказать?). Якобы в ней меня нашли на берегу. Глупости, конечно же. Но корзиночка мне нравится. Есть в ней что-то очаровательное, доброе что-то. Она всю мою жизнь висит в моей комнате. Ты прямо сейчас можешь её видеть. Вот она, в углу, под потолком. В ней спит слоник. Его мне связала Мария Васильевна. Так вот, корзиночка эта шибко старая и понемногу, там и сям, стала разваливаться. Она свита из лозы. Мне однажды об этом бабушка Лиза сказала. Знаешь, что такое лоза? Наверняка не знаешь. Я тебе позже расскажу. И вот дошло до того, что ручка корзиночки стала отваливаться. Помню, я всю ночь от расстройства не спала, когда ручка с одного конца сама собой порвалась, и корзиночка упала. Хорошо ещё не сильно, так как под ней стоит большой сундук. Он высокий, а потому несчастная корзинка просто опёрлась о его крышку краем своего доньника, а ручка осталась в петле верёвки.

Вот так вот. Наверное, я рассказала тебе всё о дне моего рождения. Если о чём и забыла сообщить, то расскажу позже».

Девочка закрыла дневник, провела по его обложке ладонью и, аккуратно взяв в руки, покрутила, любуясь им. Затем, подумав немного, выдвинула нижний ящик стола, так же аккуратно убрала блокнот в него. Уже собираясь задви-

нуть ящик, она вдруг ойкнула, тихонечко выругалась, поминная одного из запретных лесных жителей, достала дневник и вернула его на стол.

«Прости, мой милый. Я забыла рассказать тебе о подарке, что сделала для Поля. Я не одна делала подарок. Он шибко сложный, и требует нужных инструментов и всяких знаний. А потому, мне помогал дядя Серёжа, наш маячник. У него есть целая мастерская с верстаком, а в углу мастерской даже есть очаг и маленькая наковальня.

Так вот, делали мы рубанок. Это такой инструмент. Им надо водить по деревяшке, и с неё снимается стружка. Очень нужная вещь. Поль давно хотел такую штуку. Рубанок есть у дяди Медведя, в селении. Дядя Медведь делает карбасы. Вот Поль увидел рубанок и загорелся прям. А где ж такое взять? Все сказали Полю, что рубанок – инструмент редкий. А дедушка Карпуха так и вообще заявил, мол: «Таковская штуковина встрячаиття хорошо, есля одна на тысьчу чаловек, и иметь происхождению ручную, андивидуальную». Если что – дедушка всегда так смешно разговаривает. Все уже давно рукой махнули на этот его говор.

Вот после дедушкиных слов я и задумала сама сделать для Поля рубанок, а дядя Серёжа подвязался помочь мне. Мы с ним много времени его делали. Я досочки резала и строгала, а затем клеила и шлифовала, а дядя Серёжа делал самое важное – нож. Это такая железка, которая строга-

ет деревянные. Самое интересное – было смотреть, как дядя Серёжа закаливал в очаге полоску железную, а после, как она покраснелась, положил её на наковальню и молотил по ней кувалдой. Сильно жарко было тогда в мастерской. Но мне понравилось.

А рубанок вышел замечательным. Дедушка Карпуха, как увидал его, так тоже одобрил и сказал, что ему такая «анструмента всенепременна нужна». Значит, теперь надо будет дедушке сделать рубанок, но это попозже.

Поль счастлив был. Он этот рубанок крутил и вертел в руках, весь день носил с собой и каждую досочку пробовал строгать, и всякий раз цокал языком. А меня в щёчку поцеловал. Три раза. Он бы меня и без рубанка поцеловал. Но с рубанком мне приятнее было.

Такой вот подарок получился.

А теперь и вправду всё. Если Гасандровна приметит свет в моём окне, обязательно придёт, примется ворчать, и сама спать уложит, как маленькую. А я уже не маленькая. Мне уже девять лет.

До завтра, мой друг».

За окном уже порядочное время хозяйничала темнота. Накрывшись одеялом, Саша тут же заснула.

Глава 2. Шестой день месяца рюина. Прогулка на берегу

«Я приходила, всякий раз приносимая морем, и на мир смотрела большими глазами. И уходила неслышно. И не было смерти, не было и рождения».

(из тех редких горестных мыслей, кои доверяла она своему дневнику)

В раннюю пору следующего утра, когда озябший, ещё квёлый со сна ветер раскачивал высокую начавшую уже сохнуть траву, две девочки-подростка сбегали по крутому склону горы, спеша встретить восход.

Солнце готово было вот-вот показаться над далёкой, ломаной верхами вековых сосен и елей, необозримой, величавой тайги. И тайга ждала восхода, как ждала каждый день от самого Сотворения. И каждый раз дожидалась первых лучей солнца, сначала золотивших макушки деревьев, а после и озаряющих блистательным серебром морскую гладь. И в голубоватой белесости хрустально-прозрачного неба ранних осен-

них дней солнце, с усталой улыбкой, с грустью по ушедшему лету и с какой-то особой, только осени присущей нежностью, согривало маленький островок, затерявшийся в большом море где-то на северной стороне нашего мира.

Одну из двух девочек звали Сашей. Уже девять лет она взирала на мир парой неутомимо смеющихся глаз цвета неба ясного осеннего дня, а маленький острый носик и чуть заострённый подбородок делали её похожей на любопытствующий из-за туч полумесяц.

Сама она была небольшого для своих лет роста, с присущей многим подросткам угловатыми движениями. Худенькая, с тонкими чертами овального, бледного лица. Может, выбелило его морской солёный воздух, а может, была иная причина. Бывало, отметит кто белизну Сашиного лица да про кровь скажет, и улыбается, а она после, как с дедом Карпухой увидится, спрашивает его: что за кровь такая, и отчего от крови этой у неё кожа светлая. Старик на вопросы такие всё больше кряхтел да головой качал. А раз возьми да и скажи: мол, кровь эта от рода, то бишь от родителей, и передаются с нею наследствия всяческие, как хорошие, так и скверные. После тех слов он замолк, сильнее прежнего поджал губы, собрав вокруг рта борозды морщин и махнув рукой, заявил, что она, сирота Казацкая, без роду, без племени. Иной раз, бывало, Сашу посещали мысли, до оторопи странные, пугающие: а что, если и вправду не было у неё родителей? Да только быть того не могло, потому как у всякого челове-

ка они есть, а значит, обязательно есть и у неё, стоит лишь хорошенько поискать.

Наташа, вторая девочка, которой за месяц до описываемых здесь событий исполнилось одиннадцать лет, была на голову выше подруги, ещё не всегда складная в движениях, но с намёком на плавность и этакую степенность. Видно было, перенимала она подобные манеры от взрослых женщин и перенимала с охотой. К вышеперечисленному стоило добавить ладную фигуру, обещающую с годами подарить миру шедевр женской красоты. Завершал образ необычайно строгий взгляд больших глаз удивительно мягкого тёмно-зелёного цвета. Иные сравнивали их с затянутым ряской прудом.

Обе девочки, невзирая, на казалось бы, уже достаточный возраст, чтобы верно оценивать всякую житейскую ситуацию, одеты были неподобающе легко для столь ранней прогулки. Сбежав к берегу и преодолев пологие в подъёмах и спусках валы морской, щедро распространяющей свой гнилостный аромат травы, девочки выбрались на твёрдый, как камень, песок и остановились у самой кромки воды. Утро на берегу было хорошим. Над самым морем стелился лёгкий туман.

– А ты не хотела идти, – проговорила Саша, шумно вдыхая утренний воздух.

– Что? – не расслышав её, переспросила подруга.

– Да ты посмотри. Тебе разве не нравится? – девочка смотрела налево от салмы, туда, где изогнутым коромыслом

плыла во влажной дымке линия морского горизонта.

– Слишком раннее утро, чтобы мне что-то нравилось. И одеться нам с тобой стоило потеплее, – сонно шурясь, несмотря на прогулку до берега, с недовольством проговорила Наташа и в попытке согреться сложила на груди руки.

– Ну, я не об этом, – рассеяно ответила Саша, переводя взгляд на ещё тёмный лесистый берег тайги.

Если бы Сашины мысли не были в этот момент, как, впрочем, и в любой другой, заняты постижением чего-то непостижимого, она, быть может, обратила внимание на то, как подруга на неё смотрит. Во взгляде Наташи читалось любопытство, смешанное с задумчивостью. Будучи старше на два года, девочка отличалась некоторой прагматичностью. Мир воспринимался ею как само собой разумеющееся, данное раз и навсегда, неизменное и не таящее в себе ничего ещё не раскрытого. Всё, что она видит, есть всё, что имеет этот мир.

А вот Саша... Она – незрелый ребёнок, словно только для неё одной время крутит своё колесо, катится, да так быстро, что память не поспевает запечатлевать пройденные вёрсты. Как бы это не прозвучало парадоксально, – память её отличалась беспомощностью.

Однако здесь надлежит оговориться, уточнить раннее высказанное и воздать должное одному свойству памяти девочки, а именно – памяти впечатлений. Именно они, впечатления, и были теми, пусть и призрачными кирпичиками, из которых выстраивались уже прожитые этой самой девочкой

дни. Раз за разом смотрит Саша, к примеру, на бревно, лежащее в лесу возле колодца, и каждый день видит в нём новое, до того не замеченное ею. Зачем ей это, и главное: как так у неё получается? То бревно это на крокодила похоже, то девочка уверена, что тысячи лет назад бревно нерпой было, затем та нерпа умерла, её тело погрузилось на дно, но с течением времени дно в этом месте вспучиваться стало, подниматься – так, кстати, со слов Саши, наш остров и появился. И вот истлевающее тело нерпы начало деревенеть, и – посмотрите пожалуйста! – теперь лежит здесь бревном, а на него садятся. И ведь сама отказывается садиться. Говорит: «Не хочу сидеть на бедной умершей нерпочке, у неё же мордочка, как у кошки нашей». Вот так вот. Что тут скажешь?

Вздыхнув, Наташа взяла Сашу за руку и потянула её в сторону длинной коряги, лежащей на небольшой возвышенности из намытого приливами песка. Подойдя ближе, девочки увидели, что коряга эта сильно поедена древоточцами и выбелена долгим пребыванием в морской воде. Подобных ей вдоль берега лежало много. Устроившись на коряге, подруги притихли, задумавшись каждая о своём.

Спустя какое-то время Саша встала и, подойдя совсем близко к воде, настолько, что отдельные волны заливали босоножки, остановилась. Её взгляд был где-то там, где сливаются море с небом и где линия горизонта неумолимо указывает каждому из них своё место. Так стоять и смотреть она могла, кажется, бесконечно долго. Во всём этом было что-то

грандиозное, непостижимое, захватывающее.

Девочка не знала, что именно заставляет её сердце умолять, словно оно устремляется вслед за взглядом, куда-то туда и... когда-нибудь так и случится: сердце выскочит из тела и, подхваченное жадой узреть невидимое, скрытое за горизонтом, полетит, и останется только тело, истлевающее на берегу острова.

– Саша!

Сердитый окрик подруги заставил девочку обернуться.

– Сядь на камень, – Наташа показала рукой на высокий булыжник, лежащий в десятке метров от накатывающих волн, – и сиди там, сколько влезет, а то, боюсь, тебя скоро в песок засосёт. Да. И не забудь положить под себя чего-нибудь, а не то попу застудишь и снова температурой заболеешь, – она ухмыльнулась, используя одно из любимых выражений подруги. На острове даже ходила шутка о том, что Саша болеет только одной болезнью – температурой.

Ничего не ответив Наташе, девочка подобрала с песка первый подвернувшийся под руки кусок доски, вероятно, оставшийся от лежащего неподалёку пришедшего в негодность карбаса, побрела к камню, вскарабкалась на него, положила дощечку, и уселась.

И вот рыжий хохолок солнца показался над тайгой, разбавляя плотную синеву неба жаром огня и перекрашивая до того тёмно-зелёную линию таёжного берега в невыразимую черноту протяжной, чуть не в половину горизонта, сте-

ны. А хохолок, пламенея, всё более выкатывался, ещё сонно, неспешно рисуя дугу солнечного лба, и в какой-то неуловимый момент вспыхнул, словно полностью проснувшись. Засияла таёжная кровля. И в тот же миг серебряным огнём заиграло море. Начинался новый день.

Наташа ковырялась в песке, сидя всё на том же месте – на коряге, а Саша словно замерла. Поначалу её мысли растворились в линии горизонта, то играя всполохами на волнах, налетающих на прибрежную отмель, то успокаиваясь, то погружаясь в толщу воды, исчезая в непроницаемой свинцовой густоте. И вот Сашин взгляд, блуждая по морской глади, взлетал вверх, к небу, пробуждая затаившиеся в морской пучине мысли, и те уже плясали меж двух стихий.

Но первые лучи солнца изменили Сашино настроение и, как от сильного разряда, дав искру, взорвали безмятежную созерцательность, разодрав в клочья союз моря и неба, песню волн и запах жизни. Сердце девочки сбилось в ритме, вздрогнуло, сорвалось с места, взвыло и, клопоча и неистовствуя, породило новую и сильную мелодию. Саша вдохнула, выдохнула, вдохнула снова... И снова мысли. Мысли, воспоминания, сны. И, как это нередко бывало с девочкой, что-то во всём ею виденном было не так. Тревожило, щекотало тонкий, острый кончик носа запахами чего-то далёкого.

Нескончаемые вереницы мыслей. Часто одна мысль прерывала другую и прерывалась третьей, а та, в свою очередь, сменялась первой, или не сменялась, или не первой, а ка-

кой-то ещё.

Волны, легко и чуть лениво наползая на песок, приносили с собой много всякого интересного, горя нетерпением показать миру свои богатства, а уходя, уносили обратно, в тайники пучины. Иногда, принеся что-то со дна морского, они оставляли это, но взамен забирали что-нибудь иное – можно подумать, у них были свои желания и пристрастия. А иногда море как бы хвасталось, немного застенчиво, иногда с опаской показывая что-нибудь этакое, что считало особенно ценным и значимым для себя. Вот и сегодня оно показало девочке маленького крабика.

Увидев его, выброшенного на берег волной и спешащего обратно в сторону моря, Саша встала, подошла к бедолаге, подняла и опустила его на песок ближе к воде в надежде, что волна обязательно его заберёт. Отчего-то девочке стало жалко крабика. Она присела на корточки и стала ждать следующей волны. Они, одна за другой, приходили и уходили, иногда окатывая собой краба, иногда не доползая до него, но вот очередная волна подхватила скитальца и унесла в море. Тогда Саша облегчённо вздохнула и поднялась.

Пройдя вдоль берега несколько метров и не найдя ничего для себя примечательного, девочка подняла глаза и увидела три внушительных размеров валуна. Те лежали здесь, казалось, с сотворения мира, и потому, наполовину погружённые в песок, образовывали правильный треугольник. Подойдя к ним, Саша запрыгнула на один, потопталась, цокнула

языком, затем крутанулась, перепрыгнула на другой камень, развела руки в стороны, снова крутанулась и только потом опустила взгляд, обратив, наконец, внимание на сами камни.

И тут её заинтересовала расщелина, образованная в центре каменного треугольника. Что-то в самой глубине блестело, но что – разглядеть не удавалось. Стоило бы сунуть туда руку и выудить это нечто, но Саша боялась. Тогда, спустившись на песок, она нашла палку и, снова взобравшись, стала шурудить ею между камнями в надежде понять хотя бы, что же там, в самом деле, такое лежит. В тот момент у неё разыгралось воображение, и стало даже жутко. Показалось, будто там что-то шевельнулось, и даже раздалось шипение.

И, конечно, тут же рядом оказалась Наташа, которая с любопытством лисицы наблюдала за исследованиями подружки.

Видя её интерес, Саша пошутила, сказав, что обнаружила лешего, спрятавшегося в камнях, и что ей, Наташке, не стоит обращать на это внимания.

Наташа, обозвав её выдумщицей, с усмешкой и нескрываемым любопытством ожидала ответной реакции.

– Никакая я не выдумщица и, в отличие от многих, ничего не выдумываю. Мне иногда что-то такое кажется, и я не хуже твоего понимаю, что это смешно, но ты и сама, умная такая, прям как Пантелей Арифметик, не можешь мне говорить, что правда, а что нет, – Саша надула щёки, показно обидевшись. – Когда я была здесь в прошлый раз, камушки эти по-другому лежали, не как сейчас, – она продолжала

орудовать палкой.

Наташа фыркнула и покачала головой.

– Когда ж такое было? Сколько помню – они всегда так лежали.

– Это давно уже было. Мы с тобой здесь ещё не гуляли. Как-то раз я села на один из них и сидела так, задумавшись. Долго сидела. И вдруг что-то позади меня забулькало. Я испугалась, поворачиваюсь... И ничего... лужица около камней этих. И представляешь?! Эта лужица вдруг начинает вспухать, как бы подниматься. Я смотрю на это, мне страшно, а глаз не оторвать, а вода ко мне лезет, поднимается, а на конце шар почти образовался. Я почувствовала, что шар на меня смотрит, разглядывает, и только потом у него глаза появились, сначала маленькие, затем наружу вылупились и на макушку полезли. Они мигают и добрые-добрые. Мне совсем не страшно стало. Они моргнули, ещё на меня посмотрели, и вдруг эта штуковина взлетела и прямо сверху в море плюхнулась, словно полную кадку воду вылили. Это вправду было, я не выдумываю ничего. А ведь я тогда на море смотрела и думала о нём как о живом существе. Вот. А ещё я...

В ответ, не дав Саше договорить, Наташа, посерьёзнев, заявила, чтобы та прекращала рассказывать ей всякие ужа-сы, что от чрезмерного чтения может приключиться головное спутывание, и что до добра это не доведёт, и даже Леонид Фёдорович с такой напастью не сможет совладать.

На столь возмутительное заявление Саша состроила оби-

женную мину и показала подруге язык.

А Наташа тем временем продолжала:

– Твои выдумки мне нисколько не нравятся. Хоть сама иди и говори с Карпухой, чтобы он уgomонился хоть самую малость, а иначе до беды дойдёт. И мне ещё предстоит подумать, что со всем этим делать. И вообще: вставай, а не то на завтрак опоздаем.

Отказавшаяся было от идеи достать или хотя бы разузнать, что же припрятала в своей темноте глубокая расщелина, Саша со вздохом разочарования дёрнула палку вверх, но ту что-то удерживало. Девочка многозначительно посмотрела на подругу и стала аккуратно поднимать изрядно потяжелевшую палку. Несколько раз раздался звук, напоминающий звон стекла, затем показалось горлышко, в котором и застрял конец палки, а следом и сама бутылка с округлыми боками.

– Ух ты, Наташка! Бутылка это! Стеклянная, – разглядывая находку, с уважением произнесла Саша. – Грязная до жути. Интересненько, как долго она здесь пролежала?

Подруга дотронулась до сосуда одним пальцем, повела бровями и задумчиво, размышляя о находке, предположила:

– Старая она какая-то. У нас я таких не видела. Надо Гасандровне показать.

– Или дедушке Карпухе, – добавила Саша.

При упоминании старика Наташа поморщилась и уже готова была отмахнуться от Сашиного предложения, но тут представила Карпухин восторг при виде весьма интересной

бутыли. С каким бы предубеждением она ни относилась к чудаковатому деду, всё же он, зачастую балагур, сумасброд и невероятный сказочник, ей чем-то таким нравился.

– А ведь верно. У Карпухи много бутылей разных. Может, он и скажет что дельное. Но только после. Хорошо? Сначала покажем Гасандровне.

Саша кивнула, нехотя соглашаясь, вытащила из горлышка бутылки палку и стала выливать из нее воду и вытряхивать камушки.

От первых берёз, что стояли вдоль береговой линии, и до самого подножия горы расстелилась плотная молочная туманка. Сопровождая идущих по роще девочек, она рокотала нудную песнь, заведённую дизельной электростанцией. И это рокотание, столь обыденное, сейчас казалось зловещим. Утомляло непреходящее желание оглядываться назад, убеждаясь, что там никого нет. На много миль вокруг никакой магии и чертовщины. И лишь где-то, дальше, за пределами туманного крова, взявшего под свою опеку маленький остров, может, и обитали хищники, опасные существа и другая нечисть.

Чуть в стороне от салмы, где из чрева тайги, звонко журча водами, ныряет в тяжёлые морские глубины весёлая речушка со смешным названием Нерпа, жила старуха Лизавета, жила на закраине и леса, и моря, отгородившись от маленького поселения поморов стремительными водами всё той же Нерпы, и вот, пожалуй, она, Лизавета, и была поопасней любой

иной магической силы. А здесь, на острове, разве что зайцы да ежи с нерпами. Но сейчас, когда ни зги не видать в двух шагах от себя, вся эта очевидность глупости страхов мало, если не сказать больше – нисколечко, не спасала.

Уже начав дрожать от сырости, девочки дошли до подножия горы. Здесь прочно, по-хозяйски утвердившись, казалось, на все времена, стояла широкой кости бревенчатая баня, шириной стана и добротой брёвен как бы заявляя неумолимому потоку времени свою исключительную нетленность. Помимо невысокого пня печной трубы возле конька крыши, имела баня и два маленьких оконца, больше похожих на бойницы. В шаге от северной стены строения, со стороны большого колодца провисшей бечевой тянулась старая ржавая труба, вползающая в гору с немym вздохом. В бане и решили оставить на время найденную бутылку и забрать её, только если подниматься будут нормально, по дороге, а не штурмовать склон по бездорожью в самой его крутизне.

И вот, по этой самой крутизне, подруги и взбирались, пыхтя и цепляясь руками то за поросли мелкого кустарника, то за пучки травы, а то и за плотный, с бедным налётом земли, песок. Странно, что никто из них ни разу не скатился обратно. Наконец, взобравшись, они, не сговариваясь, присели на поваленную берёзу у края дороги и переводили дыхание, с интересом глядя туда, где лежит раскатанная тонкой лепёшкой низина острова.

К тому времени, как девочки поднялись, туманное маре-

во застлало и море, и теперь от верха горы и до самого горизонта, взыгрывая седыми волнами, колыхалось необозримым простором белое облако, и только с завидной ленцой вспыхивал и всякий раз медленно угасал в нём подёрнутый мутью луч света в том месте, где стоит дальний сигнальный маяк, отмечая собой оконечность длинной, в несколько капризных зигзагов, косы. А ближе, по всей низменной равнине острова, сквозь туман проглядывали верхушки берёз, редкие, кривые ветви которых напоминали чахлые деревца на каком-нибудь болоте. Почти во всю высоту укутанный туманным заволоком, стоял и маяк на горе, отчего его фонарь казался плывущим над молочной пустотой.

«Шестой день месяца рюина.»

Здравствуй, милый дневник. Днём у меня не было времени поговорить с тобой. Зато сейчас есть о чём рассказать».

Саша писала, сидя в комнате Наташи. Та, повернувшись к стене и тихо посапывая, спала. За окном вечер убаюкивал шелестом трав и листьев. Докрикивали припозднившиеся чайки, а небо, скинув последние облачные одежды всей своей наготой показывало островку богатую россыпь сонно мерцающих огоньков.

«Ты не представляешь, как красиво на берегу! Особенно, когда встаёт солнце. А вот Наташке иногда всё равно. Иной

раз найдёт на неё скудность, и прям хоть что с ней делай – она мимо любой красоты пройдёт и не заметит.

Вообще-то Наташка очень хорошая, но она совсем не романтик. Она больше думает о желудке. Вот и сегодня: нет, чтобы смотреть на красоту, так она схватила меня за руку и давай бурчать: «Хватит расслаживаться. Опоздаем – ругаться будут. Пойдём скорее».

А я, ты представляешь, я заблудилась! Ну, не то чтобы совсем заблудилась. На острове нельзя совсем заблудиться. Только в тайге можно это сделать. Просто я так впечатлилась, разглядывая даль, что чуть запуталась и не сообразила, в какую сторону нам идти. Бывает же. Вот я и сказала ей об этом.

На что Наташка разродилась целой тирадой: «Снова ты выдумываешь. Кто тебя не знает – подумает, что ты здесь совсем недавно. У тебя дар сбиваться с панталыку – будто сковородой по голове жახнули. И всё же, иди-ка ты лучше за мной».

Конечно, я пошла.

Когда из-за зарослей берёз показалась безымянная изба (я потом расскажу тебе, почему она так называется), Наташа неожиданно подпрыгнула, аж испугала меня, и весело затараторила: «Ну вот! Говорила же я тебе! Говорила!»

Да я и не говорила ей ничего. Я молчала. А она заключила из этого неожиданный вывод, мол, я упрямая. Вот откуда в ней это? Я ей так и сказала. На что Наташа снова выдала

тираду, и даже не одну. (Когда-нибудь я обязательно начну записывать её высказывания.)

«Да потому. Тебя хлебом не корми, а только дай поспорить. Уморишь ты меня когда-нибудь. Шлёнай за мной. Я тебя выведу. А если боишься чего, так не стоит. Ни один леишй тебя на зубок попробовать не решится, потому как никто из них не хочет потом мучиться несварением».

Вот так вот. Получается – даже леишие мне не страшны.

«Любишь ты смеяться надо мной. Я давно это поняла. Вот Машиа никогда не смеётся, а ты хуже злючки», – ответила я.

Видимо, Наташка почувствовала обиду в моём голосе, а потому постаралась свести всё к шутке: «А ты Машу не сравнивай с нами. Она другая какая-то. Ну, то есть она хорошая очень. У неё даже тень светлая, а у меня тень совсем бурая. Вот. Погляди. Ух ты! – она принялась крутиться стоя на месте. – Ёлки-палки! Сашунчик! Посмотри! Что это с моей тенью такое?!»

«Нормальная тень у тебя, хорошая. На картофельные очистки похожа», – ответила я ей, и едва успев закончить фразу, залилась таким неудержимым смехом, что повалилась в высокую траву, а следом там же оказалась и Наташка, которая хохотала громче меня.

«Ну, Сашуля! Я валяюсь! Ты такая смешная, – отдуваясь от смеха, сказала она. – Ну, всё, пошли», – и протянула мне руку.

Так мы и пошли, немного вправо от той избы, там, где заросли кустарника. Идти было трудно, да к тому же на нашем пути оказалась большая лужа. Обходя её, мы умудрились залезть в грязь и измазать ноги. Мои босоножки безобразно исцумазались, а Наташкины резиновые сапоги не спасли её от глины даже на коленях. Так изгваздались, что жуть кошмарная.

Ну вот, а обогнув избу, мы, наконец, вышли на дорожку, ведущую к крыльцу обеденного домика. Ты уже видел его, он небольшой совсем, а крылечко не видел. Оно старенькое, простое, с тремя ступеньками. Над ним крыша, подпёртая двумя столбиками, и обыкновенная, деревянная дверь. Вот и всё.

Только мы поднялись на крыльцо, как дверь отворила Гасандровна. Можно подумать, она подкарауливала нас.

«Ну, входите. Столбами не стойте... Гулёны. Хм... Хорошо выглядите. Я так думаю – пора мне ставить стражей возле ваших дверей».

В общем, она жестом пригласила нас войти (словно могла и не пригласить), затем осмотрела придирчиво и, с усмешкой так, выдала: «Раздевайтесь, а затем умойтесь, если это у вас получится с первого раза... – но чуть помедлив, махнула рукой и со вздохом закончила. – Поешьте, а потом видно будет».

Гасандровна ушла, а мы скинули обувь и прошли в комнату, в которой стоит большой стол. Ты знаешь эту ком-

нату. Это кухня, где все кушают. Самое уютное место на острове, не считая кабинета директрисы, Гасандровны то есть.

Я, конечно, села на стул, чтобы немного передохнуть, а Наташка принялась возиться возле раковины, отмывая руки. Да только у неё не очень-то и получилось. Всё равно под ногтями грязь осталась. Затем она (дало же мне привидение подругу такую) снова принялась бурчать: «Может, всё же поможешь, а? Или ты собралась героически издохнуть от голода? Без посторонней помощи даже покормить себя не можешь».

Ну, вот что за человек такой? Как можно столько бурчать? Может, это у неё в животе бурчит, а она повторяет за ним?

А я прям в ватное облако попала. Сижусь, думаю. Сама не знаю, о чём, но думаю. И ответить бы надо. И даже ответила, да лучше бы промолчала.

«А что надо сделать-то? Ты ж мне не говоришь ничего, вот я и сижу».

И тут понеслось: «О господи! Ложки хоть достань! Сахар там... Ну... Хлеб, что ли. Ё-маё! Александра! Ей-богу, как дитя малое!»

Так мы друг на друга и надулись, и кое-как приготовив на завтрак чай и бутерброды, перекусывали в полнейшей тишине, пока не пришла Маруся. Ты её, наверно, видел мельком. Сейчас я тебе расскажу о ней побольше, тем более что за-

явилась она не обычно, как нормальный человек заявляется, а весьма примечательно, что с ней бывает редко, точнее – никогда, почти. В общем, слушай.

Мы сидим с Наташечкиной, едим, вдруг за окном поднимается ветер, с шумом летят листья. Я смотрю в окно, а там прям ветрище разъярился. Под окнами высокая трава так и пригибается к земле, и кажется: великан невидимый машет огромным серо-зелёным полотнищем. И тучи на небе круговертью ходят. Хорошо хоть домик тёплый, протопленный. И так прошло минут пять, как дверь с хлопаньем распахнулась, и кто-то с громким сопением ввалился. Что-то металлически звякнуло, проскребло по деревянному полу, пристукнуло и затихло. Слышны были бурчание и какое-то копошение. И вскоре на пороге кухни появляется Машуня.

Говорить тихо она не умеет. Думается мне: попади она в тайгу, могла бы голосом деревья валить. Но я без зла о Маше. Ты пойми. О ней со злом не получится. Такой она человек.

В общем, ввалилась она, и как-то сразу за окном ветер утих. Может, даже так статься: она его привела – она и угомонила.

Так вот, ввалилась и громко, аж уши заложило (тишину что ли перекрычать намеревалась?), заголосила: «Привет, девчонки! Как вы тут?! Без меня уплетаете?!»

Так-то её Машей зовут, если что, но я чаще называю её

Марусей, а ей это не нравится. Она дуется. Смешная. Сама-то она полненькая, даже, скорее, пышка. Лицо круглое, с розовыми щёчками и большими добрыми глазами. Этакая неваляшка, а то и черепашка, которая при всём при том обязательно на что-нибудь натыкается, что-нибудь сносит, задевает, роняет... Словом: всё не по еёному, всё ей мешает. Но какая девчонка! Какая подруга! Ммм! Все, знающие Марусю, без ума от неё. Золотая девочка. Ну, а что смешная... так это даже и к лучшему. Ну, это я так, чтобы тебе описать её.

И вот, завалилась она и, сопя, устроилась за столом. Прямо самовар самоваром. Уселась, ладошки потирает, и говорит: «Проголодалась я. Щас Гасандровна ругать меня будет, что поздно пришла. Ну вот! Идёт уже».

И правда. Было слышно, как открылась дверь, влетел промозглый ветер, дверь закрылась и... тишина. Что за чертовщина в клюквенном сиропе? Дверь открывается, закрывается, а никто так и не заходит. Спрашивается – кого впускала? Может, привидение? И что-то как-то страшно-вато стало от чертовщины такой.

А Машуня будто ничего этого не замечает и вдруг такая: «Ой! Что я вам скажу! Mon Dieu, Mon Dieu! У нас появилась новая девочка, кажется, Юлей зовут, и, кажется, она сейчас сюда придёт», – и всё это скороговоркой, частит, притом громко звеня ложкой в огромной чашке с чаем.

Мы обе так и уставились на неё.

Я ей: «Ну же! Рассказывай! И прекрати ты греметь! Пятьсот раз тебе говорила!»

А она смотрит на меня глазами филина и медленно так выговаривает: «Ух! Глазищи-то выкатила! Ну ладно. Так вот. Иду я сюда, значит, волочу санки...»

Наташка аж всхлипнула от смешка: «Чиво?! Санки? Зачем? Что ты с ними делала?»

Машуня даже надулась от возмущения! «Каталась с горки. А что ещё с санками делают?»

Тут и я не выдержала: «Да ведь без снега-то как же на санках кататься?»

«Да фиг с ними, с санками. Всякое с человеком может случиться. Рассказывай дальше», – нетерпеливо махнув рукой, потребовала продолжения Наташка.

А Машуня, похоже, урезонилась, выдохнула и, как на уроке с места, отвечает: «Так вот, иду я такая, уже здесь – на горе, одна, санки волочу, а следом дядя Серёжа – маячник. Догоняет меня, а рядом с ним девочка. Он чемодан тащит и ещё один, а у неё мешок заплечный, нарядненький, с ленточками разных цветов. Ну, всё, думаю – к нам. И про себя так: «С прибытием в отчий дом! Добро пожаловать на землю обетованную». Остановилась, дождалась их, с дядей Серёжей поздоровалась. Любит он мне руку целовать! Ну, так вот, а он и говорит: «Вот, Машенька, новая подруга вам, Юлей зовут, не обижайте её». А девчоночка красивая, и глазки такие... умные очень, только грустные. Сказал, что

её сейчас покушать приведут – с дороги ведь. Я только успела спросить её, как она качку перенесла. Она ответила, что плохо, и головой покачала как-то горестно прям. По-моему, хорошая девочка».

Рассказав всё это, Машуня, наконец, перестала греметь ложкой (я каждый раз ждду, когда же чашка лопнет, не выдержав столь неистового мешания) и принялась рыться в вазочке с печеньем.

Я ей, конечно, помогла: нашла пару печенек, ею любимых, с орешками.

Но Наташечкиной спокойно не сидится. Ей только дай подколоть кого.

«Ты что, с горки по траве, что ли, ездила на санках? И кто тебя надоумил? Сова ты наша мудрая».

Маша собиралась было ответить Натусе и уже развела руками, но тут дверь вновь распахнулась, послышались голоса, свист ветра (мне кажется, он продрог и потому желал погреться у печки). Дверь захлопнулась. И тишина. А на пороге кухни появилась новенькая. Робко остановившись, она осматривала комнату, стеснялась и не знала, куда деть свои руки.

Мы все с ней поздоровались. А как же иначе?

А та покраснела от сильного смущения и нерешительно, чуть слышно пролетела: «Здравствуйте. Меня зовут Юля, Юля Сколкова. Я новенькая».

И тут у меня, как это иногда бывает с ружьями, с те-

ми, что стреляют раз в год, пробудилось поэтическое зрение:

«Оставь фамилию свою тому,
Кто знает её желает,
А здесь она нам ни к чему, –
Мы и своих не знаем».

«Ого! Поэтесса! – первой восхитилась Машуня и даже протянула мне руку для пожатия. И так серьёзно, по-взрослому это проделала. Она тоже от случая к случаю умеет сыграть роль. И потом. – Молодчина! Держи пять!»

Ну, я, конечно, пожала ей руку. Но сильно, видимо. Она аж охнула.

В общем, наши рукопожимашки пресекла Наташечкина. И в кои-то веки правильно сделала.

«Эй! Народная сказительница и её кумиры! У нас гостья! У нас новенькая девочка, и она пока что чувствует себя не в своей тарелке. Может, вы обратите на Юлю своё внимание, пожертвовав высоким?» – с усмешкой, как всегда, когда не бурчит, как мой пустой живот, произнесла она и обратилась к Юле. – «Проходи, садись, щас чаем угостим, обустроишься, мы тебе наш остров покажем. Ты быстро привыкнешь. Здесь хорошо, вот увидишь, уже завтра как дома будешь».

В общем, наобещала всего и сразу, с три короба.

И как же замечательно, что в нашей компании есть Маруся. С ней по смеху не соскучишься, может, от того, что

она не стесняется показаться смешной, хоть порой и обижается, да только всё больше безобидно.

«М-м-м... Тебя, м... куда поселили? М-м-м... Прошу прощения, это всё из-за печенки», – невнятно произнесла Маша, смешно тыча пальцем себе в рот

«Меня мужчина симпатичный, галантный такой...», – начала было новенькая.

«Ааа. Эт наш Сергей Леонидович. Ага. Красавчик. Точно», – перебила её Наташа.

А та кивнула и продолжала: «Ну вот. Значит, встретил он меня на берегу и привёл в дом, двухэтажный. На второй этаж вещи поднял и комнату показал. Сказал, что я буду жить с Машей, но её я не видела. А ещё у меня письмо для... Ох, ну не вспомнить как имя женщины, но её я тоже не видела», – Юлия виновато развела руками и умолкла.

Тут и я удивилась и спросила: «Здравствуйте! А кто э тебя сюда привёл-то тогда?»

«Женщина, высокая такая. Сказала, что она сейчас крайне занята, ей некогда со мной разговаривать, и убежала».

«А! Ну понятно! Гасандровна, то есть Галина Александровна, другими словами. Наверное, и письмо для неё. Вечно бежит куда-то», – важно проговорила Наташа. – «Интересно, и куда же это она спешила так рано утром?»

И вот, возьми меня леший за правый бок, приспичило мне поинтересоваться: «Ааа... Скажи, пожалуйста, в комнате,

в которую тебя поселили, лежало что-нибудь на полу, у подушки там?..»

Юличка засмузилась: «Ну... носочки лежали... на полу... у двери».

«Ну, понятно! Теперь я спокойна. А то вот сижу и думаю: а вдруг ещё какая Машиа в наших краях завелась».

В общем, переборщила я.

А Машуня явно обиделась, от чего её личико ещё больше округлилось: «Ладно вам. Это моя комната. Что хочу, то и кладу, куда пожелаю».

Похоже, Наташечкина спасла и меня, и ситуацию от нештучного, длительного Марусиного вздутия (или надутия, или раздувательства), поинтересовавшись своим длинным носом: «А с тобой никто больше не шёл на корабле?»

«Ну, дяденька какой-то вышел, но он не говорил по-русски. Bonjour – это же по-французски? Да?»

И тут обе – и Натуся, и Маруся – посмотрели на меня. Я что, мёдом намазалась для их взглядов?

В общем, я больше не хотела ни с кем говорить. Я устала от всего этого гомона, перебралась в своё кресло и так и просидела там, пока не пришёл Поль. Он, оказывается, ходил к Карпухе за чернилами. Я позже расскажу тебе об этом.

Девчонки ещё много всего рассказывали, делились впечатлениями, даже меня о чём-то спрашивали. А я, вдруг вспомнив чудачества своей памяти на берегу, уже ни на кого и ни на что не реагировала. И прям страшная апатия меня

захлестнула.

Вот так вот, мой милый дневник. Дальше было всё как обычно. Мы пошли на занятия. Гасандровна много кашляла. Думаю, простудилась. Наташка всё никак не могла собраться, вертелась. А Юли не было. Она разбирала вещи, устраивалась и отдыхала. Я тоже немного «отсутствовала» на уроках, потому что хотела увидеть Антуана. Я тебе обязательно расскажу о нём, но позже. А сейчас мне пора заканчивать и ложиться спать. Я и так слишком много тебя исписала. Боюсь, твоих страниц надолго не хватит, а мне бы этого не хотелось. Спокойной ночи, мой дневник Поль».

Саша поднялась со стула, взяла дневник и осторожно, на носочках, чтобы не разбудить подругу, вышла в коридор, направилась в свою комнату.

Глава 3. Седьмой день месяца рюина. Бриг

«Седьмой день месяца рюина.»

Здравствуй, мой милый дневник. Вчера, уже засыпая, я думала об Антуане, переживала, что не смогу увидеться с ним. А потому сегодня, сразу после завтрака, ещё до начала занятий в классе я побежала к Гасандровне, но в классном домике её не оказалось. Зато мне повстречалась Мария Васильевна (она преподаватель и ведёт у нас почти все уроки, наравне с Гасандровной). Старушка (так мы по секрету зовём Марию Васильевну) сказала мне, что Гасандровна с Антуаном ушли на дальнюю оконечность горы. Мол, у них там какое-то важное дело, а потому мне не стоит их отвлекать. Я расстроилась и хотела было уже сказать об этом, но наша Старушка и сама с глазами, и поняв верно, что именно меня беспокоит, заверила, что Антуан быстро не покинет остров. Мол, у него есть ещё здесь дела, да к тому же корабль, на котором он пришёл, точно простоят у нас несколько дней, и на то есть причины.

Спасибо Марии Васильевне. Она правильно всё поняла и сумела успокоить. Теперь мне остаётся лишь терпеливо

ждать и не упустить момента, когда Антуан освободится.

Ты спросишь, отчего я так стремлюсь увидеться с ним? Я тебе отвечу. Но начну я с рассказа о нём самом. Вы же ещё не виделись. Не так ли?

Так вот, Антуан – археолог. Есть такое слово. Я сама недавно узнала. А до того называла Антуана следопытом, отчего надо мною все смеялись. Он изучает историю Земли. Ты не подумай, он изучает не только остров и тайгу на том берегу. Он всю планету изучает. А дедушка Карпуха как-то сказал мне по большому секрету (он приставил палец к губам, тихо так прошипел и попросил никому не говорить, но тебе можно, я думаю), что Антуан даже в космос летал. Куда-то далеко. Даже очень далеко. Чуть не к самому краю. Но дедушка тогда сильно пьяным был. Не думаю, что это правда, насчёт космоса. Так далеко никто никогда не летал. Даже птицы не смогли бы. Я не расстроюсь, если слова дедушки Карпухи окажутся шуткой. Антуан и без того бывал в таких далях, о которых я и слыхом не слыхивала. Ты знал об Африках? Нет, наверное. А о землях за большим-пребольшим морем знал? Вот. А он там везде бывал. Он даже к Серафиме в гости заглядывает. А она как раз где-то там и живёт.

Вообще-то у Антуана есть его настоящее имя – Антон. Зачем он изменил его, мне неизвестно. А ещё сам он из этих мест. Давным-давно бабушка Лизавета подкинула его со-

всем маленьким нам на остров. Здесь он и вырос. Уж где она нашла малыша – то её секрет. Не правда ли интересно? Она и Поля подкинула нам. А может, и меня саму. Хотя мне больше нравится быть найденной в корзинке на берегу в штормовую ночь. Это ж такая романтика. Мне любопытно: откуда она всех нас берёт?

Мария Васильевна, не терепя, а та, что была мамой Гасандровны, взялась вырастить и воспитать малыша. Вот и получилось, что Антоша (так его звали в детстве – я знаю, потому как слышала разговор, где Гасандровна называла его так), вырос вместе с Гасандровной, которую он, кстати, называет Галушей, когда, конечно, никто не слышит. У них особые отношения. Они то как брат с сестрой, то похожи на влюблённых. Ну, а что с них взять? У взрослых свои страсти-мордасти.

Тут тоже не всё просто. Иногда, если подслушать хорошенько, аккуратно, можно услышать удивительные дела. Я, например, как-то раз слышала такое, от чего волосы дыбом встали. Будто бы Гасандровне и Антуану совсем не столько лет, сколько может показаться. Якобы они и десять лет назад выглядели как сегодня. Что же это получается, они нисколько не постарели что ли? И сами они между собой, было дело, вспоминали времена, когда кораблей не было и даже людей не было. Как такое может быть? Это ж когда такое могло происходить? Ещё при царе Горохе? Так что ли? Я думаю, они фантазировали. С них станется.

Ну, это пусть бы и так, конечно. Дедушка Карпуха сказочник тот ещё. Вот только совсем балаболом его не называть. Не раз уже случилось мне уверяться в правдивости его рассказов. Взять хотя бы историю про лодку бабушки Лизы на маячном острове. Было дело: рассказал Карпуха про останки той лодки Леониду Фёдоровичу, а тот ни с того ни с сего, нет чтобы отмахнуться от рассказней пьяного – задумался. А после, по очередному прибытию на остров бабушки Лизы, повёл её по косе на дальний маяк да показал остатки той лодочки. И ведь бабушка Лиза признала их. Вот только, отчего-то костерила дедушку Фёдора. Ох, как костерила! Она вообще склонна всех без разбору бранить, но дедушку Фёдора в особенности. Я даже слышала, как она (вот только не смогла разглядеть кому) говорила, что «доверила ту лодочку старику окаянному, так тот и в этом деле промашку дал, так как руки его кривые, а голова сушёной ламинарией набита».

Так что вот, дедушка Карпуха прав оказался. А потому его рассказы, когда он под «мухой» (так прям все и говорят: под «мухой»), не всегда сказочны.

Может, Антуан с Гасандровной и в самом деле старенькие, может, даже старше дедушки Фёдора и Карпухи тоже. Что с того? Зато Антуан так много всего знает об истории Земли. Может, потому и знает так много, что живёт долго. Так ведь и хорошо. Дедушка, тот, который Карпуха, мне рассказывал, что у Антуана в землях чужих, заморских

есть тайники с сокровищами. В них, якобы, спрятаны бесценные артефакты или раритеты... (слова из головы вылетели), в общем, диковины. И диковины эти многое могут поведать об истории планеты и истории людей. Даже, будто бы, об их появлении (о нашем, получается). Уж если в самом деле так, тогда сокровища Антуана и взаправду главнее всякого другого.

Мне Антуан нравится. Я даже понимаю, почему Гасандровна наша так смотрит иной раз на него. Прямо такие взгляды бросает, можно подумать, представляет себе, как он поедает её, а она совсем и не против такого безобразия. В общем, как говорит дедушка: влюблена до самых помидор (что такое помидоры, он не знает, и никто не знает, но звучит внушительно). И неудивительно, что влюблена. Я бы и сама влюбилась. Он же вон какой красавчик. Высокий, стройный. У него глаза зелёные. А ресницы чёрные и длинные, прямо на зависть всем. И брови чёрные, но не косматые, как у дедушки Карпухи, и не толстые – того и гляди свалятся на землю, а очень даже выразительные, живые. И нос симпатичный, чуть полумесяцем (в отличие от Карпухиного, горбатого, смотрящего вниз) и вздёрнутый, прямо любопытствующий нос, который прямо так и хочет всюду сунуться. И ведь Антуан так его и использует – сует всюду. В общем – красавчик, и в этом похож на Поля. Или Поль на него. Наверное, второе правильнее. Они даже волосами похожи. У одного и другого копны сена на голове. Русые, как го-

ворит Татьяна Алексеевна. Я думаю, Поль, как ещё немного подрастёт, так и вовсе станет вылитым Антуаном. И я тоже буду в него влюблена, как сейчас Гасандровна в Антуана. Хотя, если уж говорить тебе, то скажу честно: я и так уже влюблена в Поля. Только ты, чур, никому не говори.

Вот такой наш Антуан. Жаль только, редко навещает нас. Зато как навестит, так прям заслушаешься его рассказами обо всём мире и в особенности о нашей отчизне. А она большая. Даже огромная. Так все говорят. Мол, от одного моря, над которым Солнце всходит, до другого – закатного моря. Вот так вот.

Совсем я заболталась с тобой, а всего-то и хотела сказать, что есть у меня к Антуану вопрос заветный. Ну, как заветный? Может, навыдумывала я себе с три короба. А всё дедушка Карпуха виноват. Иногда кажется, что он через меня свои истории проверяет: что из них правда, а чего в помине не было. Расскажет и наблюдает, ждёт, значит. Знает же, что я поведусь интересом. В общем, я у него за место Антуана – ковыряться стану да те самые артифиа-ты, или как там их правильно называют, искать. Да так и происходит. Меня же заинтересовать запросто. Я ж прямо с места заводжусь, не то, что трактор наш. Меня не надо задом под гору ставить, чтоб завести потом.

Так вот, ещё в летнюю пору задал мне дедушка Карпуха задачку: мол, на дальнем пределе горы, там, где озеро верхнее с островком посредине (я тебя обязательно свожу ту-

да), есть полянка. Мол, не просто так она там, а для избушки особенной. Уж он такого порассказывал мне! Якобы, избушка та появляется и исчезает по своим соображениям, никому не ведомым. Сама! Чуть ли не по небу летит! Плюхнется на поляну, устроится поудобнее и стоит, ждёт, а чего ждёт – дедушка и сам не знает. Но, говорит, стоять избушка может сколь угодно долго, пока предназначение своё не выполнит. А уж как выполнит, так снова улетает, и до следующего раза. Что за предназначение такое, дедуля толком не знает. Но, похоже, привирал он про незнание. Уже после рассказов его этих пришла я к нему как-то, а он пьян в стельку, на полу сидит, спиной о печь облокотившись, и бормочет, бормочет что-то. Я так поняла – обморок с ним приключился. Подсела к нему, а он, как ослепший, голову ко мне повернул, глаза мутные, меня не видит вовсе, но как будто бы по запаху чувствует пирог, что я принесла от Марфы Ивановны. Тогда-то я и услышала от него про ребёночка. Мол, сказочный он, ребёночек, особенный, потому как никто иной, как сам Творец. Мало что я поняла из его пьяного бубнения. Да и поди пойми толком, коли разговор аж про Создателя зашёл. А дедуля, бедненький, умучавшись возлияниями здоровью его вредными, всё твердил, что избушка чудесная для того и нужна, но для чего именно нужна, так и не смог объяснить, и неудивительно, коли самогону своего набрался по самое горлышко. В общем, запудрил мне голову хорошенько. А позже, по трезвости, даже сводил меня на

полян у ту, и теперь наверняка ждёт, чтобы я выяснила, да на блюдечке с золотой каёмочкой принесла ему ответ. Нашёл себе следопыта, хитреца этакий. Знать, не настолько он пьян был, насколько показаться могло, а большие спектакль передо мной разыгрывал.

И всё бы ничего, может, я и отмахнулась бы от фантазий дедушкиных, да только есть у меня вера в слова его. Есть, потому как и всамделишно полянка та не простая, оказывается. Точно на ней хоть раз да стояла избушка. Я там даже битый горшочек нашла, а ещё щепки. Кому бы надо там щепки оставлять и горшки битые выбрасывать, если не живёт никто?

Наверно, я и в правду по следам Антуана иду, коли в земле роюсь и радуюсь, как нахожу вещицы разные, другим не интересные. А всё дедушка Карпуха виноват. Больше и не кому.

Вот и хочу я Антуана расспросить об избушке. Может, знает он что. А может, тут же и урезонит меня, уверив в глупости. В самом деле, где это видано, чтобы избушка сама появлялась и исчезала? Всю жизнь любую избу строят, а коли построена она, так и стоит для дела нужного, а уж если за ней не присматривать, так она тихонько ветшает и в конце разрушается. И сколько времени надо, чтоб изба сгинула, не оставив следов по себе? Всё равно, что-нибудь да останется. Вот фундамент, хотя бы, потому как он каменный, и ничего ему не будет.

Ох, и посмеётся надо мной Антуан. Над дедушкой Корпу-

хой смеяться не станет. С того взятки гладки. А надо мной обязательно посмеётся. Да и пусть бы.

Вот так вот, милый мой дневник, а сейчас мы с девчонками побежим на причал смотреть корабль. Он, должно быть, огромный, много больше кораблей рыбаков, ведь он пришёл из других морей, а они так далеко, что отсюда и не видно, и, наверное, страшно большие.

Ну вот, теперь я хочу попросить у Гасандровны книжку о морях. Я же ничего о них не знаю, хоть Гасандровна не раз рассказывала нам на уроках про моря и океаны. Наверное, я в облаках витала и ничегошеньки не усвоила.

А сейчас до вечера. Может, у меня получится сегодня рассказать тебе о корабле том.»

– Наташка! – крикнула Саша в открытую форточку окна своей комнаты, расположенной на втором этаже «домашнего» домика (так между собой называли жилой домик девочки, чьи комнаты, а их было всего три на втором этаже, и находились в этом самом домике).

Прикрыв форточку, девочка сунула дневник под подушку, взяла лежащую на кровати кофточку и, даже не надев её, зажав подмышкой, выскочила из комнаты, бегом спустилась по лестнице, с разбегу толкнула уличную дверь плечом, привычно ойкнула от боли и вывалилась на крыльцо.

– Эй! Где вы!? – озираясь по сторонам, прокричала Саша, и только сейчас, поёжившись на свежем ветру, накинула

кофту себе на плечи.

Машкина голова, как всегда, торчала из-за высоких зарослей голубики. Мурлыча какую-то песенку, девочка лакомилась ягодами и, похоже, ничего не слышала и, уж понятно, никого не видела.

– Машка, вылазь давай! Эй!

Маша подняла голову, и теперь вместо хвостика с голубой вязаной резинкой на Сашу смотрели глаза круглого личика. Точно сказать, куда или на кого обращён взгляд девочки, посторонний человек затруднился бы определить, но Саша знала подругу не один год и могла уверенно определить, куда именно та смотрит. Вообще, у Саши с Наташей была одна тайная шутка про Машу, а именно про её нос: будто по нему можно верно определить взгляд подруги. И вот теперь чуткий Машин нос, к слову сказать, курносый, прямо указывал на крыльцо.

– Чего расшумелась-то?

– Да здесь мы, здесь, – следом за Машей откликнулась Наташа, спрыгивая с ветки корявой берёзы. Среди всех берёз острова эта выглядела особо истерзанной, безобразно гнутой и крученной всеми возможными ветрами, беспрестанно хлеставшими маленький островок, затерявшийся в бескрайнем ледяном море. – Мы уже проголодаться успели за то время, что ждём тебя. Вон, Маруся подкрепляется.

– Ладно тебе бухтеть, Натусь. Бери Марусю и пошли, – показав подруге язык, Саша спустилась с крыльца.

– А? Что? – снова откликнулась Маша, переводя слеповатый взгляд с одной девочки на другую.

– Всё хорошо, черепаха ты наша задумчивая, – Наташа протянула ей руку. – Пошли уже.

– А где Юля? – оглядываясь по сторонам, спросила Саша.

– Ушла, – махнула рукой в сторону причала Наташа. – Сказала, что хочет одна, самостоятельно идти. Мол, по дороге, что привела её сюда, надо обязательно пройти в обратном направлении. Так эта дорога станет ей родной.

– Ух ты! – удивительно серьёзно восхитилась Саша. – Дальнюю же дорогу ей проделать придётся.

– Да не. Она ж только до причала. Дальше не пойдёт.

– Фуф. Успокоила, – шутливо прокомментировала слова Наташи Маруся.

А тем временем только ещё взбирающееся к зениту Солнце, глядя на осень, казалось, уже подумывало скатиться на обочину, и ну их, все эти закаты, так набившие оскомину за скоротечное северное лето. Скатиться, и оставив вечно дрогший, полусумеречный мир за горизонтом, поискать в другом месте лучшей для себя доли.

Бегущая вперед, укатанная каменистая дорога миновала заброшенную, казалось, не первый век, кочегарку, что стоит слева, затем белой штукатурки башню маяка, возвышавшуюся справа и царящую над всем зримым, а может, и незримым миром тоже, дом маячников. Также справа, но существенно дальше, за рядом берёз и, словно успокоившись, уже

лёгким, чуть хмельным шагом рисково вилась, повторяя игру крутого склона горы.

– Ух ты, Машуня, Сашуня, смотрите! – Наташа остановилась, и показывала пальцем в сторону причала, где над свинцовой гладью моря, повисла, на мгновение застыв, дружная стайка ярко-синих облачков.

– «Альбатрос»! Это он! – закричала, подпрыгивая и хлопая в ладоши Саша. – Быстрее! Идёмте!

– Куда быстрее то? Ноги переломаем, – заворчала Маша. – Ты же сама сказала, что корабль много дней простоит у нас.

– Не много, а только несколько, – уточнила, оправдываясь, Саша.

– Но за эти дни мы всяко дойти успеем, – рассудительно, и тут не поспоришь, парировала подруга.

Дорога завалилась влево, будто вторя нетрезвому Карпухе, и пошла вниз, не переставая при этом пьяно вилять. Наташа, взяв за руку Машу, аккуратно обходила стороной тут и там торчащие валуны, а Саша шла, то и дело спотыкаясь, не отводя взгляда от белого с золотом полосы корпуса брига, над которым застыли синие паруса, так похожие на нежные лепестки весенних цветов. Можно подумать, дорогу в очередной раз качнуло, и она, не сумев совладать со своими нетрезвыми ногами, сбившись с намеченного курса, опасно хватанула одной ногой самый край горы, но в последний момент незримое провидение взяло на себя задачу отвести бедолагу от неминуемого финала, и дорогу снова качнуло, те-

перь уже вправо. Ветер принёс запах печного дыма, а после того, как девочки миновали крутой зигзаг дороги влево, показалась и баня, стоящая под горой, как раз под тем самым её склоном, на вершине которого у края и стояла заброшенная кочегарка. Из трубы бани валил густой тёмный дым, говорящий о том, что печь сырая, холодная, и её, ещё не прошло нескольких минут, как начали протапливать.

– Кто-то задумал помыться.

– Или затеял стирку, – следом за Сашей предположила Наташа.

Маша шла молча, вперяя взгляд в вихлястую, каменистую и от того коварную дорогу и, замедлив шаг, лишь повела головой, слушая, о чём говорят подруги. Ей не терпелось дойти до причала и увидеть, насколько это возможно, большой корабль, прибывший из невероятных далей. А ещё лучше, но то – мечта-мечта, взойти на него, походить по палубе, заглянуть на камбуз, о котором Сашка прожужжала уже все уши, а может даже и потрогать парус. Какой он, этот парус цвета яркого неба? Правда ли он из тряпки? А если да, то как так смогли такую огромную тряпку выткать? И штурвал. Да! Штурвал! Вот бы постоять за ним, дотронуться хоть пальцем одним и крутануть чуть-чуть.

Спешила к причалу и Саша. Она хотела, всем сердцем хотела прочувствовать великолепие такого совершенного корабля. Его плавные обводы, золотая полоса, тянущаяся от носа до кормы по белому, с глазами иллюминаторов борту,

палуба, ближе к носу пологая и вместе грациозно уходящая вверх. И главное – две великолепные, со множеством реймачты, высоченные, могучие и вместе с тем изящные. А какие синие-пресиние паруса! Квадратные, чуть конусом, наполненные ветром. А ещё на самой верхушке второй мачты, той, что была ближе к корме, развевался двумя языками красно-белый вымпел. И конечно же, поражал воображение девочки нос корабля! Стрелой ещё одной мачты, устремлённой вперёд и вверх, с гроздью треугольных парусов, корабль словно рвался дальше, в дали-дальние, за самый горизонт, за который никому не зайти. И казалось, только он, этот корабль, способен преодолеть невидимую, всем остальным запретную линию.

Сашино сердце, переполненное восторгом, в какой-то момент замерло и следом же вспыхнуло, затарабанило вздохами, меж которых выдохам не находилось ни секунды. Корабль походил на гордую птицу. Того и гляди он понесётся по волнам, увлекая за собой остров, потому как толстенными верёвками связан сейчас с ним. И почему паруса не убраны? Может, им дали подышать, отдохнуть, не гнать корабль вдаль, как это бывает всегда, а всего лишь вдохнуть, почувствовать вольный ветер, что гуляет по необозримым просторам, многое видит и слышит, многое может поведать.

И только Наташа, прямая и в то же время стальная, рациональная, без фокусов, шла к причалу. И больше её стремление походило на любопытство мыслителя-математика. Она

хотела увидеть, а увиденное сложить, поделить, соотносить одно с другим, оценить пропорции и уже затем объяснить красоту, если результат будет именно такой, а если нет, то раскритиковать, усомниться. И всегда у неё есть советы, мнения, скептицизм. Такова Наташа. Её красота в правильности сложения чисел, в прямоте линий или их кривизне, при условии, если таковая геометрически правильна.

Спустившись к нижнему плато, дорога не перестала плутать, но несколько размылась, потеряв очертания. Кое-где её каменистость уступала место рыхлому песку или поперечно уложенным старым брёвнам, давно сточенным ногами и колёсами трактора и телеги, что изредка здесь проезжали. Над трактором и его телегой (телега была именно его, по той причине, что другого транспорта на острове не имелось) шефствовал Сергей Леонидович как самый технически подкованный из всех островитян. Трактор этот был старым-престарым, как и генератор, что день и ночь тархтел на краю берёзовой рощи, вдалеке от жилья. Заправляли технику, что трактор, что генератор, соляркой, хранящейся в четырёх огромных, лежащих на каменном фундаменте бочках, тоже внизу, шагах в ста от генераторной. Сергей Леонидович, Леонид Фёдорович и Карпуха по очереди носили солярку вёдрами. Карпуха реже, по той причине, что периоды трезвого просветления испытывал не часто и не по расписанию, а по некоему наитию или зову души, как любил говаривать он сам.

Солярка была вонючей, но это по мнению Маши с Наташей. Саша же так не считала, говоря, что солярка пахнет любопытно. Девочка даже частенько помогала взрослым носить солярку, правда маленьким ведёрком, и всякий раз удивлялась, насколько эта жидкость легче воды. Саша и с трактором любила возиться. Конечно, не сама. Но если замечала Сергея Леонидовича копающимся возле трактора, сразу, бросив другие дела, оказывалась рядом, всматривалась, трогала, чесала затылок, цокала языком и всячески, как только могла, соучаствовала.

Солярку на остров доставляли в обычных бочках, как правило, по одной за раз, рыбаки на своих маленьких пузатых корабликах, которые отчего-то называли Дорами. Доставляли из дальних цивилизованных, как здесь говорили, селений, разбросанных по берегам моря. А иногда и большими кораблями, такими как стоящий сейчас у причала бриг. Тогда на причал скатывали пару десятков бочек, и все мужчины участвовали в процессе их погрузки на тракторную телегу, а затем в переливе солярки в четыре огромных емкости.

Особо любил такую суету извечно деятельный, энергичный по натуре Карпуха. Никогда никому и ни в чём старик не отказывал. Засучив рукава брался за любое дело. Через это, а ещё благодаря своей весёлости и множеству жизненных познаний и был ценим островитянами. Одна беда водилась за ним, ходила по пятам, нашёптывала, склоняла и ей помочь, выручить, избавить от одиночества – слабость к ал-

коголю. Чаще выпивал Карпуха тихо и самую малость, а после не шумел и хулиганств не вытворял, но становился сверх меры весел и более энергичен. И частенько, будучи во хмеле, принимал участие в каком-нибудь деле, по итогу – мешался под ногами, деловито размахивая руками, хмуря лоб и задорно, с особой радостью и прибаутками ругаясь. В этой-то бодрящей ругани и крылась вся польза его участия.

Вот и сейчас, сквозь далёкое тарактение трактора можно было услышать громкую, не во всём безобидную для детских ушей, но весёлую брань старика. Судя по нарастающему звуку, машина двигалась в сторону причала, наверняка с опорожнёнными бочками, большая часть из которых уже стояла возле ржавого, но ещё работоспособного причального крана.

Увидели девочки и Юлю, разговаривающую с кем-то из матросов.

– Какой он всё же красавчик! – с восхищением в голосе выдохнула Наташа.

– Ага. Наверняка в большом мире все женщины по нему сохнут. Это точно.

– Как это, Шурочка?

– Ну, Антуан. Он такой, такой... – пояснила Саша.

Наташа засмеялась, толкая Машу в бок:

– Слыхала? Я о корабле, а она всё о своём.

– Фу ты, ну ты, Наташка! Откуда мне было знать, что ты о бригае говоришь? – расстроенная непониманием подруги Саша поджала губы.

– Да ладно тебе дуться, малышка, – старшая подруга положила руку Саше на плечо. – Пошли уже, а не то Юлька всех нас без женихов оставит.

– Куда ей столько? – поинтересовалась Маша.

– А почём мне знать? – пожалала плечами Наташа.

Позади девочек, перекрикивая шум приближающегося трактора, уже в полную силу гремел голос Карпухи.

– Поль, дятя леса, отойди от машины! Бочки, чай, круглые, повалюття и зашибуть тябя, а мяня, как старшого в виновники зачислють!

– Вот где Поль твой ненаглядный. А ты всё по Антуану сохнешь.

– Да не сохну я по нему! – возмутилась Саша.

– А! Я поняла! – веселилась Наташа. – Ты надеешься, что твой Поль станет таким же красавцем, как и Антуан!

– Фу на тебя, Наташечкина, – огрызнулась на подругу Саша.

– Привет, девчонки! – к ним подбежал запыхавшийся Поль. – А мы солярку сливали. Эта последняя была. А Карпуха чуть в бочку не завалился. Он сказал, что самогона несвежего выпил и теперь немного неисправен. Вот умора!

– Карпуха сказочник и пьяница. Что его слушать то? Он за всю свою жизнь ни единого правдивого слова не сказал.

– Неправда, – возмутилась словам Наташи Саша. – Никакой он не врун. Он честнее многих из нас. А то, что балагур и выдумщик, так это от паров алкогольных, как говорит Га-

сандровна.

– И много он тебе правды наговорил? – передразнивая Сашину интонацию, поинтересовалась Наташа.

– Иногда много, – опустив взгляд, ответила Саша.

– Девочки, прекращайте уже спорить, – обиженным голосом, словно это её утверждения только что подвергли незаслуженному сомнению, проговорила Маша.

Поль переглянулся с Сашей, подмигнул ей и взял за руку:

– Идём. А за Антуана не переживай. С корабля ещё много чего сгрузить надо.

– Я и не переживаю.

– Переживаешь. Я знаю. Мне сон этой ночью приснился, как ты его на полянку ту водила, на которой избушка иногда стоит.

– А ты откуда знаешь про это? Я тебе ничего такого не говорила.

Мальчик пожал плечами:

– Значит, проговорила кому-то.

– Никому я не проговаривалась, – Саша с подозрением посмотрела на друга. – Ты что, в голову мне забираешься?

– Мы же друзья. А значит, можем чувствовать мысли друг друга.

– Иногда мне кажется, что ты подглядываешь за мной.

– Нет, Саша, не подглядываю.

– Значит, – девочка хотела сказать о той странной записи, появившейся в её тетрадке ещё весной. Тогда, на её предпо-

ложение, что Польша может приходиться ей братом, тетрадка написала (а кто, если не она, тетрадка?), что этот вопрос надо задать бабушке Лизе. Она была первой, кто держал их обоих на руках. Она может знать больше других. И все эти мысли, спутав тонким коварством намерение девочки задать один вопрос, подвели её к вопросу иному, таящемуся глубоко и до поры до времени выжидающему лучшего момента. – Бабушка Лиза хорошая колдунья? Да?

– Она хорошая колдунья, – кивнул Польша.

– Эй! Голубки! – прокричала Наташа. – Вы идти собираетесь?!

Саша с Польшой, не заметив за разговором, что остановились и порядком отстали от девочек, побежали, продолжая держаться за руки. В сторонке от них, прыгая по каменистой дороге и звонко грохоча пустыми бочками, проехал трактор, за рулём которого сидел Леонид Фёдорович. Сергей Леонидович восседал в телеге и всячески, обеими руками придерживал бешено прыгающие бочки, норовящие того гляди из этой самой телеги выскочить. Карпуха, то останавливаясь и оказываясь далеко позади, то вприпрыжку догоняя и обгоняя громающую «кавалькаду», громко декламировал какой-то стих, сдабривая своим голосом музыку стального ляга и жестяного звона. Получалось громко и пьяно.

– Эй! Малышня! Айда на причалу! Сяйчас вяселье начнётся! – прокричал на бегу старик, загребая руками, отплываваясь и продолжая басом выдыхать очередные стихотвор-

ные строки.

– Вот неугомонный, – усмехаясь, проговорил Поль, – и всю дорогу так. Заправится самогоном и тарахтит часами без умолку. Почтище трактора будет.

– Ага, и солярку вёдрами ему приносить не надо. Сам в себя вливает, – добавила, смеясь, Саша.

А на причале уже во всю, натужно скрипя проржавевшими осями и колесами, трудился причальный кран, поднимая на борт «Альбатроса» пустые бочки. В маленькой тесной будке управления краном, за рычагами стоял один из бичей. Так называли нескольких мужчин, сезонно проживающих на острове в двухэтажном домике, стоящем на берегу. Бичи собирали со дна моря морскую траву, ламинарию, сушили её на берегу, упаковывали в тюки и сдавали частью за деньги, частью за сигареты и продукты питания. Забирали траву приёмщики, приходившие на остров в течение лета и начала осени на различных кораблях, и на месте расплачивались с бичами вышеперечисленным. Тот же Карпуха, будучи на короткой ноге со сборщиками травы, по секрету говаривал: мол, бичи эти не иначе как отсидевшие в острогах за различные преступления, а некоторые так и вовсе за «убиства» (его словечко).

– Какой огромный красавец! – закричала Наташа, прижимая ладони к щекам! Она остановилась, не в силах идти дальше от охватившего её восторга.

– Ну, эт ишо маленький. Бриг всяго. Большому кораблю

к прячалу не подойти будет. Большие стоят на рейдах, вдалеке от острова, – рассудительно прокомментировал воспиторг девочки Карпуха.

– «Альбатрос» маленький?! – удивилась Саша. Покачивая головой, она обернулась и смотрела на старика, при этом грызя ноготь, что говорило о глубокой, трудной задумчивости, работе мысли.

– А то. Маленький. О двух мачтах всего. Да нам большего и не требуется. Большие редко здесь бывают. Море в наших местах повсеместно мелкое. Вам, рябятки, разве Галуша об этом не рассказывала?

– Галуша? – приснула со смеха Саша. Она, конечно, знала, о ком говорит дедушка, но слышать такое от взрослого человека, пусть даже пьяного, оказалось весьма необычным. К тому же сказал он об этом во всеуслышание. Узнай о таком Гасандровна, она задала бы крепкую взбучку несчастному старику.

– Ну, мать всех ветров, – спохватился Карпуха. – Я ж так, я по-свойски, вы не помыслите чаво, вам, пятишкам, знать того не следоват, – старик приложил обе руки, крест на крест, к груди и поклонился. – Вы уж этава, не сдавайте меня Гасандровне вашей. Она ж меня тщядушного на косточки разберёт.

Девочки, услышав, как Карпуха назвал Галину Александровну, в один голос засмеялись.

– Да не переживайте вы так, дедушка Карпуха. Не станем

мы никому ничего про вас рассказывать. Вы только в следующий раз пейте не так много, а то, не равён час, с причала сверзнитесь да поломаетесь, – ответила за всех самая старшая – Наташа.

– Ох ты ж! – Карпуха глянул себе под ноги и торопливо сделал пару шагов назад, умудрившись при этом поскользнуться на сыром бревне настила и завалиться на бок. Охая и посмеиваясь над собой, пьяным, он поднялся, приложил правую руку к сердцу и с чувством, чрезмерно низко поклонился Наташе, отчего теперь его опасно повело вперёд. Спас ситуацию Поль, вовремя подавший старику руку. Щупленький, небольшого роста Карпуха судорожно ухватился за протянутую руку мальчика и удержался на ногах, после чего пожал ему руку, деланно по-взрослому и при том с искренним уважением.

– Знакомьтесь, это Клеман, – подойдя к компании, Юля представила трём девочкам, Полю и Карпухе своего нового знакомого – ещё совсем юного матроса. Тот стеснялся, бегал маленькими глазками от лица к лицу, кланялся и нервно встряхивал назад головой. Можно было подумать, что когда-то на его голове, сейчас гладко выбритой, красовалась богатая копна волос с чубом, который то и дело надоедливо сваливался вперёд, на глаза.

Все вежливо поклонились юноше и молчали, продолжая его разглядывать.

– Матрос? – задал вопрос Карпуха, хотя и без того было

ясно, что тот всего лишь именно матрос.

– Так точно. Матрос, – приложив правую руку к левому плечу, подтвердил тот.

Карпуха кивнул:

– Перед тобой, матрос, стоить аж цельный мичман, – насколько было можно, твёрдым командным голосом отчеканил пьяный старик и продолжил, чуть уже смущаясь. – Правда, давненько такое было. Нынеча я на пенсиях и чанов не держусь. Староват уже для службы. А ты, давай, служи справно, а как на пенсион выйдешь, сюда перебирайся. Здесь у мяня знаешь какой самогон?! Первач чястейший! Дух захватывает. Во, какой!

– Вы, Карпуха, – подавив смешок, обратилась к старику Наташа, – перестаньте человека пьянству учить с малолетства самого. Нам тут на острове второго, такого как вы, много будет.

– Не думал я, что вам мяня, Карпухи, одного достаточно. Хотел ансамбль собрать, да ходить-бродить с гитарами, гармониями да ручным медведём от избы к избе. Досуг, так сказать, разбавлять местный концертами всяческими да оргиями залихватскими, – наигранно обиженным тоном ответил Карпуха, а после заулыбался во весь рот, показывая всем свои удивительно белые зубы, коих во рту был полный набор, и засмеявшись, махнул рукой. – Ты это, матрос, мяня шибко не слушай. Я чуть подвыпимши сягодня. Случай такой выдался. Сам всё знаешь. Праздник у нас. А ещё банька будёт.

Ух, попаримся! Начисто вышкуреными отчалите от нас.

– Так то офицеров касается, – ответил матрос. – А мы, матросы, завтра в баню идём.

– А я и завтрава за употреблением буду. Ты что же думаешь, я случай такой пропущу?

– Никто и не думает так, Карпуха, – ответила за матроса Наташа. – Было бы удивительно, ежели бы вы трезвым хоть день один прожили.

– Ох, внучанька, – погрозил пальцем старик, – строгая ты, прям как матушка моя в бытность свою, пока жава была. Вот уж она папашу моего костярила по всем правилам, и в хвост и в гриву. Да в итогах всего пережил он её на двадцать годов. А всё почаму? А потому, что организм свой спиртовой жидкостью обрабатывал. Вот!

– Карпуха, Карпуха, – покачала головой Наташа, – не исправимы вы. Нисколечко не исправимы.

– А ведь вы знаете, да, дяденька Антуан уйдёт с вами в море? – дотронувшись рукой до руки матроса, задала ему вопрос Саша.

– С нами. Ему же ещё на Северную землю надо. Он туда путь держит. Так что мы его обязательно дождёмся, – улыбаясь девочке, ответил тот.

– Когда он помоеется?

– Помоеется? О! Нет, нет! У него ещё дела здесь есть. Так что дня три мы здесь постоим.

Саша кивнула, как бы одобряя сказанное Клеманом:

– Это хорошо.

– Конечно, хорошо, – не понимая того, что именно так заботит ребёнка, ответил матрос. – Антуан рассказывал о двух женщинах, ради которых он готов жить хоть вечно. Обе они на этом острове. Он говорил мне, что уделит каждой столько внимания, сколько от него потребуется, а до того не покинет остров. Думается, отдохнём мы здесь на славу.

– Две женщины? – Саша широко распахнула глаза, задумчиво глядя вдаль.

Засмеялась стоящая рядом и всё слышавшая Наташа:

– Шурочка, ну, ты прям глупышка, – и, подмигнув Маше и положив руку Саше на плечо, обратилась к матросу. – Спасибо тебе. Она не всё поняла, – кивнув на подругу, которая и в самом деле не всё поняла и сейчас перебирала в уме немногочисленных женщин острова в попытках понять, кто та вторая, помимо Гасандровны, которая волновала Антуана. – Но нашей Александре ещё расти и расти.

– Девочки, вы идёте? – показывая на бриг, спросила Юля. Оказывается, пока те разговаривали со словоохотливым матросом, она, представив Клемана, отлучилась, успела пообщаться с массой людей и теперь подвела к компании солидного, немолодого мужчину с роскошными усами. Тот, крижистый, небольшого роста, в чёрного цвета пальто, на плечах которого красовались погоны с тремя золотыми звёздами и такого же цвета парой полосок, пожал руку Карпухе, перед этим отдав ему честь, затем с поклоном пожал руку

Полю и теперь, улыбаясь, смотрел на девочек.

– Знакомьтесь: капитан корабля Яков Андреевич, – Юля церемониально, с совершенно серьёзным видом представила всем мужчину.

Капитан (можно подумать, они с Юлей заранее репетировали эту сцену) поочерёдно, с серьёзным видом брал руку каждой девочки, целовал ладонь, кланялся и представлялся.

– Ну, всё. Я влюблена, – прошептала Саше, не сводя глаз с капитана, Маша.

– А теперь, дорогие островитяне и островитянки, прошу вас подняться на мой корабль. Мы в ваших краях не частые гости, а потому утолите своё любопытство, – Яков Андреевич широким жестом показал на сходни, перекинутые с палубы корабля на причал.

– А на камбуз можно? – оживившись, спросила капитана Саша.

– Конечно, можно, – тут же с явной охотой ответил мужчина. – Клеман, голубчик, покажи молодым людям наш камбуз. – Вы галеты когда-нибудь пробовали? – вопрос капитана был больше обращён к Саше.

Та замотала головой:

– Нет. А что это?

– Это такое печенье. Наш кок обязательно угостит вас, – затем капитан снова обратился к Клеману. – Уважаемый, передай коку моё распоряжение приготовить всем чай, не жалеть сахара и выставить на стол полную банку галет. Всене-

пременно пусть откроет новую. Юным барышням старые галеты могут оказаться не по зубам, – и добавил, спохватившись. – И непременно чтоб банку молока сгущённого открыл.

– Так точно, товарищ капитан! Будет сделано! – зычным голосом отчеканил матрос, резко приложив правую руку к голове.

– Уф. Вот это да! Аж уши заложило, – с восторгом в голосе отреагировала Наташа на чёткий, звонкий ответ матроса.

– Усё согласно уставу. Приятно слушать. Никакой разнужданности, – с одобрением прокомментировал Карпуха.

– Так точно, товарищ мичман! Никакой разнужданности! – так же серьёзно, но уже чуть заметно улыбаясь, отчеканил Клеман в ответ на слова Карпухи.

– А я, когда вырасту, смогу служить у вас на корабле? – не сводя глаз с матроса, обратилась к капитану Наташа.

– Женщинам на корабле не место. Примета плохая, – ответил Яков Андреевич, снова взял Наташину руку и поцеловал её. – Со всем почтением, но ваше место на берегу – ждать возлюбленных и хранить очаг.

– Соответствовать, так сказать, своему предназначению, – поддержал капитана Карпуха, бросая в его сторону осторожный взгляд.

– Именно так, уважаемый. Вы зрите в корень, – одобрил слова старика капитан.

Ещё издалека, обводами корпуса, полотнами парусов,

двумя стрелами мачт и всей своею красочностью корабль смотрелся беспредельно великолепно. Таковым он представлялся и сейчас, с близкого расстояния. Стоя рядом с ним, можно было услышать скрипы его корпуса, тихий гул ветра в канатах, дыхание парусины, биение волн о борта. Во всём этом он был живым, со своим сердцем и даже душой. Девочки ещё видели его с полными парусами, которые после ночной сырой стужи развернули на просушку. Сейчас же дюжина матросов ловко взбиралась по верёвочным лестницам. На невероятной высоте они маленькими человечками ходили по реям, балансируя руками, укладывали и подвязывали поднятые паруса, и сноровисто скользили вниз по канатам или тем же лестницам. Корабль, поутру расправив крылья и показав всем своё великолепное оперение, теперь бережно их сложил, зная, уверенный в том, что произвёл должное впечатление, внушил уважение, влюбил в себя.

Путь до камбуза оказался для Саши неблизким. На корабле её интересовало буквально всё. Одно хотелось рассмотреть, другое потрогать руками, что-то попробовать на прочность, а то и «взять на зубок», как говаривал Карпуха. Девочка проводила ладошкой по сияющим на солнце отполированным поручням, с восхищением топала ногой по надренной палубе, с трепетом гладила могучие, до жути тяжёлые звенья якорной цепи, восторженно восклицая, сравнивала толщину канатов со своим запястьем, тут цокала языком, там качала головой и обязательно охала и вздыхала. Особое

впечатление на неё произвёл штурвал. Его она с чем только не сравнивала. То он походил на колёса старой телеги, что доживала свой век возле кочегарки, то с рулём трактора, то с большими часами, что стоят на полу в кабинете Галины Александровны, то с Солнцем. Робко, одним пальцем дотронувшись до штурвала, она боязливо оглянулась и тронула снова, а подошедшего к ней матроса заставила ответить на множество вопросов. Интересовало её всё. В особенности то, каким таким чудесным образом можно всего двумя руками управлять таким огромным кораблём, и где проходят канаты, или железяки, что соединяют чудесное колесо с рулём на корме. Матрос охотно, с некоторой улыбкой снисхождения отвечал на вопросы и даже повёл девочку под палубу, чтобы показать на деле сказанное им.

А затем были возгласы удивления от увиденных Сашей пушек, коих она насчитала четыре штуки. Те стояли обращённые своими жерлами к закрытым амбразурам в корабельных бортах. На вопрос девочки, зачем нужны пушки, матрос объяснил, что в морях всякое бывает, что можно встретить агрессивное морское животное, не испытывающее уважения к такому прекрасному кораблю, а могут повстречаться и разгульные искатели морских впечатлений, авантюристы всех мастей и просто пираты. Саша даже присвистнула от восхищения, а увидев пирамиду ядер, подняла одно, и повертела в руках. Было место и огорчению, когда матрос отказался показывать ей бочки с порохом, объяснив, что они

хранятся в закрытом пороховом арсенале, и доступ туда возможен только по распоряжению капитана.

Побывала Саша и глубоко в трюме, где нет кают, царит мрак, и слышно, как попискивают крысы. Здесь она познакомилась с корабельным котом Пал Палычем. Здоровый рыжий проказник, точно отъевшийся не охотой на грызунов, вальяжно потянулся на толстой ватной подстилке, надо думать ему здесь положенной, и широко зевнул. Он явно дрых, и его, похоже, совсем не смущала крысиная возня. Недовольный тем, что его потревожили светом керосиновой лампы, он предпочёл скрыться в темноте.

Кульминацией Сашиных восторгов (это она ещё не дошла до камбуза, побывать на котором, казалось, мечтала все девять лет своей жизни), стало посещение каюты капитана. Сам капитан, Яков Андреевич, уже сидел за маленьким столом. Перед ним лежала большая тетрадь, в которой он что-то писал. Над столом висела на верёвке, спускающейся с потолка, открытая чернильница. Такого девочка ещё никогда не видела, и даже загадала сделать себе такую же, потому как просто стоящая на столе чернильница это не интересно.

Отложив перо, причём не деревянное, но самое настоящее, какие бывают у птиц, но не чаячье – белое, а чёрного цвета, хоть и такое же большое, мужчина обернулся, и с улыбкой показал рукой проходить. Саша робко вошла в каюту и озиралась по сторонам, изучая непривычную обстановку. Таких маленьких комнат она до сего дня не видела.

Однако пусть и маленькая, но эта каюта была подобна шка-тулке с драгоценностями, крышку которой невзначай приоткрыли. Чего только здесь не было: странного вида приборы, подзорные трубы, карты, разложенные на койке и свёрнутые в трубочки, часы на стене, часы на столе, компас, сложный барометр с несколькими стрелками и самое важное, от чего сердце девочки бешено заколотилось – глобус. Большой, и даже больше глобуса Марии Васильевны. Нет, он точно был в несколько раз больше и много наряднее, ярче глобуса Старушки. Девочка даже успела удивиться той сноровке, с которой его умудрились внести в маленькую каюту сквозь узкую дверь. Этот шар, этот символ Земли, символ всего того мира, о котором девочка ещё так мало знала, внушительным голубым глазом покоился на массивной подставке, стоящей на полу каюты и обрамлённый крест на крест двумя деревянными кольцами, подобными кольцу штурвала, представлял собой абсолютную, в глазах ребёнка, небывалую драгоценность, этакое яйцо жизни.

Уловив Сашин взгляд и верно оценив её чувства, капитан легонько крутанул глобус и, показав на него рукой, предложил девочке повторить, чем та и воспользовалась, и смотрела, смотрела во все глаза на вращающийся огромный, такой желанный, её ногами не хоженный мир. Когда же глобус остановился, она вздохнула и вернулась к изучению обстановки. Интересным для Саши оказался иллюминатор, замечательно круглый и без подоконника, а ещё в нём не было форточки,

и вообще, он походил на глаз совы, той самой, что месяц назад разбила окно старого наблюдательного мостика. Та сова некоторое время приходила в себя, затем благополучно улетела, а Сергей Леонидович вставил новое стекло, объясняя, что в противном случае на мостике поселятся ласточки, и всё будет довольно быстро изгажено.

Наконец, взгляд девочки вернулся к столу и большой тетради на нём лежащей. Снова поймав её взгляд, капитан пояснил, что это корабельный журнал, что записываются в него все мало-мальски значимые, интересные события, так или иначе связанные с жизнью корабля. Вот и сейчас он писал о визите детей, не забыв упомянуть и о Карпухе, посчитав старика интересной персоной, заслуживающей письменного запечатления. Присмотревшись к ровным строчкам с крупными разборчивыми буквами (по всему чувствовалась основательность и неторопливость капитана), Саша увидела и своё имя.

– Это ваш дневник? Вы тоже всё рассказываете ему?

– Дневник? – капитан приподнял левую бровь. – Можно и так сказать. Но только, в отличие от обычного дневника, через этот журнал я разговариваю с кораблём.

«Здорово! – подумала девочка. – Это так похоже на мой блокнотик. Только интересно, с кем же я разговариваю через него? Вот бы знать».

Настала очередь и камбуза, за длинным столом которого уже сидела вся компания. Посреди стола стоял пузатый,

по всему чувствовалось – увесистый чайник, прямоугольной формы высокая жестяная коробка с печеньем, (вероятно, теми самыми галетами), верхняя часть которой, срезанная ножом, лежала рядом, и круглая, тоже жестяная, банка со сгущённым молоком – чрезвычайная редкость на острове. Здесь же стояли обыкновенные алюминиевые кружки с алюминиевыми ложками в них и миска полная колотого сахара. Упитанный, но удивительно проворный кок в белом фартуке и пилоткой на голове пальцем потрогал стальную плиту, на которой стояла огромная, тоже алюминиевая кастрюля с бурлящей в ней водой, после чего вывалил в эту кастрюлю перловку из деревянного ведёрка. Пока Саша мысленно морщилась, представляя себе как же должно быть больно, трогать раскалённую плиту, тот уже достал откуда-то и вскрыл несколько банок с тушёнкой, и принялся чистить луковицу. У девочки потекли слюнки. Перловка с тушёнкой была одним из её любимых блюд.

Звали кока Пашей. Об этом поведала девочке Наташа, с трепетом в голосе добавив, что, мол, родом он совсем даже не с Земли, а из космоса! На удивлённый взгляд Саши Наташа фыркнула, затем с серьёзным видом поклялась Антошкой-Чистословом, что не сама такое выдумала, а взаправду подслушала, и, указав на Пашу, пояснила, что ни один нормальный землянин не сможет вот так вот запросто трогать плиту, проверяя, насколько она горячая. А ещё сообщила, что у Паши нет отпечатков пальцев, а это уже совсем оконча-

тельно подтверждает его неземное происхождение. Про отпечатки, вернее, про их отсутствие на пальцах кока ей рассказал один из матросов, имя которого, конечно же, Наташа не запомнила, потому как матрос этот, по её же словам: ей не «запал», потому как: «был роста невеликого, с дурацкой горбинкой на носу и неполным набором зубов». Последнее особенно не привлекало требовательную ко всему на свете Наташу.

Саша сказанное подругой про кока Пашу из космоса всерьёз не приняла, так как прекрасно знала, что в космосе, кроме них, людей, нет никого. Мария Васильевна даже рассказывала про воздушные шары, что много лет назад запустились на огромную высоту, настолько невероятную, что их нельзя было увидеть. И благодаря этим шарам было определено, что космос почти пуст, если не считать Луны, Солнца, нескольких планет (по пальцам пересчитать), симпатичного на вид Млечного Пути, который весь светится, (но жить на таком свете невозможно), и некоторого количества звёзд, до которых так просто не добраться, тем более на воздушном шаре. Для этого понадобилось бы что-то другое, может, даже и воздушный шар, но очень-очень огромный. А ещё в космосе есть Северная Звезда, очень нужная для людей и, может, как раз по этой причине и подвешенная там кем-то, вероятно, тем самым Творцом, о котором как-то раз заикнулась Гасандровна.

Несмотря на все доводы против утверждения Наташи Са-

ша задумала позже порасспросить дедушку Карпуху о космосе и его жителях, а может, даже задать вопросы Антуану, что было бы много лучше.

Вскоре раздался колокольный звон. Это корабельная рында отбила тремя ударами полдень, и всё тот же Паша объяснил, что скоро у экипажа корабля обед. Спohватившись, что пора покидать камбуз, дети принялись тайком друг от друга и в особенности от кока распихивать по карманам так понравившиеся им галеты. И даже Карпуха не отставал от детей и во всегдашнем своём лёгком плутовстве, по-детски зажал в ладони несколько галет. А Паша, заметив такое, рассмеялся, вместе с тем не теряя серьёзного, несколько угрюмого взгляда, и сказал, что банку эту они могут взять с собой, как, впрочем, и банку со сгущенным молоком. Наблюдательность Паши, а тем паче его добрая снисходительность пристыдили детей, и они вышли из камбуза, позабыв об его щедрости. Однако про угощение не забыл давно позабывший, что такое стыдливость, Карпуха. Он шёл позади детской компании, уже порядком протрезвев, с двумя банками наперевес. Старый пройдоха наверняка рассчитывал на свою долю.

Покидали корабль неохотно, через силу, а сойдя на причал, каждый с удивлением отметил, как тот покачивается у них под ногами. Карпуха же, как бывалый моряк, объяснил, что так бывает со всеми, кто какое-то время провёл в море. После всякого плавания моряки, сойдя на землю, какое-то время испытывают «дискомфорт» (так и сказал: «диском-

форту»). Удивительно, откуда он берёт эти слова?

И только, сойдя с причала, Саша с огорчением поняла, что как следует рассмотреть камбуз, потрогать его, хоть стены, хоть стол, хоть скамьи, неважно, хоть что-нибудь потрогать, подумать, прочувствовать, она не успела. Может, к тому времени уже утомилась, а может, и без того была наполнена впечатлениями от многого разного другого. Камбуз, может, оберегал себя от девочки, а может, приберегал на будущее, подбирая лучший момент для хорошего знакомства.

Глава 4. Девятый день месяца рюина. Прогулка с Антуаном

«Девятый день месяца рюина.

Аллилуйя, мой друг! Сегодня я увиделась с Антуаном! Представляешь?! Он ждал меня на тропинке, недалеко от обеденного домика! А я, как назло, дольше обычного копшилась у себя в комнате, и всё потому, что хотела дочитать книгу. Ты видел эту книгу. В ней рассказывается про путешественников. Настоящие герои. Представляешь, они ничего не боялись!

Так вот, девчонки даже ждать меня не стали. В итоге, на завтрак я пошла одна. И знаешь, странные дела, кажется, именно сегодня я умудрилась встретить всех, ну, или почти всех по дороге к домику. Ну, в общем, не буду перечислять. Даже дедушка Карпуха мне попался. Он с утра бычка своего искал. А что его искать-то. Бычок вон, внизу, с приятелями своими.

Ладно, не буду отвлекаться. Скажу только, что Антуана я встретила на тропинке. Я и не видела его, пока не миновала кусты. А дальше! Ты только представь себе – Антуан поцеловал меня в щёчку! Прямо вот, как увидел, так

сразу вскочил с камня, обнял крепко, по-настоящему обнял и поцеловал. Я аж опешила. Как бы я хотела иметь папу.

Такие вот дела. А затем он взял меня за руку. Ты представляешь!/? Как будто я его дочка! Так мы и пришли на завтрак.

В общем, слушай дальше...»

Со вздохом огорчения девочка закрыла книгу и стала одеваться. Подруги, одна за другой, заглядывая в комнату Сашу, говорили что-то насчёт того, что будут дожидаться её за столом, что таких копуш днём с огнём не сыщешь, и каждая обязательно вздыхала. Заглянул Поль, молча постоял в дверях и ушёл завтракать. Он единственный, кто чувствовал Сашу, как иной человек не способен чувствовать самого себя. И уж как так это у него выходило? Бывало, девочка задавалась вопросом об этой особенности друга. Но то были тщетные попытки.

Выйдя на крыльцо, Саша столкнулась с Татьяной Алексеевной. Та показала глазами на кастрюлю, что держала в руках, и сказала, что принесла на завтрак пирожков с грибами, которые напекла ранним утром. Мол, ночь выдалась бессонной, да к тому же её супруг, Сергей Леонидович, пока ходил вниз, к дизелю, насобирав грибов. Затем девочка встретила Леонида Фёдоровича с большой корзинкой. Тот только ещё собирался за грибами, (такая уж на острове забава) и сейчас ждал Марфу Ивановну. Наконец появилась и она, со здоро-

вым кухонным ножом наперевес, запахивающая плащ, в га-лошах и платком на голове. Марфа Ивановна, поздоровавшись вслед за супругом, сообщила, что к обеду принесёт детям пирожков, (и тоже, само собой, с грибами) и даже снесёт на корабль матросам.

И только фельдшер с супругой скрылись за безымянным домом, как тут же со стороны классного дома появилась Мария Васильевна. Оказывается, она возвращалась с берега, куда ходила к бичам и на причал к кораблю. Услышав это, Саша успела подумать о пирожках с грибами, и эта смешная, казалось бы, догадка подтвердилась словами старушки. Та действительно носила бичам и морякам пирожки, и тоже с грибами.

Мария Васильевна скрылась за дверью жилого домика, где жила на первом этаже, и Саша с облегчением выдохнула, справедливо полагая, что сегодняшнее утро уже показало ей достаточно островитян, но, как оказалось – много, это ещё не значит все. Следующим встреченным девочкой был Карпуха. На удивление трезвый, но с топором в руке, сердито оглядывавшийся по сторонам и, то и дело, пристально всматривающийся в высокую, ещё не упавшую траву.

Старик, завидев Сашу, остановился, опустил топор, затем выбрался из зарослей кустарника, обтёр о штаны руки, пере-кладывая топор из правой в левую и обратно, и улыбнулся, продолжая хмурить лоб.

– Доброго утречка, внучанька.

– Доброго, дедушка Карпуха, – ответила Саша.

– Ты, ентава, бычка моего не видывала?

– Нет, дедушка, не видала. Да и не поднимается он в гору никогда.

– Почём знашь об том? – полюбопытствовал Карпуха.

– А потому, что ни разу не видала его здесь. А один раз мы с Наташкой и Машкой хотели привести его сюда, да он заупрямился, упёрся бараном пред взгорком и не пошёл.

– Вон оне как? Заупрямился, говоришь? Прямо бараном встал? – Карпуха снова прошёлся строгим взглядом по травяному полю. – А где ж тада искать яго, паршивца этакого?

– Так, понизу ищите, дедушка Карпуха. Он наверняка с приятелями своими затихарился где. Может, спят, так вы и не видите.

– И то верно. Набядокурил, шпанёнок, и дрыхнет. Экаву напасть мне Лизка всучила, – старик сплюнул, не позабыв извиниться. – Прощайте, барышня. Монеры у мяне скверные, коли в досаде я. Этот бестия изгородь мяне попортил, да грядки вытоптал. Вот, – он поднял правую руку с топором, – хотел, уж было, порубить яго, да токма жалостливо тяперь стало мне.

– И правильно, дедушка. Не стоит так скотину наказывать. Она же не чета нам, не может мыслить. Вы, лучше, найдите его да погладьте, а мы вечером с Полем придём и поможем изгородь починить. Может, даже и девочки придут с нами.

– Приходите, коль охота будет, а я вас варениками с гря-

бами попотчую. Сяйчас вот возвернусь, корзину прихвачу да схожу в бярэзки, грядбочков пособираю. А вареники у меня знатны выходють. Пальчики оближешь.

– Спасибо, дедушка Карпуха, – Саша вздохнула, – только, боюсь, сегодня нас всех и так пирожками с грибами обкормят.

– И то верно. Видал я. Сягодня прям паломничества великие, во славу добрейшей нашей Марфы Грибной. Ну, так и не бяда. Завтрева захаживайте, а я сягодня к вечеру ящѣ и ляпѣшек грядных настряпаю.

– Хорошо, дедушка. Сегодня мы вам изгородь чинить поможем, а завтра на вареники с лепѣшками придѣм.

На том разговор и завершился. Откланявшись девочке, Карпуха пошѣл к дороге, что вела с горы. Саша же, усмехнувшись и покачав головой, пошла дальше по петляющей меж кустов и камней тропинке. Столь длинной дорога до обеденного домика никогда ещѣ не была.

Но, встречи на сегодня не закончились. Размышляя о том, почему в лесу вместо грибов не растѣт мясо или хотя бы картошка, Саша шла по тропинке, то и дело усмехаясь про себя, вспоминая всех за столь короткое утро встреченных островитян. Миновав очередной крутой поворот, случившийся с дорожкой по вине куста и большого камня за ним, девочка, будучи занятая мыслями далеко не самого высокого свойства, поскользнулась на корне, что торчал из земли, тихо выругалась и тут услышала чей-то смешок и, чуть не падая,

успела заметить встающего с камня Антуана. Раскинув в стороны руки, тот, тихо посмеиваясь, в два шага оказался перед Сашей, почти вплотную, обхватил её руками, прижал к себе, затем отпустил, присел на корточки и поцеловал в правую щёку. Как показалось девочке, целовал он её чуть дольше обычного. И было это приятно. Было прямо по-отцовски, хоть она и не ведала, как это – по-отцовски.

– Ну, здравствуй, принцесса. Прости за долгие дни, что не мог увидаться с тобой, но в спешке встречаться не хотел и вот решил завершить все дела, а потом уже прийти к тебе. – Антуан развёл руки в стороны, как бы показывая этим широкий жест – мол, я весь твой теперь.

От этих неожиданных встреч, суетных размышлений, даже появления здесь Антуана, которого так жаждала увидеть, от его объятий, и главное, такого необычного, тёплого и приятного до жути поцелуя, от слов, им сказанных, от всего этого и именно сейчас, одним махом происходящего, словно было в том некое лукавство, а то и вовсе предательство, у Саши неожиданно навернулись слёзы. Заметив это, мужчина достал из кармана пиджака платок, склонил голову и, сделав серьёзное выражение лица, смахнул платком две слезинки, по одной на каждую щеку.

– Всё хорошо, принцесса. Теперь я в твоём полном распоряжении.

– А как же Гас... – Саша запнулась, вовремя поняв, что говорит непозволительное слово, – как же Галина Алексан-

дровна? Она же вас так ждала.

– О! – мотнув головой вверх, воскликнул Антуан. – Вы с Галу... – он тоже осёкся, и Саша чуть не рассмеялась, поняв, что именно тот намеревался только что сказать. – Вы с Галиной Александровной поровну делите мои мысли и заботы, а ей я уже уделил достаточно времени. Она не внакладе.

– Так вот о ком говорил матрос, да, дяденька Антуан?

– О чём ты? – склонив голову набок, поинтересовался мужчина.

– Ну, – замешкалась Саша, – он говорил, что вы прибыли сюда ради двух любимых женщин, для которых готовы жить хоть вечно, – она потупила взгляд, понимая, что зашла немного дальше позволенного ребёнку.

– Да. Так и есть. Две женщины, это ты и Галина Александровна.

– Но, я же ещё не женщина.

Антуан засмеялся:

– Но будешь ею. И этого не миновать, к счастью.

– Ага, – кивнула Саша и, сама того не замечая, сунула палец в рот от посетивших её мыслей. – Ваша Галу... ой! – Саша мотнула головой и быстро, пытаясь незаметно проскочить столь неприятный момент оговорки, продолжала. – Галина Александровна тоже когда-то была девочкой...

Но договорить ей не удалось. Антуан громко, не стесняясь, смеялся.

– Да. Мы когда-то были детьми. Я называл её Галушей,

иногда Галюней, а она меня Антоном, а то и Антошей. Мы уже тогда крепко дружили, сильно ссорились и мирились, не испытывая ущерб от показанной друг другу вины, не боясь показаться слабыми, прося прощения. Это была любовь. Детская, а затем и юношеская любовь.

– Ух ты! – восхитилась Саша. Как красиво. Но я же... вы же... и я... мы не...

– Нет. Конечно, нет, – перебил девочку Антуан, прекрасно понимая её ещё не высказанные сомнения. – Ты нам с Галиной Александровной как дочь. И всегда таковой будешь.

– Но не вы же меня родили. Как же...

– Не мы. Это верно. Но мы несём ответственность за тебя.

Позже, повзрослев, ты поймёшь это и, надеюсь, оценишь.

– Я вас и без этого ценю, дяденька Антуан. Вы с Галиной Александровной для меня самые лучшие люди. Лучшее не бывает. Я вас, знаете, как ждала? Все эти дни ждала. Боялась, что вы так и уйдёте в море. Даже злилась на Галину Александровну, даже Галушей называла, про себя, – опустив голову, Саша смотрела себе в ноги. Кажется, она снова сказала больше, чем имела право сказать.

– Я ценю твои откровения, милая. Спасибо тебе за эти слова. И пусть они останутся только нашими, хорошо? – Антуан взял девочку за руку. – А теперь пойдём. Кажется, тебе надо позавтракать.

– Ага. Пирожками с грибами, – кивнула Саша и, не удержавшись, засмеялась.

Не удержался от смеха и Антуан. Так они шли по тропинке к обеденному домику, держась за руки и смеясь.

Шумная, что-то живо обсуждавшая компания разом онемела. Девчонки, все как одна изучающе и вместе с тем с неким ожиданием чего-то, смотрели на вошедших. И только Поль, улыбаясь, встал из-за стола, подошёл к мужчине и, как взрослый, подал руку. Произнеся приветствие, он на правах хозяина (девчонки молчали, и только обменивались взглядами) показал Антуану садиться за стол.

Забавная сцена. Так, во всяком случае, она представлялась Саше.

«Хочу сказать тебе, мой милый дневник, что в тот момент я и сама растерялась, глядя на своих подруг. Даже Наташка, самая из нас взрослая, молчала и пялилась на Антуана, явно ожидая от него чего-то. И что на них всех нашло? Но всё оказалось куда проще.

Как оказалось, они спорили на три щелбана, принесёт или нет следующий пришедший пирожки с грибами. Маруся и Юля, считали, что нет, не принесёт. Наташка полагала, что принесёт и будет не последним. И только Поль не участвовал в глупом споре.

В общем, как ты уже понял – Наташка проиграла».

И, конечно же, на столе стояли большое блюдо с пирожками и миска полная яиц. Ни масла, ни хлеба, ни Машкиных

печенек никто не доставал. Глядя на это грибное безумие, Саша покачала головой, налила себе и Антуану чай и села за стол.

Девочки, а с ними и Поль, засобирались и вскоре ушли.

Съев по паре пирожков (а Саша ещё и яичко, сваренное вкрутую), мужчина и девочка, неспешно попивая чай, рассказывали друг другу о важных и нередко забавных историях из своей жизни, случившихся за год, с того дня, когда они последний раз виделись. Обоим было что вспомнить, было чему удивляться и над чем смеяться.

Помимо прочего Антуан поведал Саше об удивительных открытиях, сделанных учёными мужами, и о своём вкладе в некоторые из них. Рассказал он и о самой, по его мнению, интересной находке, которая может служить доказательством посещения Земли самим Творцом. В этом вопросе учёные разделились на три лагеря. Первые утверждали, что Творца как такового быть не может, и Вселенский разум – это плод чьего-то большого воображения. Вторые смеялись над первыми, уверяя, что не верить в существование Творца – это всё равно, что не верить в своё существование. При этом вторые смеялись и над третьими, теми самыми, которые хотели верить в подобные посещения. Сам Антуан относил себя больше к третьему лагерю, и даже к четвёртому, в котором иных единомышленников не находил. Удивительно то, что рассказывал он всё это с улыбкой, без какого бы то ни было огорчения.

Саша, слушая мужчину с открытым ртом, то и дело охала, качала головой и вопросов не задавала, так как мало что понимала и плохо представляла себе этого самого Творца. Всё, что она знала о Творце, касалось лишь упоминания о нём дедушкой Карпухой, когда он рассказывал об удивительной избушке. Было что-то в рассказе старика, что она вспомнила только сейчас, когда Антуан упомянул о перевоплощениях Творца в человека. Отчего-то мужчина полагал и рассказывал это совершенно серьёзным тоном, будто Творец приходил на Землю человеческим ребёнком, и не просто ребёнком, но именно девочкой. Последнее обстоятельство столь сильно задело сердце Саши, что она чуть не заплакала и сидела потом с красными глазами, громко шмыгая носом. Неужто, думала девочка, избушка появлялась на острове именно затем, чтобы приютить того чудесного ребёнка?

Рассказал Антуан и про находки совсем уж древние и весьма примечательные. А ещё попутно, как бы вскользь сообщил, что Земля заселена людьми далеко не в первый раз, что были и другие подобные этой эпохи. Слова мужчины восхитили Сашу. Позабыв обо всём ином, девочка погрузилась в свои личные, ею овладевавшие временами видения. Разыгралось воображение, ожили образы, до того относимые к сказкам, интересным разве что маленьким детям. Книжки со сказками привозили на остров моряки. Толстые книжки с красочными картинками прочитывались девочкой на одном дыхании. И не только ею. Читали сказки и Маша с Наташей,

и Польш, и даже взрослые, а Карпуха так даже устраивал целые представления, когда пребывал под «мухой», то есть был в лёгком, ещё свежем опьянении. Эти его представления, или «спектакли», как говаривала, фыркая, Гасандровна, выходили весьма занятными. Однако та же директриса не отказывала себе в удовольствии поприсутствовать на том или ином живом Карпухином пересказе (как это видел и понимал он сам) сказки о Кошце Бессмертном, мифа о Психее или легенды о волках.

И всякий раз после прочтения очередной сказки или легенды Карпуха любил поговорить с Сашей, поделиться с нею своими мыслями, усомниться в общепринятом мнении о «сказочности» событий, описанных в произведении. И всякий раз старик твердил, уйдя глубоко в себя, с отстранённым взглядом, о былых временах, в коих всё столь легкомысленно написанное происходило «всамделишно». И Саша соглашалась с ним. Иногда робко, иногда не столь открыто, как хотелось бы старику, но соглашалась, потому как было во всём этом что-то такое, что-то от хромой памяти, от утерянного для большинства, и от того особенно драгоценное для неё.

Старик это знал и ценил. Может, от того и делился с девочкой своими, как он любил говорить, сокровенными знаниями, рассказывая о тех или иных чудесах их родного острова, и таких со временем набралось уже пару дюжин. Но были в откровениях старика рассказы и об иных местах, и

даже о людях. Как-то заикнулся он (взяв с Саши клятву крови, что молчать она будет всю жизнь свою, а то не сносить ему головы) о бабушке Лизе. Мол, Лизушка их (это его слова) никто иная, как ведьма, и ведьма весьма сильная. И дав старику слово, не смела девочка спросить хоть кого, хоть того же Антуана, о возможной правдивости услышанного от Карпухи.

Но дорожкам, что бегут среди камней, не бывать прямым. И вот сейчас, сидя за столом обеденного домика, Антуан рассказывал Саше об эпохе, что была и давно уже почила, оставив по себе богатое, пусть и называемое сказочным наследство. Назвав как-то вскользь, можно подумать и не серьёзно вовсе, ту эпоху Эпохой Колдунов, мужчина загадочно улыбнулся и задал девочке вопрос, от которого у той ёкнуло сердце.

– Неужто Карпуха не рассказывал тебе о Лизавете?

Саша рефлекторно, в знак отрицания, мотнув головой, опустила взгляд. Не зная, как быть дальше, надеясь, что Антуан не станет настаивать, девочка робко подняла глаза и увидела, что тот с улыбкой смотрит на неё.

– Рассказывал. Вижу. Пообещай и мне молчать перед другими обо всём сейчас услышанном. Обещаешь? – он положил руку ладонью вверх на стол.

Сделав серьёзное лицо, Саша вложила в его ладонь свою.

– Обещаю, дяденька Антуан. Я же и вам не рассказала, хоть вы и знаете.

– Молодец, что не рассказала. Все и без того знают о бабушке Лизе. Земля и без речи людской слухами полнится. Так уж устроено. Но ты молчи. Будь умнее.

Девочка кивнула:

– Бабушка Лиза если рассердится, может дедушку Карпуху в мышь превратить? Да?

– В мышь вряд ли, а вот в медведя может.

– Неужто прям так и может?

– Запросто, – хмыкнул Антуан.

– А дядя Медведь, он кем был?

– Дядя Медведь? – не понял вопроса Саши Антуан.

– Ну да. Он до бабушкиного колдунства кем был? Медведем? Зверем?

Антуан рассмеялся:

– Нет, милая. Он всегда был человеком, а Медведем его прозвали после того, как он повалил свирепого зверя голыми руками. Тот зверь и лишил его глаза.

– Значит, правду дедушка Карпуха говорил мне.

– Что он тебе говорил?

– Что бабушка Лиза никогда дяденьку Медведя не костерит, что они не разлей вода, почти как брат с сестрой.

– Верно говорит. Бабушка Лиза – тяжёлый человек, и только Медведь не испытывает перед ней страха.

– Так, значит, дедушка Карпуха всё знает. Да? – Саша решила, что настал момент спросить мужчину о той волшебной избушке, которая, по словам старика, сама появляется

на горе.

– Он знает удивительно много. Иной раз его можно счесть балаболом, но в его словах нередко сокрыта давно угасшая память. Мы с тобой уже не раз убеждались в этом.

– Да, дяденька Антуан, – девочка поджала губы, – но откуда же ему знать всё это?

– Неужто он снова задачку тебе задал? – хитро улыбаясь, спросил мужчина.

– Ага, – улыбнулась в ответ Саша. – Он мне про избушку рассказал. Мол, на дальнем пределе горы есть полянка, недалеко от озера, и на полянке той время от времени сама собой избушка появляется. А один раз, когда совсем опьянел, ребёночка того вспоминал. Я тогда плохо его поняла, а сейчас мне кажется, что избушка для него и появляется, для ребёночка, про которого вы мне рассказали.

– Ребёночка? – переспросил Антуан и тут же спохватился, поняв, о каком ребёнке идёт речь. – Ты о Творце говоришь?

– О Творце. Да. Дедушка Карпуха так мне рассказывал. Но он совсем нехорош был, когда о том говорил. Бубнил и бубнил, – Саша опустила взгляд, от того ли, что стеснялась сказанного, а может, стыдясь за бедового старика, которого любила. – Он же выдумал всё это, да, дяденька Антуан? Зачем бы ребёночку тут появляться? А мама где? Кто ж выкормит его?

– Может, и выдумал, – глядя в окно, задумчиво говорил Антуан, – а может, и нет.

Саша подняла голову и с надеждой в голосе спросила:

– Вы не понарошку, дяденька Антуан, не шутите?

Мужчина оторвался от созерцания пейзажа за окном, серьёзно посмотрел на девочку, поцеловал в лоб и ответил:

– Не шучу, милая. И мы с тобой сегодня ходим на ту поляну. Только для начала спросим разрешения пропустить твои занятия. Не хочу, чтобы по моей вине Галина Александровна ругала тебя за невыученный урок.

Вместе Антуан и Саша вышли из обеденного домика и направились к домику классному, в котором на втором этаже жила директриса и был её кабинет, а на первом этаже располагались учебная комната, библиотека и мастерская.

Галина Александровна ковырялась в грядке, где летом росли цветы и овощи (которые, впрочем, так никогда и не вырастали, что бы она не делала). Завидев Антуана и Сашу, она встала с колен, провела вымазанной в земле рукой по лбу, и было видно, как она выругалась на себя и теперь вытирала руки о тряпку, что висела на плече. Строго посмотрев на девочку, не замечая, словно его здесь и не было, Антуана, она проговорила: «Так, так» – и замолчала, продолжая оттирать уже и без того чистые руки.

– Галя, мы тут с Сашенькой, – Антуан повернул голову, давая понять женщине, о какой такой Сашеньке идёт речь, – хотим погулять. Что ты скажешь на то, что я заберу её? Нет ли сегодня занятий, которые ей нельзя пропустить?

По какой-то причине, ребёнку неведомой, на вопрос друга

Галина Александровна ответила не ему, а ей, Саше.

– Занятия есть, и это тебе хорошо известно, но я не буду против, если завтра Антуан позанимается с тобой, навёрстывая упущенное.

Бросив взгляд на девочку, как будто сверяясь с её мнением, мужчина кивнул, явно в знак согласия.

– Не вижу препятствий к этому. Завтра, сразу с завтрака и до обеда я позанимаюсь с Александрой. А сейчас, с твоего согласия, мы удалимся.

– Иди, Сашенька, – махнула девочке рукой Галина Александровна. – Но обед пропускать я не разрешаю. Так и знай.

– Дяденька Антуан, – обратилась Саша к мужчине, когда они уже шли по верхней дороге, той, что идёт вдоль всей горы от северного крутого обрыва с наблюдательным мостиком до южного, пологого её окончания, называемого дальним пределом, – почему Галина Александровна так с вами разговаривала? Вы разве поссорились?

– О, милая, – вздохнул Антуан, – бывает, взрослые позволяют себе вспомнить старое и наверстать то, что во времена своего детства им не разрешалось делать.

– И что же вам тогда не разрешали?

– Жадничать, или ревновать, что в данном случае правильнее, – хмыкнул мужчина.

– А разве Галина Александровна жадничает? – Саша задумалась и шла, хмуря брови.

Видя, как сильно та задумалась, Антуан решил пояс-

нить:

– Видишь ли, милая, не тебе одной требуется моё внимание. Ты сильно ждёшь тот день, когда я появлюсь на острове, а затем переживаешь, что я, так и не уделив тебе своего внимания, снова уйду.

Саша кивнула:

– Но вы же уделили внимание Галине Александровне, дядя Антуан. Она разве не довольна этим?

– О! Конечно, она довольна! – мужчина ухмыльнулся. – Но жадность, или ревность, или эгоизм так не излечивается.

– Эгоизм – плохо. Нам Галина Александровна всегда так говорит. Значит, у неё не может его быть.

– Эгоизм, милая, не так уж и плох, если понимать причины его возникновения и считаться с чувствами и волей того, кто тебе дорог и кто хочет, не делаясь с другими, обладать тобою полностью.

– Вы дороги друг другу, – девочка кивнула, глядя себе под ноги. – Я знаю.

– Но нам дорога и ты.

Саша остановилась, подняла взгляд и смотрела в глаза Антуана, по-прежнему хмуря лоб.

– Вы мне тоже дороги, дяденька Антуан. Я боялась, что у вас хватит время только для Галины Александровны, и даже досадовала на неё.

– Вот видишь?

– Я жадная? Эгоистка?

– Ты не жадная. Но в тебе есть эгоизм, и его, я надеюсь, ровно столько, сколько может быть присуще любому нормальному человеку. Я называю такой эгоизм здоровым.

– Хм, – произнесла Саша. – Разве у Галины Александровны не такой же эгоизм?

– Такой же. Но так порой бывает со всяким человеком в минуты слабости, когда он совсем на чуточку приоткрывает перед другими свои глубинные страхи. После такой человек стыдится невзначай выказанной перед другими слабости. И здесь от нас требуется проявить к человеку понимание, особенно если он нам дорог.

– Ух! Как сложно! – вздохнула Саша. – Значит, вы потом пожалеете Галину Александровну? Вы не будете её укорять за сердитость?

– Не буду.

– И она успокоится?

– Я надеюсь на это.

– И за это будет ещё сильнее любить вас?

Мужчина засмеялся:

– Хотелось бы верить.

– Это хорошо. Такое мне нравится.

– Ты славная девочка, – Антуан взял Сашу за руку.

Позади уже остался небольшой огород, из года в год возделываемый Марфой Ивановной и Татьяной Алексеевной, а с ним и сараи, что кособоко, разнобоим, словно вольные подосиновики, стояли в сторонке, у самой опушки леса. Доро-

га охмурилась, засырела под плотным кровом нависающих над ней ветвей деревьев. Вскоре впереди, по правую сторону можно было увидеть небольшое поле, огороженное отчасти повалившейся оградой. Поле это никто и никогда не возделывал, и сейчас оно, густо поросшее дикой рожью, было любимым местом прокорма и отдыха коня. Конь этот, свободный, никому не принадлежавший, и непонятно, когда и какими дорогами здесь, на острове, оказавшийся, был представлен самому себе. Он имел двоих друзей: бычка Карпухи и пса, как и конь – ничейного. Карпуха рассказывал Саше, мол, много лет назад, в зиму конь «ентот» (стариково словцо), ушел от поморов, с большой земли, и оказался здесь, перейдя по льду салму. Так он и остался, одичал, упряжи не признавал, а потому был бесполезен, разве что детворе забава угощать его редкими лакомствами да кататься верхом. Вот только кататься по-людски далеко не всегда выходило. Конь мог не двинуться с места хоть час, хоть и дольше, а мог и пойти, да только в ту лишь сторону, в какую сам желал. Мог и поскакать – не остановишь. Так однажды с Сашей и случилось. Спасло её лишь то, что она вовремя свалилась, а иначе хватанула бы по спине балкой старого сарая, что стоит возле бичёва дома. Что в тот раз вздумалось коню пуститься в галоп – одному ветру знаемо.

Низкие корявенькие ели и берёзы вперемешку с редкими осинами сменились кустарниковыми зарослями, а те – пустошами, густо поросшими голубикой, да одинокими бе-

рѣзками, а за пустошами уже можно было разглядеть всегда спокойную, выглаженную синь озера, называемого Верхним. Интересным на этом озере был островок, да не какая-то там случайная, неверная под ногами «болотная кочка», а полный, каменистый остров, с росшими на нём несколькими деревцами. У восточного берега озера (это если со стороны причала подняться в гору) метрах в десяти от бережины торчала из воды крыша какой-то машины. Как говорил Леонид Фёдорович, машину эту утопили бичи, по недомыслию. Якобы она у них, оставленная без присмотра, скатилась с берега в воду, где и ушла в грунт, да так, что вызволить её из этого плена не представлялось возможным. Поль, бывало, в редкие тёплые дни лета нырял с этой крыши. То же самое как-то попробовал сделать и Карпуха, да только получилось у него неладно – в итоге кровавая шишка на лбу и разодранное колено. После того, при каждом удобном случае старик любил рассказать, как преодолевая страх, нырнул с «железяки». Да только не нырнул он вовсе, а поскользнулся и неуклюже, развернувшись всем телом на сто восемьдесят градусов, плюхнулся мешком в воду, попутно приложившись головой и коленом о подводную часть утопленной машины.

Дикое поле осталось позади, а слева от дороги, метрах в ста уже можно было разглядеть южный берег озера. Ещё дальше дорога терялась в песчанике и малоприметной шла вперёд, до края дальнего предела, за которым начинался пологий спуск, сбегав по которому она вливалась в такую же

песчаную дорогу, что исправно окаймляла гору, катясь вдоль её склонов.

Не доходя до края дальнего предела шагов пятьдесят, Саша свернула вправо, в редкий лесок, и поговаривая «Так-так-так», шла, то и дело прикладывая палец к губам.

– Вот! Видите, дяденька Антуан? Вот, полянка, а рядом полянка побольше. На ней когда-то пожар случился. Видите, всё чёрное? Даже камушки обгорели.

– Вижу. Но где же фундамент избушки?

– А нету. Мы же, как дедушка Карпуха о ней рассказал, сразу сюда пошли. Он и показал полянку эту. А про погоревшую полянку он ничего не знает. И никто не знает. Я всех спрашала.

– А это что? – спросил мужчина, показывая пальцем на чугунок со сбитым горлышком, стоящий на пне.

– Он здесь валялся. Я его под травой нашла.

Антуан нагнулся, разглядывая валун рядом с пнём, затем сел на корточки и принялся водить рукой по опавшей листве, покрывающей траву. Это место чем-то привлекло его, и он, не зря Саша называла его следопытом, на этом не остановился и, подобно собаке, стал усердно разгребать листву вокруг булыжника. Чутьё не подвело Антуана, и вскоре он уже держал в руке ржавую подкову. Осмотрев находку, мужчина положил её на пень рядом с битым чугуном, встал, ещё раз огляделся и направился в сторону погорелой поляны.

– А ведь это не поляна вовсе. Здесь когда-то росли де-

ревья. На это указывают остатки пней, сильно выгоревших, почти вровень с землёй, но они есть, – заключил следопыт, осмотрев погорелое место. Он то и дело садился на корточки, там и сям разгребал листву, водил руками по пням и камням. – Кому бы понадобилось устраивать здесь такое? Камни и те оплавилась.

– Так ведь горело же, дяденька Антуан, вот и оплавилась камушки, – пояснила Саша, удивляясь тому, что тот задаётся таким простым вопросом.

– Не иначе молния сюда ударила.

– Наверное, молния. Этим летом сильные грозы были. Молнии прям в остров били. Я даже боялась, что расколется он пополам, и мы все затонем.

– Ну, вот и объяснение, – отирая друг о друга руки, заключил мужчина. Он встал и направился к поляне, вопрос с которой оставался невыясненным.

– А ещё дедушка Карпуха говорит, что избушка обязательно встаёт так, чтобы её крылечко смотрело на озеро, мол, так путникам, идущим от того берега, легче будет, – уточнила Саша, глядя на то, как Антуан вышагивает, всматриваясь в траву под ногами.

– Но здесь нет ничего, что могло бы говорить о постройке. Какой бы ни была изба, от неё что-то да должно было остаться, – мужчина снова присел, посмотрел влево, вправо. – Нет даже камней, на которых она должна была стоять. Какой строитель поставит избу на землю? Нижние венцы вмиг

сгниют.

– Не знаю, дяденька Антуан, – Саша пожала плечами. – Я же не разбираюсь в этом. Может, дедушку Карпуху спросить? Он-то точно знает. Он много чего знает.

– Спросим. Обязательно спросим. И про малыша особенно спросим, – мужчина в задумчивости смотрел вдаль, в сторону озера.

В этот день, ещё погуляв, сначала к озеру, а затем, спустившись на нижнее плато, к пруду, по берегам которого росла клюква, Антуан с Сашей шли по берегу моря, огибая остров по часовой стрелке. Остались позади цистерны с соляной, затем коса, ведущая на дальний, сигнальный маяк. Послышавшееся в берёзовой роще тарахтение дизель-генератора, вначале становящееся всё громче, теперь стихало. Вдалеке, ближе к причалу, можно было различить два карбаса. Бичи собирали последнюю в этом году ламинарию, вода по морскому дну косами-граблями на длинных шестах.

Свернув с берега в рощу, Антуан повёл сквозь неё Сашу, и она поняла, что мужчина держит путь к избе старика Карпухи. Но Антуан, на полпути свернул влево, и было видно – он точно знает, куда идёт. Шёл он, как оказалось, к старому колодцу. Подойдя к нему, мужчина остановился, опустив руки и голову, несколько минут постоял так, затем, положив правую руку на плечо девочки, вздохнул и произнёс:

– Старый, старый колодец.

Саша подняла голову, стараясь заглянуть в глаза Антуана.

А тот, легонько похлопав её по плечу, повёл прочь. Можно было подумать: приходил он сюда отдать должное странному «старожилу» острова.

Карпухин бычок, конь и пёс первыми встретили гостей, когда те подходили к настежь открытой калитке. Часть забора, как успела заметить девочка, поломанной лежала на земле. Рядом была воткнута в землю лопата и лежал топор. Сам старик, сидя у крыльца, чистил грибы. Все как один – подсиновики.

– Паразит ентот как ни в чём не бывало вярнулся, – смеясь, сказал старик вместо приветствия. – С подельниками своими пряшёл. Видали? А забору кто чанить будить? Они ж ни гу-гу в ентотом.

– Ладно тебе, Карпуха, починим мы твой забор. А с животных что возьмёшь? – сказав это, Антуан присел рядом со стариком, сорвал травинку и сунул в рот. – Ты вот лучше скажи мне про избушку.

– Избушку? Каку таку избушку? – хитро щурясь, переспросил старик.

– А ту, о которой ты Сашеньке рассказывал. Которая сама появляется на острове и сама исчезает.

– Ах, вона, об какой избе ты спрашиваешь, – старик вздохнул. – Так ведь нет никакой такой избы. Сказки всё. Я ж как выпью, так видеть начинаю всякое. Иногда шибко антересное вижу. Думаю, вот даже сказки писать начать.

– Получается, ты и Сашу, и Галю сказками кормил? – те-

перь уже Антуан, шурясь, поглядывал на Карпуху. – А Саше, получается, так ещё и про ребёночка сочинил, чтобы поинтереснее, позабористее вышло?

– Ну да. Было дело. Это ты, Антоша, верно подметил: «позабористее». Да только без умысла скверного делал я это. Развлечь хотел, не более, – старик виновато посмотрел на девочку. – Ты уж прости меня, нерадивого. Порадовать тебя хотел сказкой.

Появившаяся было у Саши обида на старика за его пустословие сменилась задумчивостью. Что-то во всём этом разговоре двух взрослых людей было каким-то неестественным, можно подумать – уже не раз проговариваемым. И этот говор старика, так ему не свойственный, и скорое, без попыток отнекиваться признание, и лёгкость, с которой оба друг друга понимали, чуть ли не вперёд слов кивая головами. И когда успели договориться? И главное – зачем? Разве мало сказок на свете? И сколько из них рассказал ей сам Карпуха? И ведь не только ей, получается. Он же и Гасандровне рассказал, и не побоялся же. Обо всём этом стоило подумать.

Нужно, пожалуй, особо отметить некоторые особенности говора, присущие старику в повседневности и по большей части забываемые им в минуты, когда разговор принимал по-настоящему серьёзный характер с людьми взрослыми и, как считал старик, в чём-то могущими быть ему опасными. В повседневности островной жизни, в общении, будь то с Сашей, иными разного возраста взрослыми островитянами,

да пусть даже и с неуступчивой, ко многому относящейся с толикой презрительного снисхождения Лизаветой, Карпуха, может, в силу обыкновения, может, из желания выставить себя этаким оригиналом, противопоставляя себя другим, любил налево и направо играть словами. С лёгкостью, и даже изящностью он мог исковеркать любое, даже самое простое, самое короткое слово. Его любимые «Я», вместо «Е» уже даже не принимались в расчёт. Его умягчения в конце слов, особенно если то заканчивалось буквой «Т». Намеренные подмены слов с одним смыслом на созвучные, но со смыслом другим, а то и сильно другим. На ходу выдумывание новых, небывалых слов, смыслы которых, по понятным причинам, были слушателю неизвестны. Любил старик побаловаться и родами, произнося слово мужского рода в роде женском, и наоборот. Как заявлял Карпуха, отвечая на Сашины вопросы, всё то не являлось баловством, ну или, по большей части, далеко не всё, а было говором древних, «шут яго знает, как даляко, отседыва не вядать ужо тех времён». Мол, «говаривали так предкивь нашенские, много раз как ужо стлевшие». При этом старик постукивал пальцем по виску и причмокивал, с лукавой улыбкой. При всём том день на день не приходился. В один день старик больше сыпал яшками (как сам выражался), в другой принимался смягчить на концах, в третий попросту коверкал слова, в четвёртый, подобно лукошнику, выставлявшему публике на показ невидаль, своими руками сработанную, удивлял словами сложными, книж-

ными, «академическими» (его словцо). Как любила говорить Галина Александровна: «Наш Карпуха – фонетический хулиган».

– Значит, говоришь, сказка? А если сказка, зачем тогда ребёнка водить на дальний предел, место показывать?

– Так для натуральности водил. Чтоб потом, как Сашенька кому пересказывать будет, поверили ей, потому как сама верить будет словам своим.

– Ты уж, Карпуха, в следующий раз так и говори, что сказку рассказываешь. А то веры тебе не будет. Прослыть пустословом дело недолгое, – хмурясь, пробормотал Антуан.

– Винюсь. Винюсь всячески, – Карпуха посмотрел на Сашу. – Ты, милочка, не сердчай. Я ж по доброте душевной, без злого умысла. Знаю, как ты любишь о чудесах узнавать, вот и насочинял.

Саша насупилась, слушая старика, и, неожиданно для себя, с какой-то удивившей её лёгкостью ответила:

– Вы, дедушка Карпуха, ошибаетесь. Вы думаете, это сказка, но это не сказка. И я на вас не сердчаю.

И девочка заметила, как сердито Антуан глянул на старика, а тот, крякнув, опустил взгляд и улыбался.

«Врушки. Я не такая уж и маленькая. Уже не маленькая. А избушка та, по всему выходит, и не сказка вовсе. Вот только отчего взрослые так всё повернули? Что такого в той избушке? Может, страшное в том есть? И ребёночек...

с ним-то что? Где он теперь и кто он?

Спрошу Поля. Ему я доверяю. Может, он что знает. Но уже сейчас есть у меня подозрение, что Польш именно о бабушке Лизе вспомнит. Знаешь, почему я так думаю? А потому, что в блокнотике, в котором рисуночки чиркаю, я нарисовала избушку, и берег озера, и чёрное пятно погорелой поляны. И знаешь? Нет, конечно. Откуда тебе знать. Так вот, я тебе скажу: блокнотик ответил мне рисунком, где бабушка Лиза в лодке своей речку Нерпу переплывает. Вот я и предположила, что Польш о том же подумает, о бабушке. Я тебе уже рассказывала о своих подозрениях насчёт Поля. Будто он знает всё, что я в блокнотике рисую, и всё, что блокнотик мне отвечает. Но это наш с тобой секрет.

А вообще день выдался хорошим. Мы славно погуляли, попили чай у дедушки Карпухи, а дядя Антуан даже попробовал новую Карпухину настойку, но закричал потом и ворчал, смеиваясь, что дыхание у него спёрло от такого напитка ядрёного. Такая вот крепкая настойка получилась. А дедушка и рад был, и всё повторял, что «это новая рецептура, ещё не запатентованная» (всё узнать хочу: где он словечки такие подбирает).

Ах да. Как разговор о стариковом сочинительстве закончился, так дедушка тут же к своемуговору вернулся. И с чего бы всему этому надобность была случиться?

Ну так вот: угостились мы у дедушки, затем помогли ему забор починить и пошли в гору. Я думала к маячни-

кам зайдём, но нет. Антуан шёл к Гасандровне. А она как раз урок закончила, потому как обед намечался. Что было дальше? Могу лишь догадываться, потому как мне строго было велено идти со всеми на обед. Мол: нечего уши греть. Взрослые без тебя, малявка, разберутся (это я уже сама досочиняла). Обед выдался плаксивым и весёлым одновременно. Ты представляешь?! Я почти первый раз видела, как плачет Наташка. Мне её жалко стало. Машуня рассказала мне, по секрету на ушко, чтобы ещё больше не расстраивать подругу, что Гасандровна нарычала на Натусю за её сварливость. Сварливость... как тебе такое?

В общем, плакала она, пока не появился дедушка Карпуха. Услышав от Маруси всё то, что она рассказала и мне, он во всё своё пьяное горло принялся дурачиться, при этом называя директрису Гасандровной. Получается, он тоже знал о прозвище. Вот же пройдоха! Но Натусю он развеселил. И то хорошо. А ещё принёс лепёшек с грибами. Такие вкусные лепёшки только дедушка делать умеет.

А затем (мы уже поели и сидели, слушая истории старика, которых у него всегда в избытке) заявила в домик Гасандровна с дядей Антуаном, и я с удовольствием отметила, что выглядят они помирившимися и друг другом довольными. Гасандровна тут же без сожаления сплвила ему нас с Полем, а сама с девочками отправилась вниз собирать бруснику.

Так уж получилось, что мы втроем шастали по моим

любимым укромным местам и не заметили, как наступило время ужина. Машка пришла перемазанная ягодами, Юля разодрала коленку, а Наташка о чём-то спорила с Гасандровной. Машуня пожаловалась мне, что директриса грозилась отхлестать её хворостинкой за ослиное упрямство. Не хотела бы я увидеть сие действо. Но ягод они насобирали целую корзину, которая была у них отнята Марфой Ивановной, которую встретили по дороге. Марфа Ивановна обещала испечь к завтрашнему обеду пирог.

И кстати – после ужина Гасандровна с Антуаном куда-то засобирались и ушли, держась за руки. Тут я промолчу.

Ну вот. Кажется, я тебе всё сегодняшнее рассказала. О своих местах я тебе позже расскажу. Там много всего интересного. А сейчас уже поздно. Гасандровна или Мария Васильевна, если пойдут по улице и увидят свет в моём окне, ругаться будут. Так что давай-ка ложиться спать.»

Глава 5. Одиннадцатый день месяца рюина. История с бычком

«Одиннадцатый день месяца рюина.»

Сегодня на восходе дядя Антуан ушёл в море. Вот мы и остались одни. Нет, конечно, не одни. У нас есть Польша, есть девчонки, есть Гасандровна. Она, кстати, как и я, будет скучать по дяде Антуану. Наверное, уже скучает.

Надо бы навестить её. Да. Наверное, я так и сделаю, если, конечно, она не придёт на завтрак. Частенько она кушает у Марии Васильевны дома. Они там не только кушают, но и судачат обо всём. Вот бы послушать их разговоры. Наташка, кстати, как-то рассказывала, что один раз подслушала их. Уверяла, что вышло это случайно, но я не очень-то верю. Так вот, если верить её словам – Гасандровна со Старушкой (так мы Марию Васильевну между собой называем, если ты позабыл) болтали о всякой ерунде, от которой у Наташки уши вяли. И немудрено. Куда ей взрослых понять. Она, само собой, строит из себя взрослую, а на деле ещё в куклы играет. У неё есть даже такая кукла, что любая девочка обзавидуется, кроме меня, мне слонёнка вязаного достаточно. Так вот, куклу эту ей дядя Антуан привёз из невесть отку-

да. Он говорил Наташке, да она позабыла. И кукла эта чудесная. Она ростом в два локтя. Вот такая вот! А Натуся наша в три локтя сейчас. И кукла эта в платьице красном в белый горошек. Он так и привёз её в платье. Это потом уже Татьяна Алексеевна ей много разной одежки пошила. А под платьем, в спине куклы, дверка есть. Дядя Антуан показал нам её и объяснил, что за дверкой когда-то стояли барабульки, или батарульки (поди вспомни слово, если оно никому не нужно). И благодаря этим батара-как-там-их, в коих хранится электрическая энергия, прям такая же, как из дизель-генератора получается, кукла произносила звуки, и даже настоящие слова. Не верится мне что-то. Как можно электрическую энергию куда-то схоронить? Она же не соль, чтоб её в горшке держать.

Вот такая вот история. А Наташка наша, хоть и старше нас всех, и выше меня ростом, но всё равно в куклы играет. У неё даже саночки для них есть. Ей Леонид Фёдорович их смастерил, а помогал ему дедушка Карпуха. Он же тот ещё изобретатель и рукодельник.

И вот снова о дедушке Карпухе хочу тебе рассказать. Вот, к примеру, взять те же санки. Он сказал Леониду Фёдоровичу, что увидел их во сне. Прям детальку каждую увидел. Прям какая как выглядит и как с другими крепится. Мол, саночки те дедушка Фёдор «давньинько» (словцо Карпухи, и мне оно нравится) смастерил для девчушки. Что за девчушка, Карпуха не сказал, но по мне, так он стесняется

говорить. А ты, как полагаешь, он вправду стесняется выдумке своей? Но саночки всамделишно чудесные получились.

Вот. Поговорила я с тобой и подумала, что надо бы к дедушке Карпухе наведаться. Ну и что, что обед пропущу. Дедушка обязательно меня накормит. А иначе и не отпустит из гостей.

Может, Поля с собой взять? Как думаешь? Поля не откажется. Он всегда не отказывается (не буду черкать здесь, но знай – я неверно написала и знаю о том).

Ну всё. До вечера, тёзка моего Поля. Перед сном поведаю тебе о том да о сём, что за день приключилось».

Девочка закрыла дневник, поклонявила перо, пальцами стирая с него чернила, после чего ставшие синими пальцы обсосала во рту, закрыла чернильницу, запихнула дневник под подушку и теперь смотрела в окно. На улице нудел начавшийся ещё вчерашним днём дождик.

Поля в длинном, волочащемся по земле плаще, с Сергеем Леонидовичем, в таком же точно плаще, но не столь на нём длинном, возились возле двери маяка. В то время, как Саша подошла к ним, из маяка вышла Татьяна Алексеевна. В руках женщина держала ведро, наполовину заполненное птичьим помётом.

– Доброго тебе дня, Сашенька, – поприветствовала она девочку. – Вот, помёта насобирала. Сейчас на огород снесу, разбросаю да перекопаю на зиму. Может, хоть в следующее

лето вырастет что.

– Здравствуйте, Татьяна Алексеевна, – поприветствовала в ответ Саша, придерживая капюшон, от сильного ветра норовивший слететь с головы.

– Ты, никак, за другом своим пришла? – кивнула женщина на Поля. – Ему, вот, не сидится без дела. Пришёл, гремит в мастерской. Я-то думала – муж мой затеял что. А оказалось – Поля твой. За инструментом пришёл. Никому ничего не сказав, решил сам петли на двери починить. Да куда уж ему. Дверь тяжелая. Не по возрасту. Мой Серёжа, как услышал о том, мальчика остановил, наказав ждать, сам тут же собрался да с ним пошёл. Вот, теперь и не понять – кто кому помогает. Хороший он, Поля твой. Не сторонится работы.

Саша, слушая Татьяну Алексеевну, улыбалась, посматривая на друга.

– Вот ведь как оно бывает, – помолчав, проговорила женщина, примечая взгляды девочки, и добавила, повторив. – Вот ведь как. Ну, уж я пойду, печь протопить надо, а ты, как озябнешь, приходи в гости.

Татьяна Алексеевна ушла, а Поля, выслушав Сашино предложение навестить Карпуху, пообещал прийти позже, как только сладит дверь. Нога за ногу, тогда, как не стоило понапрасну мокнуть под холодным дождём, к тому же ещё и на ветру, девочка пошла к старику. Ещё не выйдя на дорогу, у группки раскорячистых берёзок она нарвала опят, с ними и заявила в гости. Карпуха, кстати сказать, пребывающий

в трезвом здравии, в то самое время, как дверь в его избу отворилась, ставил на печь чугунок с водой, надумав сварить гречневой каши.

– Блаженная Марфа, ты шо же это, голубушка, по мороси этакой шасташь?! – старик покачал головой в знак укора, но было видно, и особо он не скрывал того, что доволен визитом своей любимицы, а увидев в её руках грибы, так даже всплеснул руками. – Айай-ай, някак мне гостинцев принясла?! Балуешь ты мяня, Сашенька, за ниточки мои сокровенные дёргашь. Манипулируешь, так сказать. Ну, давай, давай сюда. Я их мигом оприходую да на сковородочку. Я жо, это, гречу отварить задумал. Грябочки в самай раз будуть.

Саша со вздохом облегчения отдала неудобную и утомившую от долгой дороги ношу, скинула сапожки, сунула ноги в чуни, сшитые специально для неё в прошлом году стариком из шкуры нерпы, и прошла в кухню.

– Вы, дедушка, не ругайтесь. Мне от дождика ничего плохого не сделается. Я же закалённая.

– Знаем мы, какá ты калёная, – мешая воду в чугунке, кивал головой Карпуха. – Летом кто горлою болел? Кто хряпел похлеще ржавой двярной пятли? А по началу года кто с тямпературой ляжал? Сам Медведь из тайги навящал тябя да варением лячил малиновым.

– Так это я немножечко приболела, дедушка. Все дети обязательно болеют.

– Нямножечко? Сорок градусов набрала по тярмометру.

Это, по-твоему, нямножечко?

Саша надула щёки и опустила голову.

– Ну, ну, рódная моя, я жо не ругаюся. Я жо так, по отечьяски, с беспокойством, так сказать, о твоём здравии. Пячуся, так сказать, – принялся успокаивать девочку старик, не замечая, что та хитро улыбается. Отложив в сторону ложку, он, наконец, сел на скамью и, покусывая нижнюю губу, поглядывал на маленькую гостью. – Ты, присажáйся, в уголок свой, присажáйся. Сячас кашка поспеет, я грибочков пожарю, накормлю тябя. Прошлой раз я ж все грибы пораздал, сябе гулькину носу оставил. Вот, думал, пойтить собрать, да дождя начлась. А тута, ишь, душа нябесная возьми да сваргань прибавку мне. Ай-ай.

Саша послушала Карпуху, села в уголок и под столь привычный, бытный гундёж старика принялась рассматривать серый пейзаж за окном. Она всё думала, как бы так поговорить с дедушкой, чтобы ненароком не обидеть.

А тот, отславив Сашу, а заодно и свою удачу, замолчал, да недолго.

– Ты, някак, спросить мяня хочешь, а то и укорить за враннё. Так давай, деда знат вину свою.

Саша помотала головой:

– Нет, дедушка, я не осерчала на вас. Я же знаю, что избушка та есть.

– Вот как? Даже знаешь? И как же так?

Девочка пожалала плечами:

– Я ещё не придумала, но знаю.

– А, – старик кивнул, – хочешь, штоба так было. Тябе в радость так думать. Понямаю. Понямаю и одобряю, – снова, глядя в окно, он покусал губу, и повторил. – Уж не сярчай на меня, голубушка. Не со зла я.

– Да не серчаю я, дедушка, – добро глядя на старика, повторилась Саша. – Вы мне только скажите: вы взаправду мне об избушке рассказывали? Да, ведь?

– Взаправду, милая. Взаправду. Вот, как пряснилось мне действо сие, так я сразу к месту тому пошёл, ну, то бишь, к полянке, да всё рассмотрел там, да травку погладил, да посядел на пянёчке, поразмыслил. И вот что я понял, – старик положил свои худые длинные руки на стол ладонями вверх. – Понял я, что не чудачество это. Сон мой, – уточнил он, и покачал головой. – Неспроста это, неспроста. Видать, Марфа наша, та, что Блаженная, поведать мне жалает тайны свои. Вот, только, за какой такой надобностью? Няужто, нярбвен час, как она призовет меня к себе? А? Что думаешь, голубушка?

Саша испуганно посмотрела на старика:

– Нет, дедушка Карпуха, рано вам к Марфе! У вас же вон, бычок ещё не подрос. Как ему без вас быть? Не оставляйте его сироткою. И меня не оставляйте. Я плакать буду.

– Ой-ой-ой! – запричитал старик, глядя на испуганную и уже до слёз доведённую его неосторожными мыслями вслух девочку. – Что же это я? А? Сказал неподумавши. Оболтус

старый! – он вскочил со скамьи, подошёл к Саше, поднял её на руки и сел на её место. Прижав к груди ребёнка, он молчал, досадуя на себя.

Притихшая, обнявшая старика Саша, пару раз шмыгнула носом, затем стукнула кулачком ему по спине:

– Нехорошо вы говорите, дедушка Карпуха. Услышь вас бабушка Лиза, мигом бы образумила.

– Винюся, милая, винюся. Ты только Лизоньке не рассказывай.

– Она вас в зверушку обернёт?

– Обернёт. И хорошо если в звярушку. А ежели в бестолковость какую?

– А в какую зверушку вы хотели бы обернуться? В медведя?

– В мядведя? – старик задумался. – Ну, в мядведя я бы не отказался. Да только в мядведей она по-доброму оборачивает, когда без зла.

– Это как же это?

– А вот так. Это ежели хочить выручить или даже спасти. Были тут двое. Ох и гожие дявицы! Так вот она их и выручила. С тех пор они в мядведиц по-своему жаланию обёртываются и обратно разбёртываются.

– А кто это такие?

– Тябе о них няведомо. Они тьперь в странах дальних обятают. А появились они тугова неясным образом. И прозвалися Аляутками. Правой и левой руками охотнику наше-

му, Мядведю, были. Знатные наездняцы и охотняцы знатные. Вот по просьбе Мядведя Лизушка и схоронила их во все времена, что после наступали и ишшо будут наступать. Такие дяла вот, – старик отстранил от себя Сашу, посмотрел ей в глаза.

– Вы не брешете, дедушка Карпуха? Взаправду так было?

– А то не взаправду. В самую что не на есть взаправду.

– А если я ненароком спрошу бабушку Лизу, она гневаться не станет?

– Ой, нет! Ты, покамест, не говори ей, покамест обожди.

– А Галина Александровна знает?

– Знает. Все взрослые знают да молчат. Эт только у мяня язык болтливый. Так что ты уж побереги деда своего, любимца первейшаго от взглядов недобрых. Иначе Лизушка в осерчении обратит меня в мышь, и дожавать мне тогда век свой в норе.

– И я к вам в гости прийти не смогу.

– Не сможешь. Факт, не сможешь.

– Хорошо. Я буду молчать, – Саша сначала кивнула, затем задумалась. – Но я придумаю, как мне хитренько-прехитренько вызнать об том.

– Ох, Александра, – старик покачал головой, – не сносить тебе головы от шалостей таковских.

– Ничего мне бабушка Лиза не сделает. Я же ребёнок.

– Ну, гляди сама, коли волю даёшь своему любопытству. Токма мяня не поминай. Тут уж, ежели и не Лизушка, так

Галуша меня изведёт, в колодец загонить, и сгину я почём зря в ледяной воде.

– Неужто смогёт? – глаза у девочки округлились от удивления.

– А то. Она и не такое могёт. Она, вона, сильная какая. Загонит наверх, заставит крышку люка откинуть, да мимо лесянки скажет шмыгать, в самую бездну. А ты знашь, какая там тьма и сырость.

– Ой! Дедуленька! Не надо! Я-то уж думала, вы про старый колодец говорите. В нём не так страшно тонуть. А в большом тонуть сильно неприятно. Я один раз, помните, затонула там. Сверзлась, когда нога соскользнула на скользкой ступени.

– Помню. Как не помнить. Уж всем тогда досталось по первое часло за неугляд за тобой. Вот я и говорю – скверно тонуть в нём. А в старом тонуть негоже. Он не для того стоит в лесочке, чтоб такие лиходеи, как я, воду его пачкали.

– А для чего же он?

– Ой, уморила, голубушка, – засмеялся старик. – Он, чтоб водицей его наслаждаться, да в зрякальность всматриваться. Там же, за зеркалом, чуть нижее, всё-всё усмотреть можно, ежали уменье есть.

– А что там, в этом всё-всём, дедушка Карпуха?

– Ня знат никто, – Карпуха пожал плечами. – Он не для нас, сивых. Якобы зеркало то как врата чудесные. Токма один может открывать их.

– А кто? Вы знаете?

– Не. Не встречал такого.

– Хм, – Саша с усмешкой смотрела в глаза старика. – Снова вы, дедушка Карпуха, выдумки рассказываете.

– Так уж и выдумки, – с укором в голосе ответил старик.

– Один. Тот, для кого и избушка является... А ты хоть раз выдала очами своими азбушку ту? Нет. Не выдала. И я не выдал. Не было её на веку нашем. А значит, откуда нам знать о питомце её?

– Так, может, ушёл он, в тайгу?

Старик пожал плечами:

– Можат, и ушёл. То мне няведомо.

– Хм-хм, – Саша задумалась, сунув палец в рот, и хмурилась. – Дедуля, а ежели осторожно залезть в колодец да уютненько немножко, как думаете, видать будет всё-всё?

– Ни в коем разе задумке своей ходу не давай! – голос старика разительно изменился, стал стальным, жёстким. – Иначе я первым буду, кто отхлещет тебя. Ишь шо удумала. Мне погибель твоя не по нутру. Так и знай.

Саша испугалась реакции старика, положила голову ему на плечо и притихла.

– То-то же, – приняв молчание девочки за покорность и поглаживая её по спине, более мягким голосом проговорил Карпуха.

Немного посидев, пару раз вздохнув, думая о не всегда благосклонной к нему витиеватости бытия, старик аккуратно

взял на руки успешшую задремать девочку и отнёс в комнату, на кровать. Там, накрыв ребёнка тулупом, он вернулся на кухню и занялся принесёнными ему опятами.

А Саше снился сон. Как это часто бывает – диковинный. Она кружила в хороводе вокруг старого колодца, держась за руки девочек, и лиц их то ли не видела, то ли они были ей незнакомы. Девочек было с дюжину, все в сарафанах, на головах платки, на ногах туфельки. Звучала музыка, но невозможно было понять, кто же её играет. Саша крутила головой в поисках музыканта, но всё тщетно. Вот появился дедушка Карпуха. Он еле стоял на ногах. Разорвав круг танцующих девочек, старик прошёл к колодцу и тяжело сел на верхние камни его кладки. Покачав головой, он махнул рукой, подзывая к себе одну из танцующих. Девочка вышла из хоровода и подошла к старику. Тот, тыча пальцем, показал ей вниз. Девочка, не произнеся ни слова, без раздумий, забралась на камни и шагнула вперёд, в пустоту, где и пропала из поля зрения Саши. Испугавшись произошедшего, Саша обернулась, смотря на других девочек, и с удивлением обнаружила, что все её подружки, с нею водящие хоровод, никто иные, как она сама. А старик, тем временем, уже подзывал следующую плясунью, следующую её – Сашу, и та, как и первая, забравшись на камни кладки, шагнула в пустоту колодца, где и исчезла. То же самое произошло и со следующей, а затем и всеми остальными, пока не осталась она одна, по какой-то неведомой причине избавленная от прыжка в колодец.

Её, последнюю, дедушка Карпуха подзывать не стал. Он лишь глянул, кивнул и произнёс: «Об чём и разговор».

Саша задумалась было над непонятностью сказанного, и тут какая-то неожиданная, острая, стремительная мысль вдруг пронзила её, в самое сердце, и стало столь удивительно, что действительность сна сначала пошла волнами, а затем и вовсе начала распадаться, таять, бледнеть, и вот последнее дымное облачко растаяло в разжиженной голубизне неба, оставив по себе лёгкий аромат.

Пахло жареными грибами и луком.

– Ааа. Спящая красавица пряшла. Ну, садись. Сяйчас обедать будем.

Карпуха хлопотал на кухне, то оборачиваясь к печной плите, то к рукомойнику, то к буфету, то к столу, где уже, держа в руке ложку, сидела Саша.

– Проголодалася, вижу. Это хорошо, шо проголодалася, – старик взял Сашину миску, высокую, с синим корабликом на эмали белого цвета, положил в неё каши, с горкой, и поставил перед девочкой. Следом положил и себе, но гораздо меньше.

Ели молча.

По окончании обеда, заметив, как Саша облизывает ложку, старик усмехнулся, поставил на плиту чайник и, дождавшись, когда тот закипит, заварил в такой же, с синим корабликом эмалированной кружке, свою, только им одним признаваемую смесь, содержащую берёзовые листья, про-

жилки ламинарии и стебельки сики. Сика не ценилась островитянами, так как её мелкие, чёрного цвета ягоды были безвкусны. И только Карпуха собирал сикку, утверждая, что брага с этой ягодой особенно хороша. Но что точно могла сказать Саша, так это то, что отвар дедушкиной смеси был ею любим пуще любых других.

Следом Карпуха и себе налил отвара, и пил его с блюдечка, шумно сёрбая, периодически подливая из обычной алюминиевой, особо им почитаемой, к слову сказать, кружки. Пили в прикуску с лепёшками из ржаной муки и брусники. Лепёшками старика угостила Мария Васильевна, периодически подкармливая бедолагу, иногда неделями не готовящего себе еды.

Саша уже собиралась было уходить и даже откланялась, не забыв пообещать, что топиться в старом колодце не станет, но непременно теперь будет внимательно в него смотреть и даже, быть может, приволочёт откуда-нибудь лесенку и попробует ею достать дно, и если достанет, обязательно попробует спуститься. Старик, слушая ребёнка, кряхтел, то покачивая головой, то кивая, то хмуря брови, а то и грозил пальцем, и даже посмеивался. Он уже хорошо знал свою юную подругу: если той что взбрѣдет в голову, то если и не мытьём, так катаньём, но она извернѣтся осуществить задуманное.

Тут-то и раздался собачий лай. Пѣс стоял на крыльце и лаял в дверь, требуя хозяина, а когда дверь отворилась, завилял хвостом и, тыча носом в ноги старика, определѣнно

радовался тому, что на его лай отреагировали. Когда Саша и Карпуха, надев обувь и накинув плащи, вернулись на крыльцо, пёс бросился в сторону причала, на пути к которому стояло два полуразвалившихся здания. Отбежав метров пятьдесят, он остановился и смотрел на людей.

– Да идём мы, идём, чёрт ты окаянный, – ворчал старик, поспешая за животиной. – Ишь ты, верно, неспроста зовёт нас куда.

Видя, что люди идут за ним, пёс снова побежал, не переставая при этом лаять. Возле ближайшего к избе Карпухи здания с частично обрушившейся стеной, Саша увидела Поля, а затем и коня. Конь ходил то в одну сторону, то в другую, а остановившись, нервно взрывал землю копытами. Тем временем Польш скрылся за зданием, послышалось мычание бычка, а ветви берёзы, что стояла, большей своей частью, скрытой за домом, заходили ходуном. Можно было подумать, кто-то хорошенько потрянул дерево, с целью выдрать его из земли. Вскоре скрылся за старым домом и пёс, и в ответ на ржание, словно отвечая коню, залился лаем.

От беспокойства, овладевшего Сашей и Карпухой, они шли всё быстрее, иногда переходя на бег, и, наконец, обогнули дом. Здесь девочка со стариком увидели сначала коня, затем метавшегося возле берёзы пса и бычка, то жалобно мычащего, то выпускающего пар, когда он пятился от дерева. Дерево при каждой такой попытке клонилось в сторону бычка и трещало. Тут из-за дерева показался Польш. Мальчик

встал на носки и тянулся к ветке берёзы.

– Что же это вы, окаянные, устроили здесь? Ну-ка, дайте пройти старшóму, – сказано это было больше коню, преграждавшему Карпухе путь. Конь клонил голову к земле, нервно прядал ушами и переставлял ногами влево-вправо, не сообщая, что таким образом не даёт проходу старику.

– Дедушка Карпуха, – увидав старика, закричал Поль, – помогите! Мне самому никак!

– Чо някак, Полюшка? – поинтересовался Карпуха, а как только подошёл ближе, всё понял и так. – Вон оно как. Вон оно шо. Ай-ай, замоталился бычок мой. Яму тяперь и не уйтить отсюдыва. Ну-ка, Поля, дай мне ходу. Я всё ж поболее ростом буду.

Карпуха отстранил мальчугана и принялся возиться с верёвкой, в несколько витков обёрнутой вокруг вертикально торчащего из нижней ветви обломка.

– Он мордой тёрся о ветку, вот верёвка от его шеи и намоталась, – разъяснял Поль своей подруге догадку, пришедшую ему на ум.

Саша была согласна с ним. Она кивнула, и в тон Полю продолжила, теперь больше обращаясь к старику:

– Теперь понятно, как бычок недавно забор повалил. Видать, верёвка эта обмоталась вокруг столбика, он и принялся дёргать, чтоб освободиться.

– А за кой надобностью, – борясь с верёвкой, сказала старик, – нягоднику энтому понадобилось обматывать верёвку?

Он што, на крепость забор мой испытывал?

– Да морду же он чесал. Он всегда морду чешет. Он же по-другому не умеет, дедушка Карпуха.

– Сняли бы вы с него верёвку эту, – в унисон Саше проговорил Поль. – На кой она ему?

– А коли убьют куда?

– Вы что, дедушка Карпуха! – одновременно воскликнули и засмеялись дети. – Куда ж ему бежать-то? Остров же!

– И то верно, – был вынужден согласиться старик. – Поля, дружочек, у тебя случаем ножачка нет?

– Нет, дедушка Карпуха, – ответил мальчик, на всякий случай проверив карманы.

– Жаль как. Тады мне до хаты идтить. Тут без ножа никак. Уж больно сильно бестия ента узел затянул.

– Давайте я сбегая, – предложила свою помощь Саша. – Я мигом. Туда и обратно.

– Ну, сбегай, голубушка. Ты знаешь, где какой ножик ляжит. Возьми тот, что расклаживается, с ручкой роговой.

Саша убежала, вприпрыжку, довольная тем, что ей доверили серьёзное дело, и вскоре, так же вприпрыжку, прибежала. Прежде чем отдать в руку старика ножик, она его аккуратно разложила и подала ручкой вперёд, так её когда-то научил сам Карпуха.

Вскоре верёвка была перерезана, а её изрядно укоротившийся остаток, что ещё свисал с шеи бычка Карпуха со вздохом, можно подумать, решившись на что-то весьма тяжкое,

перерезал в самой петле, что была накинута на шею животного. И бычок, ни разу не поблагодарив хозяина её спасшего, чуть не бегом направился в сторону подножья горы, куда, по всей видимости ему так непременно, так невтерпёж было надо. Следом за бычком, радостные, устремились и конь с псом. Пёс при этом радостно вилял кривым хвостом.

– Ватага! – весело крикнув, произнёс Карпуха. – А ведь не дурнее нас, когда пряжмёт. А?

Дело было сделано, и, казалось бы – пустяк пустяком, а между тем время, как показывали самые верные часы – солнце, уже подходило к вечеру. Воздух дышал приближающимися сумерками.

– Ну, шо, юнцы, айда ко мне. Подкрепиться бы надо. Да и дедушка ваш, Карпуха, ещё стопочки своей заветной за весь день не заглотил. Непорядок, стало быть.

– Дедушка Карпуха, – с укором ответила Саша, – вечер уж скоро. Может, и не надо стопочку-то? Придём сейчас. Мы с Подем дровишек принесём. Печь растопим. Вы отвара вкусного сделаете. А там и поужинаем, да ко сну.

– Эка ты, басурманка окаянная. Всё только и думаешь, как деда своего извести с бела света. Да как же ш я без стопочки утихомирюсь-то? Как засну-то?

– А вы попробуйте, дедушка. Авось у вас получится.

– А уж завтра и примите стопочку, – добавил Польш.

Мальчик с девочкой переглянулись, улыбаясь.

– Хитряцы. Никак сговор организовали тайный, – стрик

вздыхнул. – Ладно. Попытка она ж, это, не пытка, так сказать. Попробую я ряцаптуру вашу диетическую. Но, – он поднял палец и поочерёдно посмотрел на каждого, – чур, это сугубливо моё ряшение. Вы давленияв на мяня нисколечко не имеате.

Саша и Поль согласно закивали и снова переглянулись, бросая друг на друга лукавые взгляды.

Дрова были принесены, печь растоплена, каша разогрета, а в ковшике тихо кипела вода. За разговорами, шутками над Карпухой да его смешливыми укорами маленькая компания подкрепилась. Покидая избу старика, Саша с Полем не забыли напомнить ему об уговоре воздержаться, не пить на ночь, на что тот поохал и махнул рукой, только бы парочка надоедливых нравственников побыстрее ушла, не мешая ему придерживаться своих порядков, пусть и не самых хороших с точки зрения здоровья.

Если уж говорить правду, эти двое – Саша и Поль – никогда не были ему в тягость. Он любил их, как, быть может, любил бы своих внуков, будь они у него. Если, к примеру, Саша или Поль не навещали Карпуху день, а то и два, он начинал скучать, томиться одиночеством, сродни голоду. Только, в отличие от голода, сводило не желудок – сводило в груди. Этакое «томление душевное», как сам старик любил сказать. Удивительная энергетика, чистота, свежесть, порой непредсказуемость мысли, любопытство до всего, говорливость и звонкость голосов – всё то, что по первости приходи-

ло Карпухе в голову, стоило ему подумать о причинах столь сладостной истомы, испытываемой всякий раз при мыслях о двух мальчиках, о тех самых, коих сейчас, шутя, выпроваживал.

Саша и Поль знали о том. Не нарочно, не явственно, но сердцами, потаённо. Скорее – неосознанно чувствовали. Их привязанность к Карпухе можно было объяснить его стариковой уморительностью, парадоксальным образом заключающей в себе: и юношескую отчаянность, и безоглядность, и умение дать объяснение тому, чему не даст объяснения человек взрослый, вдумчивый, осторожный. Карпуха оставался ребёнком – и это единственное, за что его стоило укорить. Стариком интересно было перечить, безобидно вставать в позу и радостно соглашаться с той, иной раз совершеннейшей чушью, что он порой нёс. Карпуха был другом, большим, часто под хмелем, но всегда безобидным, беззлобным. Вот и сейчас выпровоженные стариком дети без всяких доказательств знали, что тот уже, ещё не успев закрыть дверь, скучает по ним.

– Как ты думаешь, он спать ляжет или таки приложится к бутылке? – обернувшись и глянув с укором на старикову избушку, спросила друга Саша.

– Приложится. Ну, не можется ему без того. Даже останься мы, уж он нашёл бы возможность приложиться, хоть бы и в сенях, в утайку.

– И то верно, – вздохнула девочка.

Пройдя около километра от избы Карпухи на север, в сторону сигнального маяка, дети подошли к бане, что стояла под горой. Можно сказать, стояла она отчасти под, отчасти против старой кочегарки, с битыми глазницами окон задней стены, слепо взирающими с высоты горы на плешивый осенний склон, на раскорячистую, но крепкую баньку, на нижнее плато, жёлтое от песка, повядшей травы и черничников, на рощицы берёз, тоже пожелтевшие, а местами голые, на море с теряющимся во влажной дымке берегом большой земли. Морось, полдня уныло орошая остров, утомилась, и небо рассветлело, несмотря на наступающие сумерки. Дети присели на чурбаны, наваленные горой и ждущие, когда их поколют на дрова. Перед их глазами, в метре от земли, справа налево шла труба. Правее она полого спускалась к земле, и занудно тянулась несколько сотен метров до большого колодца, а взойдя на него, как иной несчастный всходит на плаху, с обречённостью ныряла в безвозвратную тьму. В том месте, где труба проходила вдоль стены бани, её подпирали столбы, кривые, неравномерно расставленные и порядком сгнившие. От трубы, диаметром с ногу взрослого мужчины, в стену бани отходила труба гораздо тоньше, и там, в помывочной заканчивалась краном прямо над баком, стоящим на печи. Левее бани труба уходила вверх, вползая на гору своим стариковым изржавленным телом, опираясь на такие же дряхлые, уставшие от долгой жизни столбы. И как ещё у неё хватало сил держаться за крутой склон и, главное,

гнать в себе воду в два, не менее ржавых, грузной кубической формы бака, стоящих в старой кочегарке? И ведь гнала, повторяя за утруженным колодезным насосом тоскливую песнь непосильного труда.

Стоит отметить, что в трубу эту каждые полтора, иногда два метра были воткнуты разномастные, на скорую руку сработанные деревянные клинышки, и когда работал насос, сквозь них пробивались тонкие, сверкающие серебром фонтанчики. Клинышки эти выполняли важную роль зимой, когда возникала необходимость быстро сгонять воду после каждой прокачки, дабы не дать ей замёрзнуть. Но иногда происходило и такое. Тогда все взрослые, взявши факелы, ходили вдоль трубы, отогревая её. В противном случае воду поднимали наверх трактором, по четыре бочки враз, а то и вручную, вёдрами, для чего в кочегарке стояла пара коромысел.

– Старая совсем труба, – проговорил Польш. – Того и гляди развалится. Что тогда делать будем?

– Дедушка Карпуха говорил мне, что такого ещё не случилось, – Саша посмотрела на друга. – Никогда. Так он сказал.

– И откуда он знает всё это? – задался вопросом мальчик, как будто даже и не подруге адресованный.

– Он говорит, сны ему снятся. Про всякое.

– Фи, сны! – усмехнулся Польш.

– А ты не смейся. Помнишь историю про лодку на дальней косе, возле сигнального маяка? Это ж ему приснилось,

якобы лодку ту дедушка Фёдор разбил. Все смеялись над дедушкой Карпухой. А ведь он прав оказался. Сама бабушка Лиза подтвердила. Теперь вот дедушка Фёдор по тайге от неё бегаёт. Лодка та её была.

– Да не бегаёт он вовсе, – засмеялся Поль, – а живёт себе спокойно на поляне той.

– Знаю, что не бегаёт, – вздохнула Саша, вспомнив очарование укромной полянки, окружённой плотной стеной орешника. – Это Гасандровна так выразилась. Она же, ты знаешь, строга ко всем не хуже бабы Лизы. Вот и любит посмеяться.

– И не всегда по-доброму, – добавил мальчик.

Саша кивнула и продолжила:

– А сегодня он мне про колодец старый рассказывал. Мол, если взглядом проникнуть ниже воды, то можно увидеть всё-превсё.

– Не проникнешь ты взглядом ниже воды. Она же всё отражает. Потому и говорят, что у этого колодца вода словно зеркало.

– Знаю, Поль. Но дедушка сказал про особенного человека. Только он может смотреть сквозь зеркало колодца.

– И кто же это, он не сказал?

– Не знает. Но сказал, что тот человек из избушки. Мол, для него она сюда и заявляется. Придёт, человека встретит, вырастит, а тот прямиком в колодец.

– Сочиняешь! – ахнул мальчик.

– Немножечко, – повела плечами Саша. – Но дедушка

Карпуха примерно так всё и думает.

– А Антуан что сказал?

– Что про что сказал? – девочка бестолково посмотрела на друга, а мгновение спустя поняла его вопрос, вздохнула и, поджав губы, было понятно – от досады, думала, как же правильнее рассказать о глупой выходке взрослых. – Они все сговорились. Думают обо мне, как о неразумной. Антуан с Гасандровной уж точно больше дедушки Карпухи знают. Поэтому и наказали ему молчать. Он и молчал. Да недолго. Только, чтобы они от него отстали.

– Вот как? – Поль нахмурился. – Значит, есть правда в его словах. Будь это сказкой, так никто бы и не сказал ничего против.

– Значит, бабушку Лизу порасспрашивать надо? Да?

– Угу, – кивнул мальчик. Надо.

– Летом, значит, – мечтательно проговорила Саша.

Поль встал:

– Пойдём домой. Поздно уже.

«День заканчивается. Я пишу при свете керосинки. Что-то испортилось у дизеля. Там сейчас все взрослые, а нам с Полем наказали ложиться спать. Интересно, дедушка Карпуха тоже там? Очень надеюсь, что он не стал пить на ночь. Так хочется, чтобы он не губил себя. Без него остров станет маленьким. Он и так небольшой, а без дедушки... Ах, мой милый дневник. Без дедушки Карпухи, мне думается,

от острова только гора останется. Но лучше совсем не думать о таком. Мария Васильевна мне как-то сказала, что думать о смерти плохо, а о смерти другого человека – во сто крат хуже. Я с ней не очень-то и согласилась. Мне думается, размышлять о собственной смерти не так уж и нехорошо. Ведь после смерти я всё равно остаюсь, только невидимой для других. А после рождаюсь заново. Вот только где? Неужто снова здесь? Как бы мне хотелось такого! Представляешь: проходит какое-то время пока меня нет, и вдруг у кого-нибудь младенец появляется, девочка, прямо здесь, может даже на горе, и называют ребёночка Сашей. И вот снова я. И всё заново. Вот только... как думаешь, а Гасандровна, Карпуха, Мария Васильевна, Сергей Леонидович, и все-все, они тоже так появятся, или я новая буду без них? Тогда грустно. Я хочу, чтобы они тоже были».

Саша положила перо на тетрадь, вышла из-за стола и принялась ходить по комнате, как ходит иной неугомонный пёс по тесному загону. Казалось, она ничего не замечала, всматриваясь в себя, бормотала слова или отдельные звуки, не несшие в себе смысла. Вдруг, взмахнув руками, она подскочила к столу, села, схватила перо и, забыв обмакнуть его в чернильницу, попыталась писать. Затем, молча, с досады от того, что перо сухо заскребло по бумаге, стукнула по столу локтём и макнула перо в чернила.

«Ах, мой милый дневник! Как же я раньше не догадалась? Да ведь и вправду! Вправду! Дедушка Карпуха уж наверняка много раз здесь родился! Потом- то он и знает всё об острове! Он, конечно, многого не помнит, но самое интересное для себя он запомнил надолго, на все свои проживания, потому и лезут из него интересные!»

А может и я...»

Девочка выпрямилась и смотрела на кончик пера, держа его вертикально. У основания пера скопились чернила, и чернильная капля сначала потекла по ручке, затем по руке и, наконец, упала на лист дневника, украсив его кляксой.

Саша, могло стать, и вовсе этого не замечала, а быть может, и заметила, да только очередная догадка, её посетившая, была во сто крат важнее всего иного.

Наконец, сфокусировав взгляд на перо, можно подумать, до того и не смотрела на него, она макнула его в чернильницу и продолжила писать.

«А может, и я могу помнить? Может, и помню? Ну, бывают же у меня мысли всякие. То одно привидится, то другое. Тогда, получается, и я уже жила здесь? И другие, наверное, тоже жили? Значит, Антуан с Гасандровной жили вместе с дедушкой Карпухой и помнят об избежке? Только вот дедушка мне рассказал о ней, потому что у него язык длинный, а они держат рты на запоре. Но почему?»

Уже поздно, и пора ложиться спать, а в голове моей куча всякого. Как бы теперь заснуть. Вот так задачка. Ну, ничего, я постараюсь. Завтра контрольную писать по арифметике. Надо обязательно выспаться. Не хочу Марию Васильевну расстраивать двойкой. Хотя её и тройка расстроит.

Спокойной ночи, дневник. И почему я тебя Подем назвала?»

Саша закрыла тетрадь, достала из кармана плаща блокнот, написала карандашом два слова и вернула блокнот на место.

Глава 6. Двадцатый день месяца рюина. Зарядка и незнакомец

Первый ночной заморозок обелил остров. Этим утром, когда ещё стылый, а от того медлительный воздух, не спеша покидать своё ночное ложе, сероватыми сгустками перетекал то с северной оконечности острова на южную, то с южной на северную, Саша с Наташей (первая с восклицанием, что одобрил бы любой индеец, вторая, ойкнув от испуга) выскочили на крыльцо домика. Белая тонкая «ткань простыни», оставленная переночевавшей здесь и охолодевшей за ночь осени, как уже стало понятно, восхитила одну девочку и заставила хмуриться другую.

– Вытащила меня из постели. Мало того, что в рань такую, так ещё на изморозь. Мурашки по коже. Брр, – ворчала Наташа.

– Да ты что! Ты только глянь, красотища-то какая! – захлабывалась от восторга Саша.

– Ну, ледяная королева, и куда побежим? – Наташа долго сопротивлялась идее подруги заниматься бегом по утрам. Вообще заниматься бегом. Бегать – это не по-взрослому, а баловство. Но Сашино день за днём жужжание, рассказы о пользе, перечисления, с красноречивыми или, как ещё мож-

но выразиться, эффектными загибаниями пальцев, всего того благостного, что нёс в себе утренний бег, как для фигуры, так и для настроения, вынудили-таки Наташу пойти на поводу у подругиной причуды.

«О Марфа Всевеликая! Узнать бы ещё, кто надоумил Сашку бегать, да высказать ему своё фи», – такие мысли сейчас посещали голову сонной, сильно несчастной от недосыпа Наташи. Она совсем не хотела бежать, никуда и никак, одним словом – нисколючки, и отнекивалась, поначалу весело, легко, затем отмахивалась, и тоже с шутками, затем бурчала, мотала головой, под конец угрюмо посматривала на младшую подругу, мысленно предлагая той в одиночку сходить до края тайги. Ничего не помогало. Саша, подобно надоедливой мухе, прибить которую никак не удавалось, жужжала и жужжала, до оскомины.

– Побежим по дороге, вниз, а там свернём влево и побежим мимо избы дедушки Карпухи в сторону бани.

– И всё? – Наташа фыркнула.

– Не. Не всё. Там мы немного поприседаем и займёмся колкой дров. Сегодня банный день. Ты забыла?

– Колоть дрова?! Мы?! – подруга показала на себя пальцем. – Да я топор не знаю с какой стороны взять.

– Мы не топором колоть их будем. Для колки дров колун нужен. Сколько раз тебе объяснять это?! – возмутилась Саша.

– Ну, замечательно! И что же это такое – колун твой? Ска-

жи ещё раз, для особо непонятливых.

– Колун, Наташечка, сильно похож на топор, но много толще и тяжелей.

– Ага. Объяснила, без пяти минут Гасандровна ты моя, – Наташа покачала головой, усмехнулась и похлопала подругу по плечу. – Ну, беги, а я за тобой.

Первая пробежка девочек не особо задалась. Пробежав метров двести по хрустевшему под ногами инею, обе, тяжело дыша, остановились, а продышавшись и глянув друг на друга, пошли пешком. Хорошо ещё, что ходьба эта походила на спортивную.

Утренняя дорога, поблескивая, где первым, ещё робким ледком, где изморозью, в затяжном повороте вильнула влево, затем нырнула вниз, скатилась с горы и вот уже бежала по волнам и складкам нижнего плато, подобно атласной ленте, что умелой рукой портнихи вьётся по широкому шлейфу подвенечного платья. Саша вновь перешла на бег. Подтянуться пришлось и Наташе, и она исправно бежала за подругой, заплатив за свою уступчивость парой падений. Виновниками тому были скользкие камни, подло лезшие ей, несчастной, ещё не проснувшейся, под ноги. Отчего-то Саше они не мешали, а вот ей словно намекали на глупость всей этой затеи, и это не совсем верно – они укрепляли девочку в её убеждении, что всякий спорт есть досаднейшее недоразумение.

Миновав строения гидрометеорологической станции, по-

дружки пробежали метров пятьдесят, затем снова, тяжело дыша, перешли на ходьбу и петляли, повинуюсь заячьему бегу дороги. Карпухина изба спала тёмными глазами окон. Из печной ноздри затяжным выдохом вилось в хрустальную синеву неба чуть уловимое веретено жара. Справа от дороги, возле разрушенного дома стоял, то и дело вскидывая головой, конь. Из Карпухиного хлева, скрипнув петлями ворот, высунулся пёс. Увидев девочек, радостно метя переломленным в кочергу хвостом, побежал к ним навстречу, а подбежав, принялся пританцовывать задними лапами. Погладив пса, Саша с Наташей пошли дальше, оставляя на заиндевшей дороге свои следы – первые на этом белом и, к сожалению, недолговечном свадебном покрывале. Чёрным приземистым квадратом среди свежего предзимья коротала ночь баня.

Дойдя до кучи дров, Наташа села на первый же чурбан, оперев руки о колени. Саша дошла до бани, открыла дверь, исчезла в тёмном зеве и вскоре вышла, неся в руках тяжёлый для девочки девяти лет колун. Не обращая внимания на старшую подругу, она с бесноватым упорством (Наташа так это охарактеризовала) водрузила на колоду тяжеленный чурбан, вытерла рукавом кофты лоб, взяла в руки колун и, широко расставив ноги, с трудом этот самый колун подняла, занеся его над чурбаном. Так палач заносит топор над несчастным, чьё тело вот-вот избавится от буйной головушки, непозволительно рискованные выкрутасы которой и приве-

ли несчастного на плаху...

Как Саша ни старалась, но удержать колун занесённым над чурбаном не получилось – пальцы девочки разжались, тяжёлое орудие труда закономерно устремилось вниз, со странным звоном вонзилось в чурбан, и тот раскололся надвое. Можно подумать, виной тому был именно звук, какой-то уж чересчур острый, стремительный.

Наташа охнула:

– Вот ты ж, ёжкины сапожки, даёшь, Шурочка!

Поначалу испугавшись, Саша поднесла палец к виску и, улыбаясь, исподлобья смотрела на подругу.

– Так ты вмиг всю кучу переколешь.

Девочка, понимая, что Наташа шутит, а ей самой повторять столь опасный трюк совсем не хочется, подняла колун, положила его на колоду и, заложив руки за голову, не говоря ни слова, принялась приседать. К слову – приседания необходимо было проделать сразу после бега. Так нравовчал Сашу бич Степан, мужчина лет сорока, крепкий телом и любитель редко, но качественно (сугубо деда Карпухи характеристика доброго питья) выпить, и, если верить его рассказам, в прошлом занимавшийся спортом, да не сдюживший жёстких ограничений свобод касательных всяческих привычек, в том числе вредных. Степан и надоумил Сашу взяться за пробежки, особенно утренние. Мол: благостное дело, всячески излечивающее возможные хвори. Ну, а Саша что? Саша слушала, слушала и, может, по первости и не проник-

лась озвученными выгодами бега, да и не воспринявшая подобную идею всерьёз, в какой-то момент, как с ней часто бывало, неожиданно вспыхнула, подобно шальному огню, и уже ничего сделать с этим не могла. Новая напасть захватила девочку всецело.

Глядя на усердно приседающую подругу, развеселившаяся было Наташа помрачнела, тяжело вздохнула, встала с чурбана и с явной неохотой, сердито поглядывая на Шурку-малышку, стала повторять за ней все движения. К великому Наташиному облегчению зарядка вскоре закончилась. Поняла она это, когда Саша опустила руки, взяла колун, валявшийся возле колоды, и поохивая, понесла его в баню.

– Ну, ты уgomонилась на сегодня? – со снисхождением взрослого человека, глядя на подругу, поинтересовалась Наташа.

– Чиво? – не поняла вопроса девочка.

– Всё, говорю, зарядка кончилась?

– Ага.

– А как же дрова? Ты разве не хотела переколоть всю кучу?

– Да ну их, – Саша махнула рукой. – Позже, как-нибудь.

– Ну-ну, – подруга усмехнулась и пошла в сторону старой лесенки, что змейкой вползала в гору, судорожно цепляясь за неё порядком прогнившими ступеньками. Лесенку эту, на горе утыкающуюся в крыльцо наблюдательного мостика, вероятно, построили, чтобы спускаться к дизель-гене-

раторной. Как-то раз о том сообщил дед Карпуха, при этом с пренебрежением махнув рукой.

На завтраке Наташа с укором, обращённым к Саше, отметила, что аппетит у неё сегодня зверский, на что младшая девочка улыбнулась, размазывая масло уже на третий кусок пшеничного хлеба.

– Я из-за твоих выдумок растолстею.

– От бега не толстеют, – ответила Саша подруге.

– Вы чем это с утра занимались? – спросила Маша, макая пряник в кружку с чаем.

– Бегом... Эта малявка, – Наташа показала пальцем на Сашу, – подбила меня на зарядку. Ещё немного, и я бы померла – так мне плохо было.

– Прямо так и тяжело? – подружка посмотрела на бегуний.

– Нисколечко, – отчётливо произнесла каждую букву, ответила Саша.

– Врёт она. Ты её не слушай. Я даже упала несколько раз, а потом чуть попу не застудила сидеть на холодном.

– А не надо было сидеть. Степан говорит, что после физических нагрузок...

– Физических, – поправила Сашу Юля.

– О! Точно! Их самых! Спасибо, Юль. Так вот, сразу после этих вот самых нагрузок нельзя резко останавливаться. Необходимо продолжать делать другие упражнения.

– И потому ты взялась за свой большущий топор и расколола чушку, – Наташа посмотрела на девочек. – Вы не пред-

ставляете, что эта малявка устроила. Она с размаху бабахнула топором по чурбану, и тот вмиг разлетелся на готовые дрова. Так даже Сергей Леонидович не смог бы.

– У меня так случайно вышло, – парировала Саша. – Колун тяжеленный же. Он сам у меня из рук вырвался и полетел вниз.

– Ну, – театральным жестом указав на подругу, продолжила Наташа, – говорю же – кудесница. Кто ещё смог бы такое проделать?

Хлопнула уличная дверь. В сенях повозились, затем открылась и бережно закрылась дверь вторая. Показалась голова Поля в пилотке с якорем на кокарде.

– Поль пришёл? – спросила девочек Маша.

– Он. Да, – ответила ей Саша.

– Поль, ты чего это опаздываешь? – сделав серьёзное лицо, Наташа попыталась скопировать интонацию Гасандровны.

– С причала иду, – потирая руки, ответил мальчик и, подойдя к рукомойнику, принялся их мыть. – Там рыбаки пришли.

– Рыбы нам привезли? – спросила Саша.

– Не. Без рыбы. Они высадили дядьку какого-то и ушли в море. Сказали – позже заберут его, а рыба завтра будет. Селёдка.

– Снова эта селёдка, – Наташа закатила глаза.

– Дядьку? Какого дядьку? – поинтересовалась Саша, ре-

зонно полагая, что новый человек, и уж тем более неизвестный на острове, всяк интересное событие, с какой бы целью он сюда не прибыл.

– Говорю же, неизвестный. Рыбаки его первый раз видят. Он им ни здравствуйте, ни до свидания, сказал только, чтобы опосля середь дня забрали его. Прямо так и сказал, да к тому же голосом таким, что перечить никто не посмел. А подобрали его на том берегу, прямо за салмой. Это мне старшой их сказал. Мы с ним знакомцы старые, – Поль схватил со стола приготовленный ему Сашей кусок хлеба с вареньем и торопливо жевал, запивая из чашки девочки. – Он будто бы цыганской крови, так мне сказали. А я как увидел его, так и признал – не нашенский.

– Это как так, цыганской крови? Басурманин что ли? – щуря глаза на мальчика, поинтересовалась Наташа.

– Не. Точно не басурманин. Басурмане они другие. А этот будто из Индиев. Это где слоны водятся.

– Да знаем мы, что такое Индии, – перебила Поля Наташа. – Нам Мария Васильевна рассказывала и картинки показывала. Они там все в чалмах ходят и тоже басурмане, потому как говорят не по-нашенски.

– У этого чалмы не было, – помотал головой мальчик. – Но волос на голове вот столько, – он показал для наглядности руками, – будто всамделишная чалма, только цвета чёрного.

– И чего? Куда он подался, дядька этот? К нам, сюда? – продолжала допытываться Саша.

– Он к маяку пошёл. Я следил за ним. Идёт, сам с собой разговаривает, по сторонам смотрит, головой туда-сюда крутит, словно всё ему интересно. Только вот, думаю я, остров незнакомцу известен. Он же, никого ни о чём не спросив, напрямик в гору по дороге пошёл, до маяка дошёл и встал. По всему ясно – ему именно к маяку и надо было. О дороге не раздумывал, как по своей пошпарил, по родной. Странный, в общем, – сделал вывод Польш.

– Может, он прибыл маяк ремонтировать? – предположила Юля.

– Так, он же исправен, – ответила Наташа, глянув на Сашу как на знающую о всех неполадках, случающихся на острове, и даже тех неполадках, что ещё не произошли, но обязательно вот-вот произойдут.

Саша кивнула подруге:

– Исправен. Иначе Сергей Леонидович сказал бы мне. Даже лампа запасная есть.

– Я наелась, – Наташа, горящая нетерпением разузнать всё интересное (а интересным ей представлялось всё, потому как любопытство девочки никакой лавиной новостей, если сама не увидела и руками не потрогала, не могло быть накормлено), встала из-за стола, вышла из кухни и спешно одевалась.

– Постой, я с тобой! – дружно гремя скамейками, одновременно произнесли остальные девочки и, торопливо дожидывая бутерброды, уже одевались, толкаясь локтями, сопя и

путаясь в обуви.

Вчетвером так и выскочили на крыльцо, оглядываясь по сторонам, высматривая Гасандровну или Старушку. Те запросто могли, пусть даже из вредности помешать им, найдя чем заняться празднующимся девицам. Так бы они и стояли стреноженные опаской, если бы не Поль, выскочивший на крыльцо последним, не намеренно толкнувший Машу, потому как для четверых места здесь было мало. Чуть не падая, Наташа, Юлия, а следом и Саша с Машей сбежали по ступенькам вниз и, не сговариваясь, пошли в сторону маяка.

– Куда вы? – тихо позвал всех Поль, шедший позади них и, когда девочки обернулись на него, показал рукой вправо. – Давайте незаметно подберёмся. Вон, через те кусты, а потом к сараям. Оттуда и глянем.

Предложение мальчика было дружно признанно резонным, и компания любопытствующих свернула вправо, в намерении подойти к маяку как можно ближе и незамеченными.

На правах сведущего в происходящем Поль первым выглянул из-за стены ближайшего к маяку сарая, и увидел: сначала Сергея Леонидовича, а затем и незнакомого мужчину, того самого, что сошёл на берег острова с рыболовецкой доры. Незнакомец, не вынимая изо рта трубки, зажатой полными губами большого рта, то глубоко затягивался, то выпускал клубы дыма, молчал и смотрел на маячника. Сергей Леонидович постучал левой ногой о землю, левой рукой по-

казал на маяк и говорил, похоже, объясняя то, что каким-то образом интересовало его собеседника. Что именно Сергей Леонидович поведал мужчине, Поль не слышал, но вскоре, выслушав маячника, незнакомец кивнул, наконец, вынув изо рта трубку, и оба пошли в сторону маленькой крепкой избёнки, к слову сказать, всегда, как знал мальчик, запертой. Избёнка, могущая своими размерами сойти за сарай, с одним оконцем и дверью без крыльца, стояла на полпути к сараям. За ближним из сараев и притаились дети.

– Я вам могу показать старые журналы. Их вели смотрители маяка задолго до моего здесь появления, – на ходу пояснял незнакомцу Сергей Леонидович.

Теперь разговор двух мужчин, хоть и с трудом, но можно было слышать.

– Возможно лэ по журналам выяснить обстоятельства строительства... – говор незнакомца (к слову сказать, лицо его было непривычно смуглым) показался ребятам интересным, в чём-то напоминающим говор старика Карпухи.

Последние слова затерялись сначала в лягзе ключа в замке, затем в скрипе дверных петель, а после оба вошли в избёнку, и, к огорчению детей, особенно Поля, любопытство которого требовало насыщения, стало тихо, если не считать далёкого шума волн, ритмично и неторопливо накатывавших на прибрежный песок.

Долго не досадуя, в горячности разыгравшейся жажды услышать, о чём говорят Сергей Леонидович с незнакомцем,

Поль покинул укрытие и, пробежав метров двадцать, уже стоял возле угла однооконной избёнки, до сего дня не вызывающей в детской душе сколь-нибудь значимого интереса. Потянулись за мальчиком и девочки, одна за другой перебежавшие от сарая до маленького неказистого строения.

Из избёнки доносились голоса. Взрослые говорили мало, лишь обменивались редкими скупыми замечаниями, и что-то разбирали, перекладывали с места на место. По доносившимся до Поля звукам сложно было понять, чем именно занимались двое мужчин, но мальчик предположил, что те заняты поисками и, по всей вероятности, поисками тех самых журналов.

– Что там, Поль? – шёпотом спросила Наташа.

– Непонятно, – так же шёпотом ответил тот. – Что-то туда-сюда волохают.

– Может, к двери подобраться?

– Да ты что! – почти беззвучно воскликнул Поль. – Нас засекут.

Девочка досадливо поджала губы. Как бы не хотелось ей побыстрее всё вызнать, но страх быть замеченными всё же урезонивал её непомерное любопытство.

Голоса мужчин зазвучали громче. Послышались шаги. Поль, а следом и девочки, испугавшись, попяtilись, свернули за угол домика, где и замерли, стараясь вслушиваться в происходящее сквозь шум биения своих встревоженных сердец.

– Идёмте ко мне. Моя жена покормит вас, обогреется, спокойно полистаете журналы.

Снова залязгал в замочной скважине ключ и раздался скрип двери.

– Благодарю вас, – ответил незнакомец низким, каким-то уж очень напоминающим шелест сухой травы на ветру голосом. – Но, вз, дорогой, должны помнть о моей просьбе и поньмать важность для мэня её ысполненыя.

– Я помню о вашей просьбе, уважаемый. Коль, вам это столь важно, я буду молчать, и ваш визит на остров останется незамеченным. Но вы должны понимать и то, что, сойдя на этот берег, нельзя...

– Я поньмаю, о чём вы хотьте мнэ сказать, – перебил Сергея Леонидовича новый мужчина. – Мэня уже выдeли несколько человек. Это не столь существенно. Я не скрываюсь от людей вообще ы злых помыслов не нэсу. Мне важно льшь не попасться на глаза Галине и Антона.

– Антона? Вы, может, хотели сказать – Антуана?

– Его самого, – незнакомец кивнул.

– Как раз сейчас его нет на острове.

– Благодарю вас. На это я и рассчитывал. Что же касается причины моего настоящего желания остаться ынокгнито для этих двоих, а в данном случае, непосредственно Галины, то вы уж, сударь, простыте меня великодушно, озвучьтэ эё я нэ стану, но уверяю вас – встреча с этой женшьной внэсёт в жизнь острова нэкоторую сумятыцу.

Маячник поднял руку и кивнул в знак того, что понял и принял желание незнакомца, каким бы невыясненным и странноватым это желание не оставалось.

– Я вас понял. Но моя жена, как и я, умеет хранить маленькие тайны, но только в том случае, если мы не увидим в вас угрозы. На нашем острове живут дети. Сироты. Мы их любим и обязаны ограждать от всяческих угроз большого мира.

– Я знаю о дэтях и знаю, зачем они здэсь, дорогой Сэргей Леонидович. И хочу вас увэрить – моя мыссия ымэнно в том и заключена, чтобы хранить покой этого острова ы всэх на нём живущих, в особэнности детей.

– Ну, что же, в таком случае я обещаю молчать о вашем визите и уверяю в том, что моя супруга меня поддержит. Идёмте же. Нет смысла стуждаться. Журналы толстые. Вам понадобится время, чтобы найти требуемое.

Незнакомец всё же принял заверения Сергея Леонидовича, да и был ли резон прямо здэсь, у маяка сидеть? Вполне могло так статься, что за то время, пока он изучает журналы, мимо могли пройти другие островитяне, и это на малонаселённом острове повлекло бы за собой ненужные кривотолки, вполне способные дойти до ушей Галины Александровны. Встречи с этой женщиной незнакомец более всего старался избежать. Приняв во внимание все за и против, гость согласно кивнул Сергею Леонидовичу и, что детям особо бросилось в глаза, не дожидаясь, первым пошёл в сторону дома

маячников, а значит, отлично знал, по какой тропинке идти. Следом, чуть заметно разведя руками, пошёл и сам смотритель маяка.

– И всё же, зачем вам понадобилась информация об этом месте? Здесь же, прямо под маяком когда-то велась добыча киновари. Так во всяком случае гласит старая история.

– Мнэ надо знать, кто...

Как Поль не старался, но слова незнакомца затерялись в шелесте подмёрзшей за ночь травы под ногами мужчин.

– Не слышно, что они говорят, Поль? – спросила Наташа.

– Не. Далеко очень.

– Что он хочет знать, девочки? – спросила Юля, глядя при этом то на Наташу, то на Сашу, то на Поля.

– Я знаю, что ему нужно, – распахнув свои и без того большие, всегда широко раскрытые глаза, прошептала Маша.

Все разом посмотрели на неё.

– Ну, ну! И что же? Говори, – попросил Поль, а за ним, с нетерпением, одна за другой девочки.

– Здесь яма была. Вы разве не знаете? – шёпотом продолжала говорить Маша. – В ней выкапывали камешки, вот, – она показала рукой на Сашу, – такие же, какой у Сашули висит на цепочке.

– Камешки? Прямо такие вот, красивые? – с завистью переспросила Наташа. – И прямо под маяком? Интересно, а изпод него ещё таких достать можно?

Маша пожала плечами, посчитав, что Наташин вопрос

был адресован ей.

– Прямо такой-такой? – Саша достала из-под ворота куртки свой камушек и держала его на ладони.

– Ага. Это киноварь. Я читала где-то. В старых-престарых мифах древние ягипетяне или римляне, уж не помню точно, якобы называли киноварь кровью драконов.

– Да, сказки это. Никаких ягипетян и римлян никогда не было, – заявил Поль. – Я тоже читал эту книжку. Никто даже так и не знает, где они жили. А некоторые утверждают, будто ягипетяне и римляне, это и есть мы – Русичи.

– Значит, они здесь и жили, на острове, – заключила Юля. – Если киноварь эта тут откапывалась, значит, они её и копали, и называли кровью драконов.

– Враки всё это, – категорично заявила Наташа. – Здесь всегда мы жили. Никаких этих ваших ягипетян здесь сроду быть не могло.

– Говорю же вам – враки всё это, – повторил Поль, отчасти соглашаясь с Наташей.

– А кто ж тогда копал-то? – задумалась Маша.

– Узнаем, Маша. Добудем журналчики эти и узнаем.

– Как же мы их добудем, коль они под замком? – спрашивая старшую подругу, Саша аккуратно убрала драгоценный, а теперь ещё и вызвавший столь сильный интерес у её друзей камушек за отворот куртки.

– Придумаем что-нибудь, – хитро улыбнулась Наташа.

«Двадцатый день месяца ююна.

Давно я не говорила с тобой, и не потому, что не хотела. Эти дни Гасандровна со Старушкой прям накинулись на нас. Прям стая злющих чаек на берегу. Занятия каждый день начинались с самого утра. От завтрака и до обеда мы сидели в классе, а затем и после обеда. Много читали, особенно стихов. Изучали стихотворные размеры... Вот, скажи мне, дневник, зачем нам стихотворные размеры? Глупость прям несусветная. А ещё Старушка преподавала нам природоведение. Это когда изучается природа. Вот, например, ты знал, что ежи на самом деле не носят на своих спинах яблоки? Знал, что им нельзя пить молоко? Вот! Молоко для них даже опасно, и яблоки они не носят, и листики не носят. Зачем бы они им. Природоведение мне понравилось, особенно про медведей. Не такие уж они и страшные. Хотя Наташка со мной не согласна. Она категорически против встречаться с медведем в тайге. Можно подумать, кто-то из них прям горит желанием с ней встретиться. Вот ведь закавыка в чём. Но я не стала ей перечить. Ну её.

Но больше всего мне понравились рассказы Старушки о стихиях. О ветре, например. Оказывается, климат очень капризен, а ветер зависит от воздушных масс и течений, и сами они в океанах происходят. Старушка даже рассказала нам о мировом океане. Это как так? Самый-пресамый огромный океан? Я не успела её спросить. Она куда-то спешила.

Ну вот. А по вечерам мы с девочками собирались вместе: то у меня в комнате, то у Машуни с Юлей, то у Наташи и даже у Поля. Хотя у Поля мы редко когда все вместе сидим – чаще только я и он. Ты и сам всё видел, чем мы занимаемся. Ах нет! Не видел. Ты же под подушкой или в ящике прячешься. Извини, я иногда забываю об этом. Но так необходимо. Мне не хочется показывать тебя друзьям. Хватит того, что Наташка про блокнотик прознала, одним глазком, правда, но и этого достаточно. Хорошо ещё, она не понимает, зачем в нём рисунки разные и записки. Аллилуйя де-ве Матрёне, она не ведаёт, что половина этих записочек и рисунков не мои! Вот бы она удивилась! Да не, не удивилась, скорее всего, упала бы, лишившись чувств. Как бы я хотела узнать, кто же на самом деле отвечает мне. И ведь знаешь, дневничок, этот невидимка не только отвечает, он ещё и спорит со мной. Я, например, нарисую берег и напишу, что хочу сходить туда рано утром, а он перечёркивает то, что я нарисовала, и пишет мне, мол, поспи подольше, зачем тебе переться в такую рань, да к тому же, скорее всего, будет идти дождь, и ты вымокнешь. Вот я и задумываюсь, а ведь до того и не задумывалась.

Закорючка в том, мой милый дневник, что когда я соглашаюсь со словами тетрадки и уже не хочу идти на берег, так та тут же чирикает мне солнышко и пишет: мол, сходи, а то пожалеешь потом, пропустив хорошее утро и замечательный рассвет. Это ужасно. Как можно быть та-

кой противоречивой?

Сложности всяческие (как говорит дедушка Карпуха) от тетрадки этой. А так что же это, получается: у всех, кроме меня, такие разговоры прям в головах происходят? Прям всегда и неважно по какому случаю? А если не хочется разговора того или иного, тогда как? Получается, у всех ещё сложнее чем у меня?

Ой, брр! Я совсем отвлеклась от пересказа тебе своих приключений за эти дни, а рассказать есть о чём.

Да! Кстати! Когда мы по вечерам собираемся вместе в комнате, мы чаще всего секретничаем о том, о сём или играем, а бывает, что каждая занята своим делом, и нам хорошо просто быть вместе.

Всё. Это ты теперь знаешь. То, что сегодня утром всё вокруг оказалось белым от первой изморози, ты тоже знаешь – я тебе показывала. И ты слышал, как я до того умоляла небо дать земле снега. Знаешь, как сильно я этого жёлала. Прям сильнее не бывает. У меня иногда такие желания возникают, и я ничего против них не могу сказать. Мне даже думается – они исполняются. Наверное, это от моего сильного желания. Интересно – желание может быть таким сильным, чтоб прям вслед него так и происходило?

Так вот: сегодня ночью на остров спустилась красивейшая изморозь. И надо же было такому случиться, что именно сегодня мы с Наташкой впервые вышли на пробежку. На пробежки и всяческий спорт меня бич Степан подбил.

Он в спортах толк знает, так как занимался ими. Вот мы и побежали прям по белому, по свежему. Какое великолепие нас окружало! А вот бегать оказалось тяжко, но то по первости. Дальше легче должно пойти. Степан и это мне сказал.

Ну, так вот, пробежались мы с Наташкой, и сразу на завтрак. И тут, под конец уже, Поль заявляется, и рассказывает нам о незнакомце, что на берег сошёл. Он приплыл на доре рыбацкой, а рыбаки много Полю не сказали про незнакомца. Сами не ведают. Сказали только, что он с берега противоположного и крови не нашей, а прям цыганской. Как он там оказался и что делал? Уж он точно не местный. Местные все из селения, где дядя Медведь с бабушкой Лизой проживают. Но есть ещё дедушка Фёдор, он единственный отшельником в тайге живёт. Вот и ответь мне – кто такой этот незнакомец и что ему надобно здесь, на острове?

Поль знает рыбаков этих, и как я тебе уже сказала: они ничегошеньки ему не сообщили, якобы пассажир их весьма молчалив. Знают только, что закатным солнцем забрать его надо. Так он им и сказал. А дальше незнакомец пошёл к маяку. Его, как оказалось, интересовал именно наш маяк.

Так вот, Наташка, лисица любопытная, не выдержав таинственности происходящего, сорвалась с места, сказав, что съита уже завтраком, и кинулась к маяку с целью всё разузнать. Ну, а мы чем хуже? Мы все тоже за ней. А там

такое! Там аж целый Сергей Леонидович к маяку пришёл и о чём-то разговаривал с незнакомцем. А затем они пошли к избушке, которая на самом деле обычная сараюшка, и долго там рылись. Незнакомцу нужны были журналы маячные. Знаешь, начальник маяка (раньше они звались смотрителями) всегда ведёт журнал, прям как на кораблях, но на кораблях их иногда ещё называют корабельными дневниками, прям как ты, только ты островной дневник. В общем, нашли они то, что искали. А затем мы даже услышали их разговор. Они говорили о киволаве какой-то. Я не запомнила этого слова. Зато хорошо помню, что давным-давно она называлась кровью драконов. Красиво, правда? Это камушек точь-в-точь как у меня на цепочке, так Машуня сказала, а я ей верю. Она хоть и слепуха, и потому читает мало, но знает много всего. Якобы совсем уж давно эти камушки откапывали у нас, здесь, на острове, прям в том самом месте, где сейчас и стоит теперь маяк. Это что же получается – было время, когда маяка не было? Не верится как-то в такое.

Вот такие дела у нас происходят, пока ты под подушкой лежишь.

В общем, Сергей Леонидович увёл незнакомца к себе в гости, и тот держал в руках несколько журналов. Интересно: что же все-таки в них такого написано? Неужто в давние времена здесь проживали сказочные ягипетяне? И не только они, но вторых я позабыла.

Ох, и сходит же теперь Наташка с ума от нетерпения! У неё (я сама видела) даже глаза покраснели от особенного «голода». Скажу тебе по секрету – наша Натуся сама не своя до всяческого рода любопытств. Она не то, что наш трактор – она заводится «сполтычка» (так дедушка Карпуха говорит). Я уверена, избёнке той недолго осталось хранить свои секреты.

Но ты не думай, я тоже любопытная. Мне, вот, интересно знать про незнакомца. Кто же он такой? Почему остерегался видеться с Гасандровной? Он, оказывается, и дяденьку Антуана знает и называет его Антоном, прям как Гасандровна. Они что, знакомы? Так что ли? А чему я удивляюсь? Дядя Антуан по всем странам плавает на кораблях. Может, он и в Индиях бывал, и цыганов этих видел, а может, и знаком с кем-нибудь из них. А ещё, мне думается – директриса наша по-любому будет знать о его визите. Надо бы вызнать у Сергея Леонидовича. Хоть самую малость вызнать. Может, даже у Татьяны Алексеевны. А ещё лучше у дедушки Карпухи, если, конечно, он ведаёт о странном визитёре. А если нет – я ему сама расскажу. Авось он припомнит что-нибудь этакое.

Вот. Самое интересное я тебе пересказала. Пора ложиться спать. А пока буду засыпать, представляю себе остров, засыпанный снегом, и чтоб прямо сугробы повсюду. Уж больно я люблю такое: и засыпать под мечты, и сугробы, и чтоб прям мороз-мороз, и ветер, и чтоб идёшь, и тебя

сдувает, и всё летит, летит, кружится, и выюга. Ты только не подумай чего. У нас каждая зима такая. Но за лето я соскучиваюсь по снегу и начинаю мечтать, представляя себе зимнюю стужу. Мне и лето нравится, особенно когда шторм, или дождь сумасшедший, или ветер такой, что на ногах не устоять, да и просто ветер, завывающий за окном. Уф! Прямо мурашки по коже побежали от предвкушения. А теперь всё. До завтра».

Саша убрала дневник в нижний ящик стола и рассмеялась. – Ну, Наташечкина даёт! Она же бедную сарайку по брёвнышку раскатает. И всё же, откуда у меня этот камешек? Кто сделал его, кто повесил на цепочку? Неужто взаправду дедушка Фёдор? Я у блокнотика спрашивала, так он о дедушке подумал. И откуда ему ведать всякое такое? Вот бы незнакомца того порасспросить, да только он уже уплыл с острова-то. Эх. Жаль я не сообразила повстречаться с ним.

Девочка вздохнула, забралась в постель, накрылась одеялом и, засыпая, ещё минут десять представляла себе выюгу, погрузившую остров в непроницаемую снежную муть, и в этом студёном зимнем вихрении шла она одна и мурлыкала под нос песню, старую песню народа Русичей о тройке лошадей, что несётся сквозь выюгу, позвякивая бубенцами.

Глава 7. Двадцать второй день месяца рюина. Урок космоведения и открытие дара

– Александра, после обеда жду тебя в своём кабинете, –
зайдя в классную комнату, сказала Галина Александровна.
При этом она опустила г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.